

Жанна Кригер

**В Эпох и Стран
Круговороте...**

**100 лет жизни одной семьи
в XX веке**

УДК 821. 161. 1-1
ББК 84 (2 Рос=Рус) 6-4

Жанна Борисовна Кригер
В эпох и стран круговороте.
100 лет жизни одной семьи
в XX веке

Издательское содружество
А. Богатых и Э.РАкитской (Э.РА), 2005.
– 268 с., ил.
Москва – Тель-Авив.

Литературная обработка
Михаила Берковича
при участии Бориса и Михаила Кригеров
Обложка Ольги Романовой
Редактор Эвелина Ракитская

ISBN 5-98575-013-2

© Жанна Борисовна Кригер, 2005
© Ольга Романова, обложка, 2005

Память Поколений

(Вместо предисловия)

Недавно американский журнал «Scientific American» опубликовал заметку о том, что развитие человечества зиждется на бабушках... Именно с тех пор как бабушки стали доживать до того возраста, когда смогли передавать преданья рода своим внукам, произошел резкий скачок в развитии людей как сообщества разумных существ. Века, тысячелетия серой дикости да дикой серости... Каждое молодое поколение наступало наотмашь на одни и те же грабли, пока не появилась бабушка, и не проверила, не мокрые ли у человечества носки, не простудилось ли оно, не напоила ли человечество горячим чаем с доисторическим вареньем, и наконец не усадила набежавшееся по лужам человечество обсыхать у огня и слушать сказку или какую-нибудь историю – как жили-были дедушка и бабушка во времена, когда внуков еще и в помине не намечалось, и как они за мамонтами бегали, и какую замечательную ручку для копья научилась делать бабушка, и

как хитро заманивал дикой морковкой мамонта дедушка, и как вообще-то оказалось, что морковку эту можно сажать на грядке, и вообще необязательно тогда носиться за мамонтами, если есть моркови вдоволь... да и целее будешь...

Так по капелькам этих вечеров у огня стали передаваться простые истины, до которых до этого каждому поколению диких людей приходилось доходить заново самому. Люди сразу поняли важность этой передачи опыта и все последующие века внимательно слушали у огня, что поведает им их бабушка или дедушка, пока родители носились сначала в погоне за мамонтами, а потом за мамонами...

В последние времена человек стал терять свои корни, по большей части зная своих предков лишь до второго колена... Беседы у огня заменились громкими покемолами в телевизорах, и человечество, как это не удивительно в наш суперквантовый век, стало дичать и мельчать, как мельчает брошенная морковка, которую перестали культивировать, постепенно возвращаясь к дикому своему состоянию, в коем пребывала в незапамятные века. Современное общество охотно рвет семейные корни и узы, ему больше не нужно крепких кланов,

родов, дворянских, купеческих и фермерских семей, которые могли бы эффективно противостоять невзгодам, главным из которых для человека всегда было и оставалось свое собственное государство. Но государство человека перехитрило, заманило деток его мишурой да побрякушкой, растащило их родителей по разным важным рабочим местам, а бабушкам и дедушкам осталось прозябать в свои удлинившиеся года то ли приставкой к телевизору, то ли ненужным бременем пенсионных программ... Увели злые компьютеры наших детушек... Не слушают они больше ни наших сказок, ни наших воспоминаний... А между тем рвется связь поколений, и вот уже снова начинают молодые дикие и необузданные, тупые и наивные наступать на те же грабли, что и их родители, и не видят ничего дальше собственного носа. Лишить детей и внуков мудрости их предков – это то же самое, что отшибить память взрослому человеку. В этой книге была предпринята попытка не дать злему демону современных школ и интернета отнять у нас наших потомков, эта книга – рассказ о жизни поколений семьи на протяжении как минимум 100 лет. Пусть она станет путеводным огнем нашим детям и внукам, а также нагляд-

ным примером иным семьям в поиске их корней и даже ценным историческим документом, если ее, конечно, откапывают через 1000 лет в какой-нибудь заброшенной сторожке на краю земли и лишь по ней восстановят, каким он был – этот дурной и восторженный, коварный и безбожный, сулящий и разочаровывающий 20-й век, в вихри теней его событий на лицах наших дорогих бабушек, дедушек, матерей и отцов, которые для нас не просто движущиеся картинки в фильмоскопе... которые для нас плоть и кровь наша, подарившая нам эту временами тусклую, но в целом весьма занимательную штуку, которую мы именуем «жизнь».

Глава Первая

А кругом шумел живой прошлый век...

У веков есть свой привкус, свой шарм, свои тайны... Каким он был, этот девятнадцатый век? Как стучали копыта конок по булыжникам мостовой? Как пахли цветы? Как порхали несмышленные птички? Нам, живущим сейчас и судящим по тем временам по старинным фотографиям, напечатанным на твердой, как картон, бумаге, кажется, что все вокруг было черно-белым, даже те вещи, которые не меняют цвета и свежести из века в век и, как выразил эту мысль Борис Яковлевич Берзон, восхищаясь в стихах морем: «...Ему сегодня – миллионы лет... И синь твоя – всегда была такою, И волн всегда был изумрудным цвет...» – этот забытый мир был живым, объемным реальным, осязаемым, вдыхаемым, несущимся по бокам двуколки, с мерно раскачивающимися ветвями деревьев... Все, что от него осталось, – это черно-белые фотографии и желтые страницы книг,

напечатанных в ту пору. Всегда, беря в руки книжку, изданную в конце того века, думаешь: а ведь ее могла читать моя бабушка, еще чернявой хохотливой девчонкой, или грустной тихой и задумчивой, – какой она была? Кто теперь мне поведаст об этом? Я знаю только, что она была той, для которой мир, в котором мы живем, был бы чем-то вроде иллюстрации к фантастическому роману Жюль Верна или Уэльса. Тогда она, эта девчушка, или мальчонка-дедушка, владели миром реальности, они были полноправными его жителями, каковыми теперь являемся мы, а они перешли в мир образов, воспоминаний и вздохов...

– Наша семья во многом типична, – вспоминает, Жанна Кригер, урожденная Берзон. – Большинство еврейских семей не знают своих корней дальше третьего, максимум четвертого поколения. И это объясняется вынужденными переменами места жительства. Вот и я помню свой род, начиная с дедушки Якова Берзона. Не знаю ни года его рождения, ни даже отчества. Даже не могу сказать, когда он появился в Кишиневе. Знаю, только, что оба родителя моих 1896 года рождения, оба родились в Кишиневе, столице Бессарабии, входившей в то

время в состав «Романия мари» (Великая Румыния). После оккупации Советским Союзом, 2 августа 1940 года, Бессарабия стала Молдавской ССР.

Согласно Еврейской Энциклопедии, издаваемой Ассоциацией по исследованию еврейских Общин, первое упоминание о проживании евреев в Кишинёве содержится в «Хронике стародавности романо-молдо-валахов» Д. Кантемира и относится к началу 18 века. О существовании в 18 веке еврейской общины в Кишинёве свидетельствует дошедший до нас устав погребального братства (см. Хевра каддиша), датированный 1774 г. и подписанный 144 членами. В то время в Кишинёве проживало 540 евреев (7% населения города). Первым раввином общины был Залман, сын Мордехая Шаргородского, ученика рабби Исраэля бен Эли'эзера Ба'ал-Шем-Това. В 1812 г. рабби Хаим бен Шломо Тирер из Черновиц (1760?-1816) основал в Кишинёве Большую синагогу. Спустя некоторое время в городе открылась еврейская больница, а в 1838 г. по инициативе местных приверженцев Хаскалы – первое еврейское училище с широкой общеобразовательной программой (преобразованное впослед-

Александровский проспект в Кишиневе,
фотография тех лет

ствии в два казенных еврейских училища). Среди зрителей училища были математик и поэт Я. Эйхенбаум и Я. Гольденталь (1815-68; с 1849 г. профессор востоковедения Венского университета). В 1858 г. в Кишинёве, кроме двух казенных еврейских училищ и одного частного женского, было 46 хедеров, а с 1860 г. существовала хасидская (см. Хасидизм) иешива, одна из первых на юге России. В 1867 г. в Кишинёве проживало свыше 18 тысяч евреев, помимо синагоги имелось 28 молитвенных домов. В 1897 г. еврейское население Кишинёва превысило 50 тысяч человек (46,3% населения).

В 1898 г., по данным Еврейского колони-
зационного общества, из 38 фабрично-заводс-

ких предприятий Кишинёва 29 принадлежали евреям; из семи паровых мельниц шесть были еврейскими со 120 рабочими (в большинстве евреями); из семи табачных фабрик и складов пять были еврейскими со 170 рабочими (почти все еврей). Из пяти типографий Кишинёва четыре принадлежали евреям. Из ремесел среди еврейского населения было особенно развито швейное и деревообделочное. Евреи Кишинёва занимались торговлей сельскохозяйственными продуктами (2470 человек), тканями и одеждой (свыше одной тысячи человек); извозным промыслом занималось 450 евреев, носильщиков и грузчиков было 400, сезонных рабочих на виноградниках – около 500. В Кишинёве было 16 еврейских учебных заведений (свыше двух тысяч учащихся), среди них четыре школы талмуд-тора, одна из которых – реформированная (основана в 1872 г.) с 300 учащимися. С 1886 г. в Кишинёве действовала группа Ховевей Цион во главе с М. Дизенгофом, с 1897 г. – сионисты во главе с Я. Бернштейн-Коганом. В начале 20 в. в Кишинёве были организации Бунда и Агуддат Исраэль.

Глава Вторая

Кровавые дни Кишинёва...

– Отец мой был из богатой семьи, – рассказывает Жанна Кригер. – Дедушка был купцом второй гильдии. В царской России еврею добиться такого – надо было иметь хорошие способности. Когда он появился в Кишиневе – не знаю, такие сведения до нас не дошли. Но о том, что семья пережила знаменитые кишиневские еврейские погромы, мне известно. Мама рассказывала, разумеется, со слов бабушки.

Надо, наверное, напомнить, что такое погромы вообще и что такое кишиневские, конкретно. Евреев почти нигде не жаловали. Чужаки не нужны никому. Но чаще всего евреев громили в России. Не случайно слово «погром» имеет русское происхождение. Говорят, громили иноверцев. Возможно, и так, но не такие уж они ценители христианства – черносотенцы, чтобы только ради своей веры идти на массовое кровопролитие. А вот когда перед пья-

ным сбродом маячит возможность личного обогащения, тогда он проявляет кровный интерес. И это не домысел, поскольку невозможно припомнить хоть один еврейский погром без грабежей имущества беззащитных. Черносотенцы не брезговали ничем. Отнимали все, что видели, насиловали женщин, убивали стариков и детей. А поводы для начала особой сложности не представляли. Как всегда, выдумывалась история. Например, убили еврей крещеного младенца, его кровь использовать для приготовления мацы. В вариациях тоже не было недостатка. Те же кишиневские погромы оправдывались тем, что якобы еврей убил свою православную прислугу. Тот факт, что она умерла от болезни и что хозяин все делал для того, чтобы спасти ее жизнь, никакого значения не имел.

Да и какое может быть еще значение, если погром разрешил сам самодержец Всея Руси. Зачем? Страну раздирали революции, трон империи ежедневно утрачивал устойчивость. Как отвлечь недовольные массы от революционных идей? Надо не только показать им, кто повинен во всех бедах, но и дать возможность «отвести душу». И стало так. Потом, уже после кровопролития, царь обратился к евреям с сочувственным посланием, сожалениями о слу-

чившемся. Это фарисейство было одобрительно встречено некоторой частью еврейства, понадеялись, что зверству будет положен конец. Но два года спустя вспыхнул новый погром, не менее жестокий.

Это было жутко видеть. Пьяные толпы заполонили улицы, впереди шли попы с хоругвями. У толпы, как известно не бывает мозгов, она не умеет думать. Да и отправились они в свой омерзительный путь совсем не затаем. Громили, грабили, насиловали, убивали. Дедушка с бабушкой жили в то время в одном доме с двумя женщинами. Дочь и мать. Ни фамилии, ни имен не помню. Но знаю, что дочь держала парикмахерскую, а мать славилась тем, что когда-то работала нянькой у самой царской семьи. Ходили слухи, будто она нянчила цесаревича Алексея.

Перед тем, как толпе подойти к нашему дому, мать парикмахерши сняла из красного угла икону и вышла к подъезду. Женщина известная, славилась высоким авторитетом. Встала на пути громил, подняв в руках икону, и говорит: «Сюда не заходите! Здесь живут хорошие люди. Их нельзя обижать». И толпа, немного помялась у дверей, повернула в сторону. Так пришло неожиданное спасение.

В тот же вечер дедушка и бабушка собрали детей и срочно вывезли из города, определили в соседний какой-то городок к родственникам. После завершения погрома они вернулись. А черносотенцы больше к нашему дому не подходили. А не окажись такой соседки рядом, кто знает, чем это могло закончиться. Тем более что пожить в семье дедушки было чем. Мама моя все это пережила, ребенок-ребенок, но что происходило в городе, понимала. Страх, боязнь черносотенной толпы сохранились в ее сердце на всю жизнь. Уже потом, когда я была взрослой, по Свердловску поползли слухи о том, что должна начаться новая волна гонений на евреев (мы потому и уехали в Израиль), она доставала топорик для рубки мяса и говорила мне:

– Жанна, положи под тумбочку, мало ли что может быть!

– Да что же это, – отвечала я ей, – неужели стану топориком размахивать?

– Не знаю, но чтобы что-то под рукой было, – возражала она.

То есть, инстинкт самосохранения, вложенный в нее кишиневскими погромами, не отпускал ее до последних дней. Это жуткие картины. Пьяная толпа гуляет по городу, кру-

шит дома и заведения богатых евреев. Бедным тоже доставалось, но не так. Кстати, был у меня такой случай. Одной знакомой еврейке я подарила пластинку с еврейской музыкой. На следующий день встречаю ее:

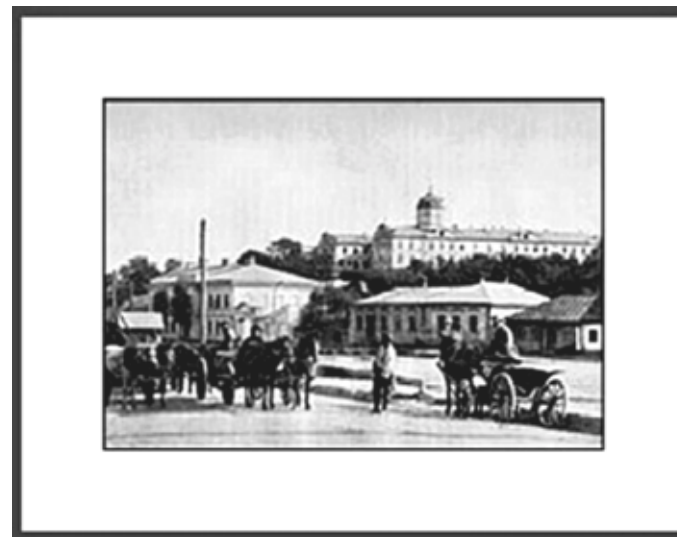
– Как тебе мой подарок?

А она плачет. В чем дело?

– Ой, Жанночка, – говорит, – под эту музыку погромщики отрубили голову моему отцу. Отец прятался в колодце. Нашли, вытащили и убили на глазах у всех.

Правда, не в Кишиневе, а на Украине, но какое это имело значение?..

Согласно Еврейской Энциклопедии, в дни христианской Пасхи 6 апреля 1903 г. в Кишинёве разразился жестокий еврейский погром. Непосредственным поводом к нему послужил кровавый навет в близлежащих Дубоссарах, а вдохновителями были редактор антисемитской газеты «Бессарабец» П. Крушеван, публиковавший в этой газете злобные антисемитские статьи, и жандармский офицер Левендаль. Погромщиками были в основном молдаване, а также несколько специально для этого приехавших в Кишинёв русских. Группы еврейской самообороны под руководством Я. Бернштейн-Когана

Еврейские торговцы, Кишинев, фотография тех лет

были разоружены полицией и войсками, а их участники арестованы. Ужасы Кишинёвского погрома (убито 49 человек, ранено 586, разгромлено более полутора тыс. еврейских домов и лавок) взволновали общественное мнение Европы и Америки, и в пользу пострадавших со всех концов света поступали пожертвования. Дело о погроме рассматривалось в Кишинёве сессией особого присутствия Одесской судебной палаты в конце 1903 г. и начале 1904 г. Интересы потерпевших

защищали О. С. Грузенберг и С. Е. Калманович, а также адвокаты-христиане Н. П. Карабчевский, А. С. Зарудный, С. С. Соколов и другие. Признанные виновными погромщики получили легкие наказания. Х. Н. Бялик посвятил Кишинёвскому погрому поэму «Бе-’ир ха-харега» («Сказание о погроме»), В. Г. Короленко описал эти события в очерке «Дом №13», Л. Толстой выразил сочувствие жертвам погрома и обвинил царское правительство в прямом к нему подстрекательстве.

В октябре 1905 г. волна погромов, захлестнувшая Россию, не миновала и Кишинёва, где было убито 19 и ранено 56 евреев. Группы еврейской самообороны оказали сопротивление погромщикам. Погромы и общий упадок экономического благосостояния евреев Бессарабии привели к усиленной их эмиграции из Кишинёва и замедлению роста еврейского населения города (в 1910 г. – около 52 тысяч человек; данные на 1897 г. см. выше). С 1909 г. главным раввином Кишинёва был И. Л. Цирельсон. С конца 19 в. в Кишинёве печаталось много книг на иврите. В 1912 выходил сионистский еженедельник на русском языке «Еврейская хроника».

Во время 1-й мировой войны отступавшие русские войска грабили в Кишинёве еврейские дома. В установлении советской власти в Кишинёве активную роль сыграли первый советский начальник гарнизона Ф. Левензон (1893-1938) и И. Якир. При румынской власти (1918-40) евреи Кишинёва страдали от антисемитизма, однако численность их увеличилась за счет евреев, бежавших от украинских погромов времен гражданской войны. Лишив многих евреев Кишинёва (как и всей Бессарабии) гражданства (1924), власти тем самым обрекли их на нищету. Однако, несмотря на правительственный и общественный антисемитизм, в Кишинёве развивалась бурная общинная и культурная еврейская деятельность. Среди евреев города были представлены почти все направления сионистского движения, действовали организации Хе-Халуц, помогавшая многим халуцим из Советского Союза репатрироваться в Эрец-Исраэль, спортивное общество «Маккаби». В 1921 г. была основана религиозная гимназия «Маген-Давид» с преподаванием на иврите. Существовали также гимназия сети Тарбут и школы с преподаванием на идиш. В 1922-32 гг. (с короткими перерывами) выхо-

дила ежедневная газета на идиш «Унзер цайт». В 1926 г. еврейское население Кишинёва составляло 41 400 человек. После перехода Бессарабии под власть Советского Союза (1940) большинство еврейских учреждений Кишинёва были закрыты и сионистская деятельность запрещена. Среди многих жителей Кишинёва, арестованных и высланных в это время, были тысячи евреев.

16 июля 1941 г. немецко-румынские войска оккупировали Кишинёв. Часть еврейского населения смогла эвакуироваться. 17 июля подразделение эйнзацgruppen «Д» и часть румынской жандармерии уничтожили около 14 тысяч мужчин-евреев. 1 августа были отобраны якобы для отправки на работы 450 молодых людей и девушек; 411 из них были расстреляны через несколько дней; вновь под предлогом отправки на работу было собрано 500 человек, 300 из них расстреляно.

25 июля румынский комендант Кишинёва отдал приказ о создании гетто. Евреям были даны два дня на переселение. Согласно румынским документам, 11 августа в гетто было заключено 10 578 человек. К середине сентября

1941 г. численность узников гетто увеличилась. В гетто были направлены евреи из окружающих местечек. В гетто тогда находилось 11 525 человек. С 5 августа евреи Кишинёва были обязаны носить отличительный знак – шести-конечную звезду.

В конце июля румынские оккупационные власти создали еврейский комитет, в составе 22 «интеллектуальных евреев». Комитет возглавил доктор Г. Ландау, его заместителем стал адвокат А. Шапиро. Комитет организовал суповые кухни, которые отпускали около 200 обедов в день. 11 сентября был открыт детский дом для 28 сирот. В октябре 1941 г. после ликвидации части узников румынские власти стали осуществлять депортацию евреев в Транснистрию. Еврейская община Румынии и еврейский комитет предпринимали отчаянные попытки добиться отмены депортации. Доктор Г. Ландау отказался представить списки евреев, предназначенных к депортации, и вместе с женой покончил жизнь самоубийством. Его заместитель А. Шапиро незадолго до ликвидации гетто тайно в форме румынского офицера прибыл в Бухарест и пытался при помощи еврейской общины Румынии отменить приказ о де-

портации. Были направлены обращения к королеве-матери и к высшему духовенству Румынии. Но министр внутренних дел М. Антонеску согласился оставить в Кишинёве только 100 крестившихся евреев. Депортация проходила в очень тяжелых условиях. Людей гнали в основном пешком. Только последние партии депортируемых отправляли на подводах. Большинство погибли по дороге. Так, из 2500 кишинёвских евреев, отправленных в концентрационный лагерь Доманевка в Одесской области, прибыло только 160 человек; остальные погибли по дороге от голода, холода, болезней или были уничтожены румынскими жандармами.

В гетто Кишинёва действовало еврейское сопротивление (см. Сопротивление антинацистское). Был создан городской подпольный центр, в который вошли в основном евреи. Б. Дейч, один из руководителей подполья, создал боевую группу в гетто.

Многие евреи Кишинёва вернулись в город из эвакуации и Транснистрии. В 1959 г. еврейское население Кишинёва составляло 42900 человек, в 1970 г. – 49900, в 1979 г. – 42400.

Среди евреев, подписавших в 1956 г. опубликованный в газете «Известия» официальный протест против Синайской кампании, значится и имя раввина Кишинёва. В начале 1960-х гг. власти препятствовали совершению ритуальных обрядов, в том числе обрезанию. Однако в 1965 г. была разрешена выпечка мацы. В 1958 г. старое еврейское кладбище Кишинёва было разделено на две части, одну из которых власти отвели под рыночную площадь. Окончательно еврейское кладбище было закрыто в 1960-х гг., надгробные плиты повреждены или уничтожены. В 1962 г. по обвинению в «экономических преступлениях» был арестован 31 еврей Кишинёва. В 1967 г. несколько студентов-евреев были исключены из местного университета за отказ публично осудить «израильскую агрессию».

Основанная в 1966 г. самодеятельная Еврейская музыкально-драматическая студия Кишинёва (около 100 человек) поставила спектакль «Гершеле Острополер».

С конца 1960-х гг. евреи Кишинёва участвовали в борьбе евреев Советского Союза за право выезда в Израиль. Некоторые еврей-

ские активисты были арестованы и приговорены к разным срокам лишения свободы на Кишинёвском процессе, проходившем 21-30 июня 1971 г. и явившемся продолжением ленинградских процессов (см. Процессы антиеврейские в Советском Союзе). В конце 1976 г. еврейские активисты Кишинёва провели семинар по вопросам еврейской культуры. В 1989-2004 гг. многие евреи Кишинёва выехали в Израиль, США, Германию и другие страны мира. По данным Министерства абсорбции Израиля, в 1989-2003 гг. из Кишинёва в Израиль выехали 24 990 человек.

С конца 1980-х гг. в Кишинёве начался процесс восстановления общественных, религиозных, культурных организаций. Функционируют представительства Джойнта, Еврейского агентства, Израильский информационно-культурный центр. В Кишинёве находится центр Ассоциации еврейских организаций и общин (председатель С. Шойхет), синагога (раввин З. Абельский). Функционируют Еврейский народный университет, две школы, в том числе Технологический колледж ОРТа имени Т. Герцля. Выходит большое количество изданий еврейской периодической

печати: «Израильский калейдоскоп» (издание Израильского информационно-культурного центра), «Гешер» – бюллетень еврейских общин Молдовы, «Еврейское местечко» – издание благотворительного фонда «Дор ледор», «Наш голос» (издание Ассоциации еврейских организаций и общин), «Истоки жизни», «Маген».

Глава Третья

*Поэзия и грёзы: каким оно было,
начало двадцатого века...*

– У дедушки Якова было десять детей, – продолжает Жанна Кригер. – Папа – последний. Разумеется, дедушка был религиозным, соблюдал традиции, но не ортодокс. Почему я так говорю? Такой пример. В йом кипур он идет в синагогу и берет с собой самого младшего сына, то есть будущего папу моего. Папа еще маленький, да и не очень крепкий мальчик. Дедушка прикрывает его накидкой, и сует ему ножку курицы. Отцовская забота о ребенке превышала запреты. Уже сам такой поступок говорит о том, что он не был ортодоксально верующим человеком.

Мама тоже происходила из зажиточной семьи. Ее отец владел небольшим галантерейным магазином. У этих дедушки с бабушкой

было семеро детей. Шесть мальчиков и девочка, Ада. Саховалер Ада Иосифовна – моя мама. Дедушка Иосиф несколько строже блюл религиозные требования, хотя и он допускал некоторые вольности. Мамины братья все – революционеры, не признававшие Бога вообще. А значит, не соблюдали и кашрут, ели все, что под руку попадет. Иногда приносили в дом свиное сало.

Дедушка не давал им посуды. «Вот вам бумажки, и на них ешьте вашу гадость». Потом эти бумажки выбрасывали. Из этого можно сделать вывод, что и дедушка по маминой линии тоже не был ортодоксом.

– Бабушка (Ада Иосифовна), – вспоминает Борис Кригер, – часто рассказывала о начале XX века, оно было наполнено ее юностью, стихами, веселыми братьями. Кстати, дедушка, Борис Яковлевич, тоже писал в молодости стихи, и его хвалили... Конечно, ничего от этих ранних стихов не осталось... Бабушка очень часто читала мне один и тот же стих: Итак – начинается утро... Она говорила, что его сочинил ее брат, но уже после того как бабушка умерла, этот маленький шаловливый обман раскрылся после почти ста лет невинного ба-

бушкиного заблуждения... Это был стих Саши Черного. Вот он весь, во всей своей язвительной красе... Я не уверен, весь ли его читала наизусть мне бабушка.

ВСЕРОССИЙСКОЕ ГОРЕ

*(Всем добрым знакомым
с отчаянием посвящаю)*

*Итак – начинается утро.
Чужой, как река Брахмапутра,
В двенадцать влетает знакомый.
«Вы дома?» – К несчастью, я дома.
(В кармане послал ему фигу),
Бросаю немецкую книгу
И слушаю, вял и суров,
Набор из ненужных мне слов.
Вчера он торчал на концерте -
Ему не терпелось до смерти
Обрушить на нервы мои
Дешевые чувства свои.*

*Обрушил! Ах, в два пополудни
Мозги мои были как студни...
Но, дверь запирая за ним
И жаждой работы томим,*

Саша Черный. 1880-1932

*Услышал я новый звонок:
Пришел первокурсник-щенок.
Несчастный влюбился в кого-то...
С багровым лицом идиота
Кричал он о «ней», о богине,
А я ее толстой гусыней
В душе называл беспощадно...
Не слушал! С улыбкою стадной
Кивал головою сердечно
И мямлил: «Конечно, конечно».*

*В четыре ушел он... В четыре!
Как тигр я шагал по квартире,
В пять ожил и, вытерев пот,
За прерванный сел перевод.*

*Звонок... С добродушием ведьмы
Встречаю поэта в передней.
Сегодня собрат именинник
И просит займы дать полтинник.
«С восторгом!» Но он... остается!
В столовую томно плетется,
Извлек из-за пазухи кипу
И с хрипом, и сипом, и скрипом
Читает, читает, читает...
А бес меня в сердце толкает:
Ударь его лампою в ухо!
Всади кочергу ему в брюхо!*

*Квартира? Танцкласс ли? Харчевня?
Приехала рябая девица:
Нечаянно «Месяц в деревне»
Прочла и пришла «поделиться»...
Зачем она замуж не вышла?
Зачем (под лопатки ей дышло!)
Ко мне направляясь, сначала
Она под трамвай не попала?
Звонок... Шаромыжник бродячий,
Случайный знакомый по даче,
Разделся, подсел к фортепьяно
И лупит. Не правда ли, странно?
Какие-то люди звонили.
Какие-то люди входили.*

*Боясь, что кого-нибудь плюхну,
Я бегал тихонько на кухню
И плакал за вьюшкою грязной
Над жизнью своей безобразной.*

(1910)

И так, часто-часто, бабушка мне повторяла: И так – начинается утро...

Она читала мне и другой стих, но только первое четверостишье... Через много лет, я понял почему... Вот первое четверостишье, стихотворения, которое теперь практически всем известно, но в советскую пору было деликатесной редкостью...

*Это было у моря, где ажурная пена,
Где встречается редко городской экипаж.
Королева играла в башне замка Шопена,
И, внимая Шопену, полюбил ее паж.*

Это четверостишье я слышал от бабушки не раз. Я помню ее сидящей на балконе нашей квартиры в Свердловске и читающей мне его...

А вот продолжение оказалось не совсем для моих детских ушек:

*Было все очень просто, было все очень мило:
Королева велела перерезать гранат,
И дала половину, и пажа истомила,
И пажа полюбила, вся в мотивах сонат.*

*А потом отдавалась, отдавалась грозово,
До восхода рабыней проспала госпожа.
Это было у моря, где волна бирюзова,
Где ажурная пена и соната пажка.*

Конечно, бабушка знала его целиком, но никогда мне не читала... Какой от этих строк Игоря Северянина веет раскрепощенной молодостью начала двадцатого века... Теперь эти стихи, прочитанные полностью, дают ощутить бабушку юной ровесницей едва народившегося столетия... Наверняка она запомнила эти волнующие юную душу стихи, шушукаясь с подружками по гимназии... Не удивительно, что у бабушкиного внука Бори Кригера проснулась такая страсть к поэзии...

Слава Северянина в те годы была невероятна. Его короновали «Королем поэтов». Свидетельства современников крайне противоре-

Игорь Северянин.
1887-1941

чивы, избрание «Короля» сопровождалось шутивым увенчанием мантией и венком, но известно, что сам Северянин отнесся к этому очень серьезно.

Интересно, что титул «Короля поэтов» подходил больше всего именно Игорю Северянину.

В начале своего славного пути он уже был «Принцем поэтов». Еще в 1913 году А. Чеботаревская (жена Ф. Сологуба) подарила ему

книгу Оскара Уайльда «Афоризмы / пер. кн. Д.Л. Вяземского») с дарственной надписью:

«Принцу поэтов – Игорю Северянину – книгу его гениального брата подарила Ан. Чеботаревская. Одесса, 17/III-1913». Книга хранилась в личной библиотеке Игоря Северянина в Тойла.

Хотите послушать историю его коронавания? Большая аудитория Политехнического музея в первые послереволюционные годы стала самой популярной трибуной современной поэзии. Конечно, в ней, как и прежде, читались естественнонаучные лекции, проходили диспуты на волнующие общество темы, можно назвать хотя бы диспуты А. В. Луначарского с главой обновленческой церкви митрополитом А. И. Введенским, но все же, прежде всего, в Большой аудитории Политехнического музея москвичей собирала поэзия.

Рассказывая о вечерах поэзии, все современники говорят о переполненном зале, о толпе жаждущих попасть на вечер, о милиционерах, наводящих порядок, о царившей в зале атмосфере заинтересованности, равнодушия. Политехнический музей и пропагандировал новую поэзию, и приобщал к ней самые широкие круги.

Устраивались вечера отдельных писателей и поэтов – В. В. Маяковского, А. А. Блока, С. А. Есенина; проводились выступления группы объединенных едиными творческими принципами поэтов – футуристов, имажинистов и других. Но особенное внимание привлекали коллективные вечера, на которых выступали поэты различных школ и направлений.

Первым из наиболее ярких и запомнившихся вечеров, воспоминания о котором можно и сейчас еще услышать, был вечер 27 февраля 1918 года – «Избрание короля поэтов».

По городу была расклеена афиша, сообщавшая цели и порядок проведения вечера:

«Поэты! Учредительный трибунал созывает всех вас состязаться на звание короля поэзии...»

«Избрание короля поэтов» открыло собой длинную серию поэтических вечеров в Большой аудитории Политехнического музея, на которых поэты и публика вступали в прямой диалог; приговоры – поддержка, одобрение или неприятие – выносились тут же. Может быть, никогда еще поэты не стояли так близко к своему читателю и не ощущали его так отчетливо.

Вечера носили общее название «Вечеров новой поэзии», хотя некоторые из них имели и свои названия: «Смотр поэтических школ», «Вечер поэтесс», «Чистка поэтов» и т. д. Для всех этих вечеров была характерна общая заинтересованность и откровенная реакция публики, на них бушевали страсти, возникали скандалы, но, несмотря на анекдотичность некоторых эпизодов, за ними всегда чувствуется высокая поэтическая атмосфера.

Что это были за годы бабушкиного и дедушкиного детства? – спрашивает Борис Кригер. – В небе летал один из первых пилотов Уточкин... Бабушка рассказывала с восторгом и о нем.

Если открыть любой неавиационный энциклопедический справочник и поинтересоваться, кто такой Сергей Уточкин, то можно прочесть: «...один из первых русских летчиков». И тут же помечены годы рождения и смерти. Да, написано емко, скупо и... незаслуженно мало. Свою немеркнущую звезду Уточкин зажег в авиации. И, думаю, вполне уместно вернуться к началу века, в те далекие годы, когда восходила эта звезда, когда моя бабушка была еще девочкой и когда новости об этих полетах

воспринимались с большим восхищением, чем нынешние запуски космических кораблей...

Сергей Исаевич Уточкин родился 30 июля 1876 года в Одессе, в семье купца 2-й гильдии. Совершает удачные полеты на воздушном шаре не только в Одессе, но и Каи-ре, Александрии, других городах. Однако его тянет взлететь на аппарате, который тяжелее воздуха. Но вначале решил заняться планеризмом. Тут как раз секретарь Одесского аэроклуба Карл Маковецкий заказал известному одесскому изобретателю А.Н. Цацкину планер. Уточкин тренируется в подъеме на планере, несколько раз поднимается невысоко.

Вскоре из Франции прибыл пароход, доставивший в Одессу аэроплан «Буазен», заказанный аэроклубом. Михаил Ефимов, Сергей Уточкин и другие пытаются на нем взлететь, но неудачно. Попытки подняться продолжались, пока аэроплан не изуродовали. Уточкину хотелось поучиться летному делу за рубежом, во Франции, ставшей к тому времени столицей зарождающейся авиации. С превеликим трудом собрав десять тысяч франков, он уезжает в Париж.

Сергей Уточкин

– Ждите Уточкина с неба! – крикнул он на вокзале провожающим его друзьям.

Вернулся из Парижа с двумя техниками. Привез моторы, детали, чертежи. Решил сам строить самолет. Гарнизонное начальство выделило ему мастеровых матросов, мастерские. Дело вроде бы пошло на лад, да деньги закончились. А ведь нужно еще испытать машину, при необходимости доработать.

Попробовал выставить аэроплан для всеобщего обозрения. Фирма «Проводник» предоставила помещение. Вот как описывает детище Уточкина журнал «Аэро и автомобиль-

ная жизнь»: «...Аппарат Уточкина – моноплан типа «Блерио»... Идея «Блерио», но похож и на «Антуанетт». Мотор «Анзани», 25 л.с. 1456 оборотов в минуту. Винт впереди, как у «Блерио» ...Аппарат должен взлететь».

Однако ему не суждено было взлететь: маломощный мотор не смог поднять в небо самолет. И все-таки Уточкин взлетел. Причем не на аэродроме, а на стрельбище в Одессе. Это было 15/28 марта 1910 года.

31 марта в Одессе на беговом ипподроме состоялся экзаменационный полет Уточкина на звание пилота-авиатора. Собравшиеся члены комитета Одесского аэроклуба предложили Уточкину выполнить «восьмерку». Поднявшись на высоту 15 сажень (около 35 метров. – прим. автора), авиатор сделал крутой поворот и продержался в воздухе три минуты. Он выполнил все условия подъема, полета и спуска и получил от Одесского аэроклуба грамоту на звание «пилота-авиатора».

Однако свидетельства международного образца имел право выдавать только Императорский Всероссийский аэроклуб. Потому еще долго и нудно велась переписка одесситов с чиновниками из Петербурга, прежде чем Уточкин получил международное пилотское свидетельство.

В сущности, с первого самостоятельного полета на аэроплане началась счастливая и трагичная жизнь Уточкина в молодой русской авиации. В 1910-1911 годах он совершает в различных городах России публичные полеты, собиравшие сотни тысяч людей. Они шли посмотреть на чудо века – аэроплан, восхищались мастерством и мужеством отечественных пилотов, радовались их успехам, горько переживали неудачи, падения. Публичные полеты были всенародными праздниками. И не вспомнить сегодня о том, как они проходили, просто нельзя. Расскажем только об одном из них с участием Уточкина.

О нем поведал читателям Алексей Лаврентьевич Шепелев, которому посчастливилось наблюдать публичный полет в Ростове-на-Дону.

...В назначенный для полетов воскресный день пестрые толпы людей и вереницы экипажей двинулись на городской ипподром, превращенный в летное поле. Там весело гремел духовой оркестр. Неожиданно звуки умолкнувшего оркестра сменились сердитым ревом мотора. Видно было, как быстро завертелся пропеллер, и позади крылатой машины заколыхались волны травы. Любопытствующая публика шарахнулась в стороны.

Аэроплан, словно нехотя, тронулся с места и, покачиваясь, покатился по полю, все убыстряя свой бег. Затем плавно оторвался от земли.

– Полетел, полетел! – раздались ликующие возгласы. – Ура!

«Совершая круг над ипподромом, аэроплан с оглушительным рокотом пронесся низко над холмом, и на нас из кабины глянул летчик, – вспоминал Шепелев. – Мне особенно запомнились его непомерно большие очки, отчего он показался каким-то сказочным чудовищем».

Публичные полеты стали великолепной рекламой зарождающейся авиации, убеждали людей в ее прекрасной перспективе, в необходимости развивать отечественное самолетостроение. Многие из тех, кто наблюдал первые полеты русских пилотов, впоследствии стали выдающимися авиаконструкторами, летчиками, создателями самолетов и ракет. Среди них Сергей Королев, Александр Микулин, Павел Сухой, Сергей Ильюшин, Николай Поликарпов и другие. И как они сами признавались, именно эти полеты зародили у них стремление взлететь в небо, строить самолеты и моторы для них.

В сентябре-октябре 1910 года на Комендантском аэродроме в Петербурге прошел первый Всероссийский праздник воздухоплавания.

В числе двенадцати спортсменов был и Уточкин. Тысячи людей пришли посмотреть полеты уже известных авиаторов. Уточкин – в центре внимания. По словам корреспондента «Биржевых ведомостей», он – весь огненно-красный – и волосы, и его ярко-песочный английский костюм. Широкое клетчатое пальто, котелок, съехавший набок. В умных глазах – затаившийся юмор. Внешность Уточкина – это внешность человека, одной небрежно оброненной фразой способного зажечь веселым смехом тысячную толпу. Это летун исключительно бесшабашной отваги».

Что же касается результатов, показанных Сергеем Исаевичем, то вот они. 21 сентября в состязаниях профессионалов на точность спуска первый приз у него. 22 сентября в борьбе профессионалов на продолжительность полета без спуска он занимает второе место, в состязаниях на высоту полета – третье.

Интерес участников вызвали состязания на приз морского ведомства на точность посадки на условную палубу корабля. И здесь Уточкин был вторым, после известного авиатора Михаила Ефимова. Сергей Исаевич посадил свой аэроплан в восьми метрах от центра, а Ефимов – в пяти.

Правда, и на этом празднике Уточкину не все время везло. В один из дней во время полета его аэроплан врезался в трос змейкового аэростата. К счастью, пострадал не сильно.

– Какой это чурбан протянул здесь канат? – возмутился он. Но вскоре успокоился, так как сам был виноват. Однако из соревнований выбыл.

В июле 1911 года состоялся первый в России перелет Петербург-Москва. Естественно, Уточкин – его участник. Он первым из спортсменов утром 10 июля взял старт с Комендантского аэродрома.

– Еду чай пить в Москву, – браво бросил он провожающим. – Прощайте!

Вначале все шло нормально, ничто не предвещало неудачи. Но в десяти километрах от Новгорода забарахлил мотор, и пилот вынужден был посадить машину на шоссе. Солдаты мастерской Выборгского пехотного полка отремонтировали аэроплан, а чуть забрезжил рассвет, Уточкин вновь взлетел.

Однако счастье в этом памятном перелете Уточкину не улыбнулось. Спустя час после старта его летательный аппарат у села Зайцево попал в сильную «болтанку». Аэроплан бросило вниз, и пилот выключил мотор. При па-

дении он выпрыгнул из машины в неглубокую речку в овраге. При этом получил серьезные травмы: перелом ноги, вывих ключиц, коленной чашечки, тяжелые ушибы грудной клетки, головы...

Уточкина доставили в больницу. Несмотря на полученные травмы, он находил в себе силы шутить. Когда к нему в палату зашел Михаил Сципио дель Кампо, тоже участник перелета, потерпевший аварию здесь же, под Новгородом, и начал рассказывать ему о продолжении полета, Уточкин бросил:

– Доктор, прикажите поставить тут рядом другую кровать.

– Зачем? – удивился доктор.

– Да вот через полчаса сюда привезут этого сумасшедшего, – указал он на Сципио дель Кампо.

И в самом деле. На аэроплане Михаила Федоровича нельзя было лететь. Это подтвердил его механик, который ни за что не хотел ремонтировать никуда не годный аэроплан, не желая стать виновником гибели пилота...

Падение под Новгородом стало для Уточкина роковым. Его начали преследовать неудачи, головные боли. Не сложилась личная жизнь: ушла к другому любимая жена.

Все это сломало психику Сергея Исаевича: в середине июля 1913 года он впервые попадает в петроградскую психиатрическую больницу.

Осенью вернулся в Одессу. И здесь нет просвета. Жить негде, денег нет, семья распалась, и он оказался никому не нужен.

Махнул в Питер. А что там? Нужда, безденежье, болезни. Друг Уточкина драматический актер Алексей Григорьевич Алексеев писал о тех тяжелых для авиатора днях: «Я встретил его на Невском. Он был еще более порывистый, еще сильнее возбужден. Мысли догоняли и перегоняли одна другую. Вдруг он закричал, заулюлюкал и побежал вперед... смешался с толпой, исчез... Страшно и больно мне стало: значит, довели, доконали его завистники, бюрократы, конкуренты, – все те, с кем этот человек, рисковавший не раз жизнью, не умел разговаривать. Мне кажется, что именно теперь, когда этот бесстрашный человек забыт друзьями, встречен равнодушием покровителей и лукаво-вежливым молчанием врагов, теперь всем, кто порывается в высоту, к небу, необходимо было бы сплотиться и прийти на помощь Уточкину... Подумайте, только: человек сжег кровь своего сердца и сок своих нервов ради буду-

щего наших детей». Для лечения нужны были средства, а их не хватало. Друзья Сергея Исаевича обратились в Совет Всероссийского аэроклуба с просьбой помочь авиатору. Совет сжалился и выделил 600 рублей «на возмещение расходов по лечению С. И. Уточкина». Однако деньги скоро кончились, и его перевезли в одесскую больницу, а оттуда... в земскую молдавского села Костюжаны, близ Кишинева.

Условия в больнице были ужасные. Его, знаменитого авиатора, любимца миллионной публики, человека, знакомство с которым считалось за честь даже среди августейших особ, поместили в... сельскую больницу. Такое отношение к нему еще больше угнетало Сергея Исаевича, незаслуженно унижало. Он пишет брату записку: «Ленька! Добейся свидания со мной и заберешь меня отсюда немедленно, куда хочешь. Я простудился, еда ужасная, постель – без брома спать невозможно. Каждое мгновение – страдание. Еще и голод».

Наконец, он вышел из больницы, появился в Одессе. Работы нет, средств нет, друзья покинули. На душе – тоска беспросветная, жизнь – нищета... Душевное состояние Уточкина точно передал его друг, знаменитый боец и авиатор Иван Заикин:

«В Одессе Сергей Исаевич пришел ко мне изможденный, нервный. Я любил его за энергию, за смелость в полетах, это был один из первых соколов нашей русской авиации. Теперь он был слабым физически и душевно человеком...

– Да, Ваня, авиация требует больших капиталов и государственного масштаба, – сказал он. – Частным предпринимателям в ней не должно быть места. А мы с тобой даже не предприниматели, ибо мы – нищие, всего лишь проповедники авиации за свой риск, за свою совесть. Как умели, так и послужили мы благородному делу – внедрению в русскую жизнь авиации. И вот за это мне, нищему и бездомному, – Уточкин печально усмехнулся, – город Одесса дает обед, комнату. Прежние друзья не желают встречаться со мной. Кажется, пошел бы и бросился в море, и тем бы дело и кончилось, но я этого не смогу сделать. Я уеду в Петербург, может быть, там пригожусь для любимого дела».

Но в Петербурге его ждало горькое разочарование. К кому он ни обращался, никто не брал его на работу. Пробует устроиться на авиационные заводы – и везде отказ.

– А между тем я был готов работать над-

смотрщиком, рабочим, – горько сетовал он корреспонденту. – Наверное, клеймо безумца умрет вместе со мной, и никакими доказательствами я не реабилитирую себя.

Летом 1915 года Уточкин пытается попасть в Зимнем дворце к царю.

Требуется доложить о визите известного русского авиатора, «желающего высказать полезные для отечества идеи», – его грубо выпроваживают. Обращается с письмом к генерал-инспектору воздухоплавания и авиации великому князю Александру Михайловичу. В нем он хотел изложить «доктрины, которые можно приложить для использования неба в военных целях». Ему не ответили.

И все-таки Уточкину чуть-чуть повезло. От болезни оправился. Наконец, его зачислили в автомобильно-авиационную дружину, присвоили воинское звание «прапорщик».

Да порадоваться всему этому ему было не суждено. Он простудился, схватил воспаление легких. Под новый 1916-й год по старому стилю, 31 декабря, он скончался от кровоизлияния в мозг. Похоронили с почестями на Никольском кладбище Александро-Невской лавры.

Погасла звезда Уточкина. Ушел из жизни, по словам русского писателя Александра

Куприна, который дружил с авиатором долгие годы, «вечный искатель, никому не причинивший зла и многих даривший радостями».

Бабушка моя все вспоминала Уточкина, а я ребенком смотрел на небо и воображал самолетик в виде уточки, или показывал на самолет пролетающий над нашим домом и кричал: «Смотри, бабушка, Уточкин летит...» – так и я, дитя семидесятых, жил этими первыми пилотами, которые заглянули в мое детство из дымчатых давних годов...

Глава Четвёртая

«Боже царя храни...»

– Рассказывала бабушка, – продолжает вспоминать Борис Кригер, – и о своих детских переживаниях... Чувство, что прошлое сосуществует где-то и теперь, совместно с настоящим, связано, по-видимому, с тем, что оно действительно остается существовать в нас. До поры до времени, до поры до времени... Ни молодые наши родители, ни недоигранные детские игры, – ничего не пропало. Оно живет и теплится в нас. Пока мы заняты будущим или азартно увлечены происходящим, эти воспоминания как будто бы забыты и отсутствуют... Но с возрастом они всё больше места отвоевывают в наших мыслях и снах. Вот почему жизнь кажется столь многопластовой, вот почему нам все время кажется, что ничего не ушло, все осталось и дожидается в нашем мозгу быть досказанным, доигранным, доосознанным. И эта недосказанность всегда живет в самых что ни на есть хруп-

ких мелочах. Моя бабушка, как-то до картинной точности описывала красный диван в деревне, на котором она года в четыре, а может – в семь, проплакала пятно, чтобы родители не оставляли её там у своих родственников. Её не оставили, но как через 80 лет ей ярко помнился этот диван и лающие собаки. И эти собаки, и этот диван продолжают существовать уже в моей жизни, пусть несколько видоизмененные, но, в сущности, все те же, вот уже больше ста лет после этих детских слез проплакавших пятно... Мы даже в малой мере не дооцениваем, в какой огромной степени влияют на нас эти мелочи прежних эпох... Бабушкины погромы руководили всей жизнью моей, ее внука, и я до сих пор бегу и прячусь, страшась грубого стука в дверь по ночам, и мой сынишка, наверное, тоже будет немного бояться, и так сквозь поколения идет эта страшная память, о звериных уродах, громящих наши дома... Я думаю, что антисемитизм зиждется именно на звериной основе... Как и любой биологический вид, люди расщепляются на расы, которые угрожают при долгой изоляции отпасть от основного вида... Конечно, в современном глобальном царстве такого не случится, но живет в некоторых людях буквально физиологическая по-

требность уничтожать чужого... и в этом и есть неискоренимость и сила антисемитизма, как и любой другой разновидности расовой нетерпимости...

– Думаю, мои родители, – вспоминает Жанна Кригер, – познакомились задолго до того, как стали супругами. Может быть, еще со школьной скамьи. Потом оба они закончили гимназию. Дальше их пути временно разошлись.

– О гимназии бабушка рассказывала немного, – вспоминает Борис Кригер, разве что маленькие мелочи, что завтрак стоил две копейки и что от уроков по «Божьему Слову» ее освобождали, и она гуляла, пока другие учились. Однако, когда Государь-Император проезжал Кишинев, бабушку тоже включили в хор гимназисток, и она пела «Боже царя храни...» Я помню ее, старенькую, стоящую в моей комнате и поющую для меня эту запретную в коммунистическую пору старую мелодию, которая когда-то значила для России так много...

*Боже, царя храни!
Сильный, державный,
Царствуй на славу нам,*

Российский император
Николай Второй.
1894-1917

*Царствуй на страх врагам,
Царь православный.
Боже, царя храни!*

*Боже, Царя храни!
Славному долги дни
Дай на земли!
Гордых смирителю:
Слабых хранителю,
Всех утешителю –
Все ниспошли!*

*Перводержавную
Русь Православную
Боже, храни!
Царство ей стройное,
В силе спокойное, –
Все ж недостойное,
Прочь отжени!*

*О, провидение,
Благословение
Нам ниспошли!
К благу стремление,
В счастье смирение,
В скорби терпение
Дай на земли!*

Конечно, она не помнила всех слов, но как странно было это смешение чувств бабушки-еврейки, чуть не погибшей в погромах, всю жизнь замужем за ярым коммунистом дедушкой, который умер за 5 лет до моего рождения, поющей «Боже царя храни...» с наворачивающимися слезами на изничтоженные катарактой потускневшие глаза. Она пела свое детство, и снова перед ней проходил поезд с Государем-Императором, дул ветерок, и они, юные гимназистки, пели величественные слова в честь

великого властителя всея Руси... Эти сумасшедшие сочетания чувств знакомы и нашему поколению вечных изгоев, для которых Россия навсегда осталась страной нашего детства и юности, и которую мы любим, несмотря на всю ее предвзятость и подчас необъяснимую ненависть к нам...

Мы не знаем точно, когда бабушка гимназисткой участвовала во встрече Государя-Императора, но вполне возможно, что это было в 1914 году... Наверное, это было 3-го июня, до начала Первой Мировой Войны оставалось чуть меньше двух месяцев, а вместе с ней и до конца всей довоенной России. (Эта война длилась 4 года 3 месяца и 10 дней (с 1 августа 1914 по 11 ноября 1918)).

Вот что пишет об этом дне посещения Кишинева сам Николай II в своем дневнике:

3-го июня. Вторник. 1914 год.

Простояли полночи на месте и прибыли в Кишинев в 9 1/2 жарким утром. По городу ехали в экипажах. Порядок был образцовый. Из собора с крестным ходом вышли на площадь,

где произошло торжественное освящение памятника Имп. Александру I в память столетия присоединения к России Бессарабии. Солнце пекло сильно. Принял тут же всех волостных старшин губернии. Затем поехали на прием к дворянству; с балкона смотрели на гимнастику мальчиков и девочек. Оттуда был красивый вид на окрестность города. На пути к станции посетили земский музей. В час 20 мин. уехали из Кишинева.

Завтракали в большой духоте. В 3 ч. остановились в Тирасполе, где сделали смотр 14-й и 15-й арт. бригадам, 4-му стр. арм. дивизиону, 8-му морт. арт. див., 8-му драг. Астраханскому полку и 8-му конно-артил. дивизиону. Принял две депутации и сел в поезд, когда начался освежительный дождь. В вагонах стало легче дышать. До вечера читал бумаги.

Глава Пятая

Первая Мировая Война

– В 1914 году папа ушел добровольцем в царскую армию, ему тогда было 18 лет, – вспоминает Жанна Кригер.

Что это была за война? Это был первый военный конфликт мирового масштаба, в который были вовлечены 38 из существовавших в то время 59 независимых государств. Около 73,5 млн. человек были мобилизованы; из них убиты и умерли от ран 9,5 млн., более 20 млн. ранены, 3,5 млн. остались калеками.

Поводом к Первой мировой войне послужило убийство 15(28) июня 1914 в Сараево (Босния) сербскими националистами наследника австро-венгерского престола эрцгерцога Франца Фердинанда. Германия решила использовать благоприятный момент для развязывания войны. Под давлением Германии Австро-Венгрия 10(23) июля предъявила Сербии ультиматум и, несмотря на согласие сербского пра-

вительства выполнить почти все его требования, 12(25) июля разорвала с ней дипломатические отношения, а 15(28) июля объявила ей войну. Столица Сербии Белград подверглась артиллерийскому обстрелу. Россия 16(29) июля начала мобилизацию в пограничных с Австро-Венгрией военных округах, а 17(30) июля объявила всеобщую мобилизацию. Германия 18(31) июля потребовала от России прекратить мобилизацию и, не получив ответа, 19 июля (1 августа) объявила ей войну. 21 июля (3 августа) Германия объявила войну Франции и Бельгии; 22 июля (4 августа) войну Германии объявила Великобритания, вместе с которой в войну вступили её доминионы – Канада, Австралия, Новая Зеландия, Южно-Африканский Союз и крупнейшая колония Индия. 10(23) августа Япония объявила войну Германии. Италия, формально оставаясь в составе Тройственного союза, 20 июля (2 августа) 1914 объявила о своём нейтралитете.

Поиск причин войны ведет к 1871 году, когда завершился процесс объединения Германии и гегемония Пруссии была закреплена в Германской империи. При канцлере О. фон Бисмарке, который стремился возродить систему союзов, внешняя политика германского

правительства определялась стремлением добиться доминирующего положения Германии в Европе. Чтобы лишить Францию возможности отомстить за поражение во франко-прусской войне, Бисмарк попытался связать Россию и Австро-Венгрию с Германией секретными соглашениями (1873). Однако Россия выступила в поддержку Франции, и Союз трех императоров распался. В 1882 Бисмарк усилил позиции Германии, создав Тройственный союз, в котором объединились Австро-Венгрия, Италия и Германия. К 1890 Германия вышла на первые роли в европейской дипломатии.

Франция вышла из дипломатической изоляции и в 1891-1893. Воспользовавшись охлаждением отношений между Россией и Германией, а также потребностью России в новых капиталах, она заключила с Россией военную конвенцию и договор о союзе. Русско-французский союз должен был послужить противником Тройственному союзу. Великобритания пока стояла в стороне от соперничества на континенте, однако давление политических и экономических обстоятельств со временем заставило ее сделать свой выбор. Англичан не могли не беспокоить царившие в Германии наци-

оналистические настроения, ее агрессивная колониальная политика, стремительная промышленная экспансия и, главным образом, наращивание мощи военно-морского флота. Серия относительно быстрых дипломатических маневров привела к устранению различий в позициях Франции и Великобритании и заключению в 1904 г. «сердечного соглашения» (Entente Cordiale). Были преодолены препятствия на пути к англо-русскому сотрудничеству, а в 1907 было заключено англо-русское соглашение. Россия стала участником Антанты. Великобритания, Франция и Россия образовали союз Тройственное соглашение (Triple Entente) в противовес Тройственному союзу. Тем самым оформился раздел Европы на два вооруженных лагеря.

Одной из причин войны стало повсеместное усиление националистических настроений. Формулируя свои интересы, правящие круги каждой из европейских стран стремились представить их как народные чаяния. Франция вынашивала планы возвращения утраченных территорий Эльзаса и Лотарингии. Италия, даже находясь в союзе с Австро-Венгрией, мечтала вернуть свои земли Трентино, Триест и Фиуме. Поляки видели в войне возможность вос-

создания государства, разрушенного разделами 18 в. К национальной независимости стремились многие народы, населявшие Австро-Венгрию. Россия была убеждена, что не сможет развиваться без ограничения германской конкуренции, защиты славян от Австро-Венгрии и расширения влияния на Балканах. В Берлине будущее связывалось с разгромом Франции и Великобритании и объединением стран Центральной Европы под руководством Германии. В Лондоне полагали, что народ Великобритании будет жить спокойно, лишь сокрушив главного врага – Германию.

Напряженность в международных отношениях была усилена рядом дипломатических кризисов – франко-германским столкновением в Марокко в 1905-1906; аннексией австрийцами Боснии и Герцеговины в 1908-1909; наконец, Балканскими войнами 1912-1913. Великобритания и Франция поддерживали интересы Италии в Северной Африке и тем самым настолько ослабили ее приверженность Тройственному союзу, что Германия практически уже не могла рассчитывать на Италию как на союзника в будущей войне.

После Балканских войн против австро-венгерской монархии была начата активная националистическая пропаганда. Группа сербов, членов конспиративной организации «Молодая Босния», приняла решение убить наследника престола Австро-Венгрии эрцгерцога Франца Фердинанда. Возможность для этого представилась, когда тот вместе с женой отправился в Боснию на учения австро-венгерских войск. Франц Фердинанд был убит в городе Сараево гимназистом Гаврило Принципом 28 июня 1914.

Намереваясь начать войну против Сербии, Австро-Венгрия заручилась поддержкой Германии. Последняя считала, что война примет локальный характер, если Россия не станет защищать Сербию. Но если та окажет помощь Сербии, то и Германия будет готова выполнить свои договорные обязательства и поддержать Австро-Венгрию. В ультиматуме, предъявленном Сербии 23 июля, Австро-Венгрия потребовала допустить на территорию Сербии свои военные формирования, чтобы совместно с сербскими силами пресекать враждебные акции. Ответ на ультиматум был дан в оговоренный 48-часовой срок, но он не удовлетворил

Австро-Венгрию, и 28 июля она объявила Сербии войну. С. Д. Сазонов, министр иностранных дел России, открыто выступил против Австро-Венгрии, получив заверения в поддержке со стороны французского президента Р. Пуанкаре. 30 июля Россия объявила о всеобщей мобилизации; Германия использовала этот повод, чтобы 1 августа объявить войну России, а 3 августа – Франции. Позиция Великобритании по-прежнему оставалась неопределенной в силу ее договорных обязательств по защите нейтралитета Бельгии. В 1839, а затем во время франко-прусской войны Великобритания, Пруссия и Франция предоставили этой стране коллективные гарантии нейтралитета. После вторжения немцев 4 августа в Бельгию Великобритания объявила войну Германии. Теперь все великие державы Европы были втянуты в войну. Вместе с ними в войну были вовлечены их доминионы и колонии.

Войну можно разделить на три периода. В течение первого периода (1914-1916) Центральные державы добивались перевеса сил на суше, а союзники господствовали на море. Положение казалось патовым. Этот период завершился переговорами о взаимоприемлемом

мире, но каждая из сторон все еще надеялась на победу. В следующий период (1917) произошли два события, которые привели к дисбалансу сил: первое – вступление в войну США на стороне Антанты, второе – революция в России и ее выход из войны. Третий период (1918) начался последним крупным наступлением Центральных держав на западе. За неудачей этого наступления последовали революции в Австро-Венгрии и Германии и капитуляция Центральных держав.

Глава Шестая

Война – войной, а учиться-то надо...

– В молодости мой отец, Борис Берзон, всегда мечтал о том, чтобы получить хорошее образование, а вместе с ним и надежную профессию, – вспоминает Жанна Кригер. Во время военных завихрений он попал в Харьков и там поступил в технологический институт. Проучился год или полтора. Это было блестящее учебное заведение. Технологический институт в Харькове был открыт еще в 1885 году. Первым директором его стал известный ученый, профессор механики В. Л. Кирпичев. О качестве подготовки научных кадров в Харьковском Технологическом говорят такие факты: среди его выпускников – пионер отечественной авиации, выдающийся корабельный инженер Л. М. Мациевич, нарком тяжелой промышленности Л. Б. Красин. За ним в городе появились: женский медицинский институт (1910 г.) и сельскохозяйственный институт (эва-

куирован из Александрии в Харьков в 1914 г.). Всего накануне революции в Харькове было шесть высших учебных заведений, в их стенах по преимуществу и велись научные исследования.

– Бабушка, Ада Иосифовна, (вообще ее официальное имя было Гульдия, и дедушка звал ее нежно Гуля или Гуличка) – вспоминает Борис Кригер, – в то время бросив учебу, видимо, в женском медицинском институте в связи с нагрянувшей, как снег на голову, революцией, поступила в медицинский институт в Братиславе.

Медицинский факультет Университета в Братиславе (Lekarska fakulta Univerzity Komenskeho) был основан в 1919. Как раз примерно в это время туда поступила бабушка и проучилась там 4 года, до 1924, когда дедушка забрал ее с медицинского факультета, не дав доучиться один год; они поженились и уехали жить в Румынию, где дедушке была предложена работа по специальности...

Жанна Кригер подтверждает:

– У мамы тоже после революции жизнь была связана с Европой. Она училась в Харькове, но когда началась революция, родители

отправили ее в Чехословакию. Там она поступила на медицинский факультет университета, дело близилось к концу. Оставался всего год какой-то, и она становилась дипломированным врачом. Но тут вмешался жених. Он окончил институт и в английской компании получил выгодное назначение – главным энергетиком в англо-румынской нефтеперерабатывающей фирме UNIREA Oil Company, – в городе Плоешти, которая, как оказалось, существует до сих пор! И он принял решение создать семью. Тем более что невеста имелась. Зачем же ему ехать на новое место одному? И он вызвал маму. Она, наверное, имела на папу серьезные виды, и потому ей пришлось оставить университет. Он ей сказал, не надо ничего, денег нам хватит и без твоей работы. Таким образом, образовалась наша семья. Папа, взяв маму с собой, уехал в Плоешти, в Яссы, и там приступил к работе в нефтедобывающей промышленности Румынии.

– Мы мало знаем о тех годах, как бабушке и дедушке удавалось поддерживать связь? Как и где они познакомились? Когда решили пожениться? Это все окутано тайной... – размышляет Борис Кригер. – Скорее всего, их любовь разгорелась, когда они оба учились в Харько

Харьковский Технологический Институт.
Общий вид института со стороны города

ве. Так или иначе, бабушка всегда проявляла огромный интерес к медицине, который она и привила своему внуку, Борису Кригеру. Бабушка рассказывала о студенческих годах немного, вспоминала, что жили бедно, покупали обрезки колбас, а также крошки от тортов, и она помнила, что это было исключительно вкусно. Обучение медицине никогда не было простым занятием. Бабушка даже начинала курить, когда работала на занятиях по анатомии, связанным с вскрытием трупов. Она помнила латынь со студенческой скамьи и с детства привила

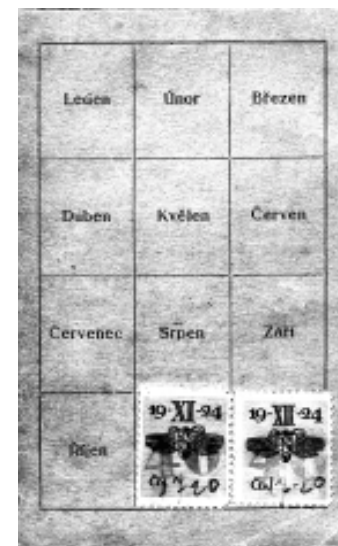
Lekarska fakulta Univerzity
v Bratislave
Медицинский факультет
Университета в Братиславе

мне вкус к этому холодному языку... Я помню, как-то она мыла посуду, а я к ней приставал, чтобы она говорила мне латинские слова... «Как будет череп по латыни?» – спрашивал я. «Cranium», – отвечала бабушка. «Краниум!» – смеялся я и думал, что она шутит, вот смотрит на кран, под которым моет посуду, и говорит «краниум»... Но она не шутила... Череп оказался по-латыни Cranium... Я записывал за ней латинские слова, и до сих пор обожаю латинские тексты, имею немало учебников, и покупаю книги по-латыни, когда это возможно... В

Бабушкина фотография
с чешского проездного.
1924 г.

медучилище, а потом в мединституте, все удивлялись, откуда у меня было чувство латинского языка, я как-то интуитивно склонял существительные и очень часто попадал в точку... Вот, все-таки как важно, кто и чему учит нас в детстве. Мне кажется, что бабушка всегда жалела, что не закончила медицинский факультет. Она читала медицинские книги даже в глубокой старости, удивляясь новшествам современной медицины. Я помню ее читающей маленькую зеленую книжку с огромными в 12 диоптрий очками и лупой... Ей удалили катаракту.

Бабушкин
чешский проездной,
оплаченный
в ноябре и декабре
1924 г.

Но в то время в Свердловске, видимо, еще не вставляли искусственных хрусталиков, и она осталась без хрусталика вообще, от чего очень плохо видела... История с медицинским институтом повторилась... Я выхватил мою жену Анюту из мединститута, и она тоже, как моя бабушка, не закончила его, хотя всегда мечтала заниматься медициной и все время порывалась работать медсестрой. Бабушка, кстати, во время второй мировой войны работала медсестрой одно время. Я почти ничего не знаю об этом. Я не могу себя винить в том, что не пытался узнать как можно больше о жизни моей

бабушки, но ее рассказы были скупы и содержали больше мелких подробностей, чем общие картины. Я думаю, это было связано со страхом, который она вечно переживала... Прожив в Сталинской России, люди учились держать язык за зубами... Она всегда говорила мне: «Тише, и у стен есть уши...» – Только теперь я понимаю, что у нее были все основания так говорить, но тогда она мне казалась чудачкой и боягуской... Ну какие уши могут быть у стен, и я по-детски представлял такие огромные лопаухие уши, растущие прямо на стене, из-под коврика над моей детской кроватью. Но я ее очень любил и такой. А теперь я многое стал понимать, – почему она вообще старалась меньше говорить о своей жизни до того, как они вернулись в Россию в 1940, да и после... «Язык твой – враг твой», – повторяла бабушка, и я опять же не понимал, чего такого в этом языке вражеского. Она очень не любила, когда я показывал своему приятелю по двору старые открытки из-за границы тех времен... А я, грешным делом, выменивал, дурак, их на новенькие чехословацкие открыточки, которые были у приятеля по двору Димы... Мне кажется, все-таки надо было лучше объяснять...

Надо было сказать: Боря, эти открытки – воспоминания о моей жизни, это все, что осталось мне от моей молодости и счастья... Пожалуйста, береги их... Может быть, я бы понял. А может, мне и говорили, наше детство поражает нас, взрослых, своей необъяснимой подчас тугодумностью, граничащей с дебилизмом... Открытки часто были подписаны на неизвестных языках, и я не мог понять, в чем их такая исключительная ценность... Бабушка знала много языков... Она мне говорила слова на разных языках, а я смеялся. Помню, говорит: по-чешски духи – ваявки... а и правда, ваявки. У меня до сих пор на письменном столе стоит бабушкина фотография в рамке, вместе с ее проездным билетом и надписью по-чешски... она была очень красива, судите сами.

Глава Седьмая

Сюрпризы Гражданской Войны

Харьковское студенчество было весьма революционно настроено. «...Тогда поднялось все харьковское студенчество, было постановлено устроить забастовки и демонстрации...» (В. И. Ленин. Полн. Собр. Соч., т.5, с. 371).

– Не удивительно, что какими-то путями Борис Берзон связался с бригадой Пархоменко, – вспоминает Жанна Кригер. – Пути гражданской войны увели его на поля Украины, пришлось расстаться с институтом...

Пархоменко Александр Яковлевич /12(24). 12. 1886, с. Макаров Яр, ныне с. Пархоменко Краснодонского р-на Ворошиловградской обл./,- 3.1.1921, с. Бузовцы, ныне Жашковского р-на Черкасской обл. герой Гражд. войны. Чл. КПСС с 1904. В Сов. Армии с 1918. С 1900 рабочий Луганского паровозостроит. з-да. Активно участвовал в революц. движении. В 1905-07 был одним из организаторов боевой рабочей дружины, затем руководителем крес

Кадр из фильма «Александр Пархоменко»

тьянского восстания в с. Макаров Яр. Неоднократно арестовывался. В 1916 один из руководителей политич. стачки на Луганском патронном з-де. В том же году был мобилизован в армию. Во время Февр. революции 1917 отряд солдат во главе с П. разоружил Марьинский полицейский участок в Москве и штурмовал здание телеграфа. По возвращении в Луганск (март 1917) П. принимал активное участие в сплочении пролетарских сил, вёл борьбу с меньшевиками и эсерами, создал на патронном з-де боевую дружину, возглавлял штаб Красной Гвардии. После Октября 1917 участвовал в ус-

тановлении Сов. власти в Донбассе, в подавлении мятежа Каледина и в борьбе против Центр. Укр. рады. С марта 1918 П. возглавлял штаб первого Луганского отряда (ком-р К. Е. Ворошилов), к-рый участвовал в боях с нем. оккупантами. В боях за Донбасс, при обороне Харькова, в героич. походе 5-й Укр. армии к Царицыну ярко раскрылись военное дарование, организаторские способности П., его бесстрашие. В июне 1918 П. с отрядом прошёл через занятые врагом степи в Царицын; здесь в окт. 1918 был назначен особо уполномоченным РВС 10-й армии. С янв. 1919 П.- воен. комиссар Харьковской губ., нач-к гарнизона Харькова и одновременно уполномоченный по снабжению Харьковского воен. округа. Командовал группой войск при разгроме банд Григорьева. За умелое руководство сводным отрядом сов. войск при взятии Екатеринослава (Днепропетровск) и проявленные при этом мужество и храбрость был награждён орденом Красного Знамени. В последующем командовал Харьковской крепостной зоной, образованной в связи с наступлением деникинских войск. С дек. 1919 особоуполномоченный РВС 1-й Конной армии, с апр. 1920 нач-к 14-й кав. дивизии этой армии. В Киевской операции 1920 и в боях в Северной

Таврии П. проявил большое мужество, храбрость и самообладание, за что был награждён вторым орденом Красного Знамени.

– Мой отец, Борис Берзон, – вспоминает Жанна Кригер, воевал вместе с другом Самуилом. С ним когда-то и пошел в добровольцы, с ним же и сражался с войсками барона Врангеля под знаменами бригады Пархоменко.

– Кто же был этот самый Врангель, с которым воевал дедушка, Борис Берзон? – задается вопросом его внук, Боря Кригер. Этот был тот самый Черный барон, о котором пели:

*«Белая армия, черный барон
снова готовят нам царский трон.
Но от тайги до британских морей
Красная армия всех сильнее...»*

Сегодня к Белой армии и к вопросу о восстановлении монархии в России отношение уже далеко не такое однозначное, как в те времена, когда бывшие фабричные в буденовках РККА строевым шагом поднимали пыль на провинциальных мостовых, во все горло распевая про долг «неудержимо идти в последний смертный бой». Так не пришло ли время вспом-

нить и о Черном Бароне? Тот самый Черный Барон, о котором большевики говорили с кипящей ужасом ненавистью, а главнокомандующий вооруженными силами Юга России Антон Деникин – с нескрываемой черной завистью. Его отец, барон Николай Егорович, был доктором философии, мать Мария Дмитриевна, урожденная Майкова, неплохо пела и писала стихи. Артистический темперамент и любовь к искусству унаследовал их старший сын Николай – будущая звезда петербургской богемы Кока Врангель, который стал не только увлеченным организатором выставок русского изобразительного искусства, но и выдающимся критиком и историком искусств. Его перу принадлежит множество трудов по истории искусства; как сотрудник Эрмитажа он читал лекции и трудился в Обществе защиты и сохранения памятников истории и старины. Остролов и насмешник, автор эпиграмм и анекдотов, Николай Врангель с началом Первой мировой войны совершенно сник. В июне 1915 года он умер от желтухи. Петр Врангель, похоже, по складу характера был полной противоположностью брату и унаследовал черты другого предка – адмирала Фердинанда Петровича Врангеля, русского мореплавателя. Млад-

шему брату Коки с самого начала судьба уготовила иной путь. По окончании Горного института в Санкт-Петербурге и Академии Генерального Штаба 26-летний Петр практически сразу попал на русско-японскую войну. Но военная слава пришла к нему чуть позднее – в Первую мировую.

Утром 6 августа 1914 года ротмистр Врангель получил от безнадежно бездарного начальства приказ атаковать со своим эскадронам деревеньку Каушен, где по всем правилам немецкой военной науки окопался противник, успев с удобных позиций взять на мушку все возможные подходы к форпосту. Как опытный военный, барон не мог не понимать, что кавалерии поставленная задача вряд ли по зубам, а положенной артиллерийской подмоги ему никто не обещал. Процедив далеко не салонные слова, отбросив все военные теории, Его Высокоблагородие привстал в стременах и с криком «В атаку!» галопом помчался вперед. У самых вражеских траншей убитый конь под ним рухнул. Тогда барон вскочил на ноги и с саблей в руке снова кинулся вперед, на яростно палившую батарею немцев. Остатки его эскадрона на вражеских позициях пошли в рукопашную. Стратегически важный пункт Каушен был взят, а

Врангель стал первым из Георгиевских кавалеров среди русских офицеров. Командование в докладах Ставке характеризовало его так: «Ротмистр барон Врангель имеет блестящую военную подготовку. Энергичный, лихой, требовательный и очень добросовестный. Входит в мелочи жизни эскадрона, хороший товарищ и хороший ездок. Немного излишне горяч, но прекрасной нравственности. В полном смысле слова выдающийся эскадронный командир».

Февральская революция ни на йоту не ослабила его верности присяге и смелого, бескомпромиссного нрава. Известен случай, когда в поезде он вступился за сестру милосердия, к которой приставал подвыпивший финляндский драгун с красным бантом на шинели. Врангель, ничуть не смутившись пьяного разгула целой толпы «низших чинов», схватил наглеца за шиворот и ударом колена вышвырнул из вагона. Солдаты возмущенно загудели, но расправиться с офицером так и не решились. Перед самым октябрьским переворотом под Петроград был направлен Третий конный корпус на случай возможного восстания большевиков. Командовал им Врангель. Однако главнокомандующий Керенский, учитывая монархические пристрастия барона, не решился

доверить его подразделению службу в непосредственной близости от столицы. Корпус был расформирован.

Не испугайся осенью 1917 года Керенский «политических осложнений» для себя самого, история могла бы сложиться иначе. Но после его решения выбить большевиков из Питера и диктатуру пролетариата из России было уже некому. Возмущенный до глубины души Врангель, который не сомневался, что дальнейшему развалу страны можно противостоять только твердой и непреклонной волей, поступил в точности как Ахиллес, от обиды удалившийся в свой шатер. Подал рапорт о своем увольнении и уехал в Ялту, где его ждали жена и дети. Слава блестящего офицера красным была известна, и ему была предложена должность командующего Крымскими войсками. Генерал Врангель ответил отказом. Последствия не заставили себя ждать. Глубокой ночью в его дом вломились революционные матросы и под дулом маузера посадили в машину. Супруга Врангеля, фрейлина императорского двора Ольга Михайловна, после начала войны не жалевшая рук в санитарных частях, настояла на том, чтобы ее арестовали вместе с мужем. Их везли среди беснующейся толпы по

кровавым лужам, на дороге валялись трупы тех, кто посмел сопротивляться революционному мародерству. Революционный трибунал работал круглые сутки: днем – допросы, ночью – расстрелы. Дошла очередь и до четы Врангелей. Но когда из плавучей тюрьмы их доставили к председателю советской инквизиции товарищу Вакуле, тот не смог решиться сразу отдать приказ о расстреле супругов, так как только что прочел книгу о подвиге декабристов. Когда в Крым вошли немцы, Врангель из тюрьмы ушел сам. «Я глубоко переживал, видя, как враг хозяйничает в России и подвергает унижению мою Родину, однако был рад освобождению от гнета этих безголовых болванов», – писал он впоследствии. Покинув Ялту, он присоединился к армии Деникина и создал в ней мощную кавалерию, которая умело совершала фланговые атаки и зачастую приносила успех всем сражениям. Летом 1919 Добровольческая кавказская армия генерала Врангеля не только прорвала оборону Царицына, но и взяла 40 тысяч пленных, 70 пушек и даже два бронепоезда – «Ленин» и «Троцкий». Лев Троцкий запомнил это надолго. В докладе на заседании Московского совета депутатов он скажет: «Польша и Врангель – это два вражеские

крыла, все должно быть сконцентрировано против конницы Врангеля... Вы должны из всех ваших советов выделить лучших работников и послать их на побережье Черного моря, на Кубань и Дон, чтобы этот тыл укреплялся посредством агитационной работы, а где нужно – и посредством железной руки. Нужно укрепить юг, куда пытается проникнуть Врангель».

Однако главным союзником большевиков оказалась не отзывчивость юга на агитацию, а амбиции командующего Добровольческой армией генерала Деникина. В отличие от него, барон Врангель считал поход на Москву ошибкой и приговором для Белой армии – и оказался прав. После провала этой операции Деникин эмигрировал в Англию, а на пост верховного главкома вооруженных сил Юга России на военном совете 3 апреля 1920 года единогласно избрали Врангеля. Решение принять бразды правления разбитой армией далось ему нелегко, но отказаться барон тоже не мог: «Я делил с армией радость побед и сейчас не вправе отказаться испить горькую чашу». Любопытна его переписка с подавшим в отставку Деникиным: «Отравленный ядом честолюбия, вкусивший власти, окруженный бесчестными льстецами, Вы уже думали не о спасении Оте-

чества, а лишь о сохранении своей власти. Но русское общество стало прозревать. Все громче и громче назывались имена начальников, имя которых среди всеобщего падения нравов оставалось незапятнанным. Армия и общество во мне увидели человека, способного дать то, чего жаждали все». С железной решимостью Врангель стал восстанавливать дисциплину в деморализованных частях, невзирая на лица и титулы, резко сократил донельзя распухшие при Деникине штабы. «Армия, воспитанная на произволе, грабежах и пьянстве, ведомая начальниками, своим примером развращающими войска, – такая армия не нужна России». И Белая армия встрепенулась, как заскучавший конь под ударом шпор. Рейд в Северной Таврии, когда наголову был разгромлен корпус красного командира Дмитрия Жлобы, перепугал большевиков до такой степени, что они заключили мир с Польшей, отдав ей западные Украину и Белоруссию, чтобы всей силой повернуться лицом к Врангелю. Не успевшие оправиться белые части не смогли удержать фронт и отступили в Крым...

Ощетинившийся пушками неприступный Турецкий вал на Перекопе существовал только в буйной фантазии летописцев РККА. Этот

форпост за время гражданской войны несколько раз переходил из рук в руки, а на укрепление его у Врангеля не было ни людских и материальных ресурсов, ни времени. Деникин писал, что «в крымских перешейках было очень мало жилья, да и мороз стоял жестокий, до 22 градусов... в Черноморском флоте давно было неблагополучно: нигде в армии не существовало такого разлада, нигде безвременье не оставило таких глубоких следов, как в морской среде, аттестации были отрицательны, выбора не было». В этих обстоятельствах Врангелю оставалось немного: объявив военное положение на полуострове, подняв из моральных руин русскую эскадру, он сумел организовать эвакуацию всех тех, кого красные не пощадили бы. «Добровольцы должны знать, что главнокомандующий уйдет последним, если не погибнет ранее», – заявил он. И когда через гнилой Сиваш прошла красная пехота, а корпус Буденного прорвал Перекоп, благодаря введенной Врангелем железной дисциплине всё было уже готово. 16 ноября 1920 года в Феодосийском заливе прогремел прощальный салют в честь славного Андреевского флага. На набережной Керчи казацкие есаулы плача прощались со своими боевыми конями. Преклонив

колени, барон Врангель поцеловал землю, с которой его разлучала революция. И вместе с ним печальный караван из 26 кораблей увез на чужбину 145 тысяч беженцев, спасением своим обязанных его твердой воле и организаторскому таланту.

Но и за границей барон Врангель не сложил оружия – в прямом и в переносном смысле. В том же году он отдал секретный приказ белым эмигрантам тайно сохранять оружие в других странах и организовал в Париже Русский общевоинский союз, собиравший силы для вооруженной борьбы с большевиками. Наученный горьким опытом политических дразг, он придавал первостепенное значение сохранению армии как единственной реальной силы русского зарубежья, но при этом считал необходимым отстаивать принцип непредрешения будущей формы политического строя России до очищения ее от большевиков. Отстаивание монархических или демократических лозунгов грозило расколом. «Нейтральная» позиция барона привлекала к нему максимальные симпатии. Именно поэтому для большевиков он был опаснее генералов Краснова и Лукомского. В России в 20-х то и дело вспыхивали восстания против коммунистического сча-

стья, расцветал НЭП. Казалось бы, еще чуть-чуть... Но вот весной 1928 года в доме Врангелей в Брюсселе появился неизвестный субъект, которого вестовой генерала представил как своего брата, матроса советского торгового судна, стоявшего в Антверпене. «Брат» исчез так же неожиданно, как и появился. А барона скосила странная болезнь, названная «тяжелой инфекцией интенсивного туберкулеза», хотя в свои 49 лет он никогда не жаловался на здоровье. Менее чем за месяц он буквально сгорел от 40-градусной температуры.

Хотя в 1989 году КГБ официально признало, что парижские похищения белых генералов Кутепова и Миллера были организованы чекистами, убийство Врангеля пока не объявлено аналогичной «выдающейся операцией доблестной советской разведки». Но именно это событие значительно облегчило ВЧК задачу по разгрому в 30-х годах погрязшего после смерти лидера в политических спорах РОВС и Белого движения в целом.

Жанна Кригер вспоминает:

– Кадровые, хорошо вышколенные войска царского генерала окружили бригаду, где вое-

вал мой отец Борис Берзон, принудили сдать-ся. Плен. Дважды их выводили на расстрел. Один раз сделали вид, что расстреливают, просто хотели попугать. А вот второй раз уже это пахло настоящей казнью. Шла гражданская война. Расстрелы – обыденное дело, как уборка в квартире, как поливка цветов на подоконной клумбе. То красные расправлялись с белыми, то белые – с красными. Лилась кровушка. Жизнь человеческая для тех и других ничего не стоила. Чуть что не так – вывели на улицу, и – шлепнули на глазах у честного народа.

Но на сей раз отцу явно подфартило. Когда пленных вывели из подвалов, откуда ни возьмись, налетел немецкий самолет. Отважная расстрельная бригада бросилась врассыпную, солдатики разбежались, попрятались по кустам. Какое им дело до тех, кого убивать надо, свою бы шкуру спасти! Пленники, не будь дураками, воспользовались ситуацией, дали деру, кто куда сумел. Те, кто готовил их к «распылу», сразу же забыли об их существовании. Дело происходило в каком-то крымском приморском городке. Бродили неприкаянные беглецы – голодные и холодные. Вся надежда на помощь от населе-

ния. Не зря ведь говорят, что мир не без добрых людей. И нашли они таких в городке. Кто-то из местных жителей обошелся с ними полюдски. Пустили в дом, а потом и пригласили на свадьбу, чтобы они могли хоть чуть-чуть отъестся.

Со свадьбы все и началось. После хорошей гулянки молодые засобирались в Севастополь. Во-первых, свадебное турне. Во-вторых, повидаться с родственниками и заодно провести там медовый месяц. Сели на катер, погрузили в него всякие припасы, гостей и – подались в путь. А Севастополь – портовый город. Отсюда можно добраться, куда душа пожелает. Но куда же? В Россию нельзя: там революция. Да и вообще, на что ехать, если в карманах – ни гроша? Вариантов много, проблем еще больше. Но молодость брала свое. Побродили по причалам, поузнавали, что вокруг делается, и нашли два друга небольшой пассажирский пароходишко, поступили подносчиками угля, или это еще называли: «кочегары третьего класса». То есть, чтобы попасть на пароход кочегарами третьего класса – дело довольно пыльное, но совсем не денежное, не требовался диплом о высшем образовании, а вот сильные спина и

руки должны наличествовать. По этой причине на всех причалах мира не скапливались очереди претендентов, на такую работу. И капитаны не проявляли излишней разборчивости, брали всех, кто имел силу. Даже о документах не беспокоились.

Глава Восьмая

Прыжок в окно в Европу...

Стали папа и Самуил кочегарами третьего класса, – вспоминает Жанна Кригер, – и таким образом добрались до Константинополя. Там сбежали с этого парохода, нашли другой и в той же ипостаси отправились в путешествие до Марселя. А там получилось как-то, что они потерялись. Самуил куда-то исчез, а отец поступил грузчиком в порт.

Но это же Франция! Надо знать язык. Какая-то практика в общении с товарищами по работе мало что давала. И отец нашел частную учительницу и стал брать уроки французского. Ей хотелось знать, какой багаж имеет ее новый ученик, и она попросила его говорить, что знает. Отец заговорил, и она, бедняжка, стала бледнеть на его глазах. Это была лексика французских докеров, совершенно не предназ-

наченная для ушка «девического в завиточках волоска».

Каким его встретил Марсель? Старейший и второй по величине город Франции Марсель был построен около естественной бухты, по берегам которой образовались первые поселения и, постепенно разрастаясь, расположился ярусами на прибрежных холмах. Марсель, столица региона Прованс-Альпы-Лазурный берег, в административном и экономическом смысле играет роль метрополии. По своему географическому положению Марсель находится в привилегированном центре: в двух шагах от Комарга, где Рона образует обширную дельту, впадая в Средиземное море, рядом с Лазурным берегом и Голубым берегом. Марсель часто называют «ворота Востока». Смешение множества культур, народов и стилей ощущается здесь в самом раскаленном воздухе. Марсель – не туристический город, как его морские сестры Ницца и Канн, но это придает ему особый шарм.

Основные достопримечательности Марселя – квартал Ле-Панье и Старый Порт, но город также богат своими церквями, музеями и другими местами, которые стоит посетить. Осо-

Таким Бориса Берзона встретил Марсель
(открытка 1918 года)

бого внимания заслуживает собор Нотр-Дам, что на улице Фор-дю-Санктуар. Увенчанный золотой фигурой Богородицы, он возвышается над Средиземным морем, открывая живописный вид на окрестности, внутри же Нотр-Дам изобилует мозаикой и мраморной отделкой. Красив и Ла-Мажор, самый большой кафедральный собор, построенный во Франции со времен средних веков. Не менее интересны Музей изобразительных искусств и Музей естественной истории, располагающиеся во дворце Пале-Лоншам. В этом грандиозном здании, которое находится на главной городской улице Канебьер, можно посмотреть большую коллекцию работ, среди которых встречаются и кар-

тины, датированные XVI веком. От Старого Порта обязательно стоит отправиться на лодке в замок Иф, ставший известным благодаря Александру Дюма и его роману «Граф Монте-Кристо».

Старый порт города, с его рыбаками, рыбным рынком у бельгийского причала и типичными ресторанами, до сих пор неотразим своим очарованием, является наиболее привлекательной частью Марселя. Причал порта, построенный в 1512 году и расширенный в 1855 году, – самое посещаемое место Марселя. Въезд в Старый порт разграничивают форты Святого Иоанна и Святого Николая. Первый из них, более старая часть, возник для защиты северного порта; второй построен позже и никогда не использовался в целях обороны. Сегодня форты представляют собой одну из наиболее красивых цитаделей Прованса. Одна из основных магистралей города, Ла-Канбьер (La Canebierre), задуманная еще в XVII веке, была завершена лишь в 1860 году. Она как будто опускается в Средиземное море, воплощая миф о Марселе как воротах на восток. Арабский квартал находится недалеко от старого порта. Именно здесь в дух Марселя вплетается коло-

рит востока. Этот квартал больше напоминает восточный базар где-нибудь в Каире.

– Но в Марселе отец надолго не задержался, – вспоминает Жанна Кригер, – какие-то пути-дороги привели его аж в Германию, где пришлось учить немецкий. То есть, он языки учил постоянно. И по ним можно было судить о его путешествиях. Знал он семь языков.

Куда деваться, если судьба так распорядилась! Но и у немцев он задержался ненадолго. Следующий пункт – Бёрн, Швейцария. Здесь он поступил в Бернский технологический институт, и продолжил обучение.

В Швейцарию папа приехал второй раз в жизни. Впервые его привезла сюда мама, когда он был еще ребенком. Она поехала в Баден-Баден, в гости к старшему брату Михаилу, и прихватила с собой младшенького своего. Михаил был революционером. Они в то время все там ошивались. И вдруг Михаил говорит племяннику: «Пойдем, я тебе покажу интересного человека!» Папа был мальчишкой любопытным, побежал за дядей. Тот привел его в библиотеку. А там, в читальном зале, сразу бросился в глаза невысоконый человек с огромной головой, и массивным лбом склонившимся над

В. И. Ленин – вот этот огромный лоб и произвел впечатление...

книгой. Он особенно выделялся среди других читателей именно головой, необычно высоким лбом. «Это Ленин, – сказал племяннику Михаилу». Имя папе ни о чем не говорило. И спрашивать о том, а кто он такой, разумеется, не стал. Но лоб запомнил на всю жизнь.

Второй раз в Швейцарии папа попал по собственной воле, приехал учиться. По окончании института получил специальность энергетика, то есть, стал специалистом по паросиловым установкам, электричеству...

– Маме всего год какой-то – и она становилась дипломированным врачом, – вспоминает Жанна Кригер, – но тут вмешался жених и увез ее в Яссы, где они прожили более 14 лет.

Глава Девятая

Шестнадцать лет в Румынии

В 60 км к северу от столицы Румынии Бухареста, в котором и родилась Жанна Кригер в 1940 году, находится город Плоешти – центр нефтяной промышленности. В его окрестностях – лес нефтяных вышек, множество шахт, заводские трубы. Это самый старый и самый крупный промышленный район Румынии.

– Чтобы лучше понять, в какой стране жили 16 лет бабушка и дедушка, – рассуждает Борис Кригер, необходимо поговорить немного об истории Румынии.

Некоторые важные шаги для Румынии были сделаны в период с 1878 по 1918, во время царствования Кароля I (1866-1914). Главным образом благодаря усилиям Кароля Румыния вышла на путь быстрого экономического развития: были созданы важнейшие отрасли промышленности, построены железные дороги, созданы современные экономические ин-

ституты, в основном на базе немецкого капитала. В период его царствования была принята первая конституция (1866), созданы политические партии и государственные учреждения, включая двухпалатный парламент.

В этот период проявились первые признаки империалистических амбиций Румынии. Король Кароль I при поддержке консерваторов придерживался после Берлинского конгресса 1878 прогерманской и проавстрийской ориентации, и в 1883 Румыния стала членом Тройственного союза. Ее территориальные притязания стали очевидны во время Балканских войн 1912-1913, после которых Румыния приобрела часть Добруджи.

После Балканских войн проявился раскол между прогерманской политикой монархии и профранцузскими националистическими настроениями большинства населения. Кабинет заставил стареющего короля сохранить нейтралитет Румынии в начале Первой мировой войны. Кароль умер в 1914, и на трон вошел его племянник под именем короля Фердинанда I. В 1916 Румыния вступила в войну на стороне Антанты. Этот шаг принес свои плоды в

конце войны: старое королевство было значительно расширено благодаря приобретению Трансильвании, Бессарабии, Буковины и Баната.

Трудности Румынии в межвоенный период были вызваны неоднородным характером ее населения. Приобретение таких меньшинств, как евреи и венгры, привело к усилению кальвинизма и росту традиционного для Румынии антисемитизма, что нашло отражение в создании фашистской партии Железная Гвардия.

Впрочем, аннексия провинций имела и свои положительные стороны. В 1920-е годы укрепился институт парламентаризма, увеличились число и активность политических партий. Появились новые отрасли промышленности, расширилась торговля. Однако экономический прогресс был прерван аграрным кризисом, который начался в конце 1920-х годов и достиг своего пика в 1930. Аграрный кризис был вызван неудачной аграрной реформой 1917, которая лишила многих крестьян земли, и низкой конкурентоспособностью румынского зерна на мировом рынке.

Сын Фердинанда, коронованный принц Кароль, был лишен права на престол и покинул страну в 1925. За год до смерти Фердинанда, в 1926, было создано регентство для правления страной от имени малолетнего сына Кароля – Михая до достижения им совершеннолетия. Кароль вернулся в страну в 1930, получил престол и был коронован как король Кароль II при поддержке премьер-министра Юлиу Маниу, лидера Национал-царанистской (народно-крестьянской) партии, который добился согласия между всеми главными политическими партиями.

Бабушка Ада Иосифовна вспоминала, что ей удалось как-то видеть этого короля. Я спрашивал ее, сколько королей она видела в своей жизни, и она отвечала, что царя Николая Второго и короля Румынии. Может быть, это было во время церемонии коронации, когда обычно организуются большие народные празднества с участием множества публики.

Боясь захвата Трансильвании Венгрией, которую поддерживала Германия, Кароль II подписал торговый договор с Германией, ко-

торый давал последней много преимуществ и возможность значительного влияния на Румынию. Выборы декабря 1937 показали политический подъем Железной Гвардии; умеренная Национал-либеральная партия потерпела поражение. Фашистский характер правительства коалиции крайне правых партий под руководством Октавиана Гога, лидера ультранационалистической и антисемитской Национально-христианской партии, заставил короля принять решение о смещении премьера, роспуске парламента и объявлении королевской диктатуры в апреле 1938. Кароль пытался также запретить Железную Гвардию и сохранить нейтралитет в отношении к Советскому Союзу и Германии.

После заключения советско-германского союза в 1939 Румыния потеряла Бессарабию и Буковину, передав их Советскому Союзу после советского ультиматума в июне 1940. В августе 1940 почти половина Трансильвании была передана Венгрии, а в сентябре 1940 южная Добруджа – Болгарии. Потеря этих территорий вынудила Кароля отречься от престола в пользу сына Михая в сентябре 1940. Генерал Ион Антонеску сформировал новый кабинет, провозгласил себя руководителем румын и стал союзником Германии.

В августе 1944, после вступления советских войск в страну, король Михай объявил о выходе Румынии из войны на стороне Германии и о ее присоединении к Союзникам. Тем не менее, Румыния была оккупирована Советским Союзом, а в 1947 здесь была установлена коммунистическая диктатура.

Сменявшиеся в августе 1944 – марте 1945 правительства генералов Константина Санатеску и Николае Радеску были не способны противостоять подрывной деятельности коммунистов и открыли путь правительству Петру Гроза, созданному по указке из Москвы в марте 1945. В декабре 1947 король Михай был вынужден отречься от престола, и была провозглашена Румынская Народная Республика.

В конце 1940-х и начале 1950-х годов Румыния была сателлитом Советского Союза. Решения принимались в Москве, а исполнялись в Бухаресте коммунистической партией, возглавлявшейся румынскими сталинистами. Общественный и экономический порядок были перестроены по советским проек-

там. В 1949 началась коллективизация сельского хозяйства, и было введено экономическое планирование. Внешняя политика Румынии также регулировалась Советским Союзом. В 1952 премьер-министром Румынии стал первый секретарь компартии Георге Георгиу-Деж.

Смерть Сталина в 1953, приход к власти Н. С. Хрущева и смягчение напряженности в отношениях Советского Союза и Запада серьезно повлияли на дальнейшие события. Решительность Хрущева в отстранении сталинистов от власти в странах-сателлитах Восточной Европы вынудила Георгиу-Дежа искать защиту у румынских националистов. В 1950-е годы Румыния объявила о своем праве на «собственный путь к социализму». Экономические и политические усилия в этом направлении позволили Георгиу-Дежу в 1964 официально заявить о независимости страны от Советского Союза по всем вопросам, касающимся ее суверенитета. Его преемник, генеральный секретарь партии Николае Чаушеску, подтвердил курс на независимость. Румыния использовала китайско-советский конфликт, начавшийся в 1961, для того, что-

бы объявить о своем нейтралитете в случаях конфликтов между коммунистическими странами. Она не присоединилась к другим странам Варшавского Договора в ходе оккупации Чехословакии в 1968.

Глава Девятая

Румынский коммунист, и, наверное, советский разведчик...

– Однако отец в Румынии занимался не только работой, – рассказывает Жанна Кригер. – Видимо, сказала служба в пархоменковской армии, он связался с коммунистами. Что говорить, отец был настоящим коммунякой, хотя и беспартийным. Верил в эту идею. И я очень рада, что он не дожил до разоблачений всей этой камарильи. Потому что он был почти фанатиком. При нем невозможно было сказать дурного слова о советах, или даже поставить под сомнение правильность идеи.

Словом, нашел он единомышленников. Какая у них там велась работа, – о том я понятия не имею, но он стал ближайшим помощником Георгиу-Дежа – одного из главарей румынской компартии. Они устраивали партийные собрания, занимались агитацией. Собрания проводили в доме моих родителей. Поче-

му именно у них? Наверное, потому что жили на промыслах, среди рабочих. Но существенна и другая причина. Квартира наша находилась над огромным подвалом, в котором доходила вина. Я этого не знала, но, оказывается, когда вино доходит, то оно шумит. Наш дом от этого буквально трясло. И там ничего невозможно было подслушать. Конечно, Сигуранца – тайная политическая полиция Королевской Румынии – про собрания пронюхала. Георгиу-Дежа посадили. Он был первым секретарем румынской компартии, папа – вторым секретарем. А кроме всего еще и – другом. Понес однажды ему передачу в тюрьму. Всякие продукты. В самом низу была коробка конфет. И в одной из них пряталась записка подпольщиков.

Стоит отец перед надзирателем и смотрит, как тот настойчиво достает каждую конфетину и разламывает у него на глазах. То есть, несколько мгновений до беды. Но деваться некуда, стой и жди. Спасло отца нерадение надзирателя. Видно, надоело ему заниматься скучным делом, бросил и отнес передачу по назначению. Вообще-то папа не любил рассказывать о своих приключениях, но эту историю рассказывал так, что у меня – мурашки по телу.

Первым приложил руку к созданию тако-

го мрачного имиджа Сигуранцы потомок запорожских казаков Михаил Морузов, возглавлявший секретную службу Румынии Сигуранца с 1924 по 1940 год. Будущий глава Сигуранцы родился в семье русского священника 8 ноября 1887 года в небольшом придунайском селе уезда Тулача, где до сих пор проживают русские липоване – потомки раскольников, бежавших сюда в XVIII веке. Несмотря на иностранное происхождение, «дерзкий и находчивый запорожский казак» – так писал про Морузова его личный секретарь Штефан Енеску – «быстро сделал карьеру на своей новой родине». Его карьера началась во время Первой мировой, когда он был агентом генерального штаба Румынии. Он занимался активистами революционных комитетов русской армии, которые склоняли к дезертирству румынских солдат, имевших русское и украинское происхождение. Так ему впервыегодились его русские корни.

Разоблачал он и немецких шпионов, отловив даже резидента полковника фон Майера. Однако вскоре он переориентировал Сигуранцу на борьбу с советской агентурой.

В СССР румынская разведка рассматривалась в одном ряду с польской Дефензивой, французской Сюрте Женераль и британской

Интеллидженс Сервис в качестве главного противника. Владимир Маяковский даже посвятил их шпионским проискам главу поэмы «Октябрь». В «Военной тайне» Аркадия Гайдара сестра одного из главных героев страдала в застенках Сигуранцы.

Кроме того, в НКВД румын подозревали не только в подрывной деятельности, но и в поддержке троцкистов – в «Правде» от 21 июля 1937 года в статье «Шпионский интернационал» утверждалось: «Выполняя задание обершпиона Троцкого, Гелертер с ведома румынской разведки (Сигуранца) широко развернул работу своей группы (Партия унитарных социалистов). Эта троцкистско-шпионская шайка всячески срывает создание единого фронта в Румынии, единство профсоюзов, распространяет клевету против СССР, выдаёт Сигуранце коммунистов». Неизвестно, какое на самом деле отношение имели троцкисты к деятельности Сигуранцы, но коммунистов в Румынии действительно расстреливали пачками.

По иронии судьбы русское происхождение в конце концов погубило Морузова. С первых дней в контрразведке его подозревали в двойной игре, впервые арестовав по подозрению в работе на консульство царской России в Гала-

це. Ярый антикоммунист, в 1940 году он был арестован и расстрелян по обвинению в сотрудничестве с НКВД, несмотря на заступничество шефа абвера адмирала Канариса. Во время Второй мировой созданная им Сигуранца отличилась крайне жестокими методами работы в захваченных советских городах, например Одессе и Кишинёве.

Компартия Румынии пользовалась репутацией 5-й колонны СССР. С 1924 г. она была загнана в подполье. Многие историки считают, что выборы в парламент в стране были насквозь коррумпированы, тем более что они проводились министром внутренних дел. Это означало, что власть законодательную фактически формирует власть исполнительная, которую назначал король. С августейшим семейством тоже были проблемы. Кронпринц Кароль, сын короля Фердинанда, во время войны оставил свои военные обязанности и вместе с дочерью генерала Зизи Ламбрино бежал в Одессу, где в местном православном соборе в сентябре 1918-го они повенчались. Этот брак был аннулирован румынским правительством. Затем любвеобильный Кароль вступил в брак с греческой принцессой Еленой – от этого брака в 1921 г.

родился Михай, будущий монарх Румынии. Затем неугомонный Кароль оставил Елену и женился на Магде Лупеску. Эти безобразия заставили государство принять Акт 4 января 1926 г. о том, что престолонаследником после короля Фердинанда может быть Михай, но ни в коем случае не Кароль.

На фоне сомнительных диктаторов-премьеров типа генерала Авереску (затем маршала) трансильванец Юлиу Маниу был человеком честным и принципиальным. Маниу стал премьером в 1928 г. Он отменил военное положение, цензуру, провел чистку коррумпированной жандармерии, переведя ее из Министерства внутренних дел под контроль Министерства обороны. Это было единственное действительно авторитетное правительство за 20 лет истории Румынии между двумя войнами. Маниу провел честные выборы в парламент. Между прочим, украинцы завоевали там два депутатских мандата. Коммунисты на выборах провалились.

Правительство Маниу столкнулось с целым рядом трудностей, с заговорами армейских офицеров, созданием отдельными политическими партиями собственных полувоенных формирований.

6 июня 1930 г. Кароль вернулся в страну и провозгласил себя монархом, аннулировав институт регентства. В политическом смысле это был человек чрезвычайно экспансивный и даже эксцентричный. За 10 лет под его патронатом сменилось 25 правительств, 18 премьеров, 61 министр и 31 замминистра, 390 начальников отделов министерств и 213 их помощников, а также 9 начальников Генштаба.

В 1931 году, изгнав с поста премьер-министра дипломата Титулеску, Кароль поручил академику Йорга сформировать Кабинет министров. Тот провел самые коррумпированные за весь межвоенный период выборы, в которых впервые приняло участие ультрарадикальное правое движение «Железная гвардия». Лидером этого движения был Корнелиу Желя Кодряну.

Йорга максимально в целях экономии урезал оклады чиновников, после чего взяточничество стало жизненной необходимостью. Выбор у румынских чиновников был небольшой: или нечестно выживать, или честно голодать. И если в Бухаресте зарплату чиновникам академик Йорга еще платил, то провинциальные служащие дожидались ее очень долго. В 1933 году премьером Румынии стал Йон Дука, замечательный своей честностью. Он

принадлежал к тем уникально редким политикам страны, которые не обогатились благодаря своей должности, и умер в бедности. Дука вел отчаянную борьбу с «Железной гвардией», арестовал почти 20 тысяч ее сторонников.

Но в конце концов его убили «железногвардейцы». А военный трибунал почему-то оправдал его убийц. «Железная гвардия» была основана в 1927 году. Как почти все организации такого рода она эксплуатировала возмущение народа взяточничеством и некомпетентностью чиновников, беспорядком простых людей, низким уровнем жизни, безразличием властей к положению низов. Хотя среди них, «железногвардейцев», было немало действительно искренних, идеалистически настроенных патриотов и романтиков, жаждавших достойной роли для своей страны в Европе и обеспеченной жизни для народа.

Другое дело, что пути, предлагаемые ими, часто вели в еще более безнадежный тупик, чем тот, из которого они мечтали вывести румынскую нацию. В отличие от зажавшихся бухарестских бюрократов, «железногвардейцы» не брезговали личным участием в сельхозработах, практической помощью румынским крестьянам, строительством дорог и мостов. Все это

не могло не вызывать симпатии к ним со стороны простонародья. Типологически «Железная гвардия» была аналогом российской «Черной сотни», через Бессарабию восприняв ее ксенофобию и патологический антисемитизм пошиба кишиневского погрома. Если бы не эти последние дурно пахнущие инстинкты организации, она, выступая с призывами к честности, стойкости, практической работе вместо широко распространенных лживости, лени, мошенничества, словесного недержания, могла бы даже вызывать определенную симпатию как очистительная сила общества.

Почти все партии страны совершенно дискредитировали себя, и в феврале 1938 года Кароль провозглашает монархическую диктатуру. Это был интересный вариант самодержавия на фоне почти сплошь парламентских европейских монархий. Независимость судопроизводства и автономия университетов были ликвидированы, политические партии объявлены вне закона. В тюрьму попал и лидер «Железной гвардии» Кодряну, которого вместе с группой единомышленников тайно повесили. «При попытке к бегству», как с черным юмором сообщили власти народу. Кстати, следует сказать, что Кодряну при королевском дворе имел очень

«плохую» репутацию человека неподкупного. С ним было тяжело «решать вопросы». Его было легче повесить. Гитлер был очень раздражен казнью Кодряну, а немецкие руководители в знак протеста вернули румынские ордена по государственной принадлежности. Кароль пытался соорудить что-то подобное немецкой нацистской партии, но в Румынии это окончилось водевилем, дешевой опереттой. «Железнодорожники» осуществили ряд политических убийств румынских руководителей. После каждого покушения они не пытались бежать, а сдавались властям, будучи готовыми претерпеть смерть за свои деяния. Это были фанатичные люди.

После смерти Кодряну «Гвардию» возглавил Хория Сима. Монарх Румынии не выдержал главного испытания любой власти, а именно – оказался не способен защитить страну от внешней угрозы. Сталин решил воспользоваться тайными авансами Гитлера за нейтралитет в войне Германии с Англией и Францией и предъявил 26 июня 1940 г. ультиматум с требованием отдать СССР Бессарабию и Северную Буковину. Королевский совет Румынии после консультаций с Берлином согласился удовлетворить пожелания товарища Сталина. Тут же

появилась масса других желающих полакомиться румынским телом. Болгары сравнительно легко забрали Южную Добруджу, где 80% населения составляли нерумыны. Венгры потребовали Трансильванию. Германия и Италия организовали так называемый Второй венский арбитраж, по которому Венгрия получала 2/5 территории, которую она потеряла в 1919 году в пользу Румынии. Romania Mare – Великая Румыния потеряла таким образом 30% своих земель. Кароль, понимая, что ему не простят этих потерь, бежал за границу, оставив сына Михая под покровительством генерала Йона Антонеску и вождя «Железной гвардии» Хория Сима. «Железнодорожники» принялись мстить всем, кого считали виновными в смерти Кодряну и расчленении страны. Перед началом кампании на Востоке это делало Румынию не слишком дисциплинированным союзником Германии. Поэтому с разрешения Гитлера генерал Антонеску за три дня уличных боев уничтожает вооруженные отряды «легионеров», как любили называть себя боевики «Железной гвардии».

Одновременно Гитлер предоставил Хория Сима и другим лидерам разгромленной организации политическое убежище в Германии.

Кстати, еще в 1939 г. за антикоррупционную ретивость, которая затрагивала ближайшее окружение румынского короля, Антонеску сослали командовать корпусом в Бессарабию. Антонеску был «белой вороной» в румынском истеблишменте как человек скромный и аскетичный, не склонный к личному обогащению за государственный счет. Вернув в 1941 г. Румынии Бессарабию и Буковину, он приобрел симпатии во всех слоях румынского общества. От короля Михая он получил за это маршальские погоны. Антонеску был наиболее преданным союзником Гитлера, который увенчал его Рыцарским крестом. Генерал Антонеску обеспечил себя активным участием в Холокосте на территории Румынии и в ряде оккупированных областей СССР. Насколько румынская армия реально помогла вермахту, вопрос дискуссионный. Под Сталинградом зимой 1942-1943 гг. немцы опрометчиво доверили охранять свои фланги румынским подразделениям. Результат известен. По крайней мере, ни у одного советского военного мемуариста мне не довелось встретить ни одной высокой оценки румынского воинства. Эта армия была плохо вооружена (в танковых частях были французские танки «Рено» выпуска 20-х годов со скоростью до

10 км/час), не слишком хорошо обучена и без поддержки вермахта часто превращалась в «мальчика для битья». Но Румыния была ценной для Германии не своей армией, а гораздо более важным фактором – румынской нефтью.

Нефть Румынии была единственной базой горючего для Германии. Потеря этой базы означала стратегический крах. Именно сталинский ультиматум Румынии в 1940 г. напугал Гитлера. Фюрер решил, что Сталин нацелился на нефтяные поля Плоешти. После этого 22 июня 1941 г. стало неизбежным. Кстати, 22 июня 1941 г. Дунайская флотилия и ее морская (или в данном случае – речная?) пехота, действуя по своему плану, как на учениях, спокойно форсировали Дунай, заняли румынский берег и стали продвигаться в глубь территории противника, не встречая серьезного сопротивления. И только общая обстановка на Восточном фронте заставила их вернуться «домой».

Авантюра Антонеску в связи с неизбежным поражением Германии поставила страну в безнадёжное положение. В Бухаресте это понимали в 1944 г. все. В августе король Михай осуществил переворот и арестовал маршала Антонеску. Немцам ничего не оставалось, как признать «железнодорожника» Хориа Сима главой эмигрантского

румьнского правительства. Антонеску 12 сентября 1946 г. по приговору суда был казнен.

27 румынских дивизий еще успели повоювать против Германии и Венгрии и потерять в боях 110 000 солдат и офицеров (на стороне Гитлера Румыния потеряла 300 000 военнослужащих).

Следует сделать вывод, что 20-летние попытки (1920 – 1941 гг.) модернизировать Румынию, приблизить ее к уровню среднеразвитых европейских стран закончились крахом. Как сказал один деятель той эпохи: «Мы ввели либеральные коммерческие законы, но с антисемитизмом в их основе; мы ввели всеобщее избирательное право, но с фальсификацией голосования; мы разрушили сельские хозяйства для того, чтобы увеличить кредитные институты, но мы не обеспечили свободной конкуренции между этими институтами... мы поощряли национальную промышленность, но не в пользу сельского населения, приносившего жертвы, а в пользу политиков, которые были на содержании этой национальной промышленности, мы централизовали администрацию страны, но не в руках вышколенной бюрократии, а в руках партийных функционеров, одним словом, мы бессмысленно копировали ев-

ропейскую буржуазию по форме, но не по сути, мы переполнялись подхалимскими привычками прошлого. Таким образом, мы превратили политическую жизнь в безнадежную суету.

Самая большая и самая плодотворная революция, которую можно было бы осуществить в Румынии, – это просто исполнять существующие законы».

Последняя фраза звучит особенно задумчиво, и разве она касается только Румынии 20-30-х годов прошлого столетия?!

После 1945 года при самой активной поддержке и грубом вмешательстве СССР власть в Румынии захватили коммунисты. Это, разумеется, привело к массовым репрессиям, каковые есть атрибутивное свойство любого коммунистического режима. Впрочем, румынский коммунизм был не самым одиозным (по крайней мере, во времена партайгеноссе Георгиу-Дежа) по сравнению с другими бараками социалистического лагеря. У соседей бывало и покруче. Умер Георгиу-Деж, кстати, в том же 1965 году, что и Борис Берзон.

Вспоминает Борис Кригер: Борис и Ада Берзон ездили в Париж на выставку в 1937 году. Воспоминание бабушки о Париже пронизали все мое детство. «Ах, какой был персик на

Монмартре! – вспоминала бабушка, – Ах, каким был собор Нотр Дам!» Я всю жизнь стремился в Париж, и наконец в мае 2000 года мне посчастливилось там побывать. Я стоял на той же площади перед собором Нотр Дам... через 63 года после того как на этой площади стояла моя бабушка.

*«Что мне осталось? Разве красть химеру
С туманного собора Нотр Дам?» –*

вспоминаются строки Высоцкого. Да, химеру я не стал красть, но на глаза навернулась слеза... Потом был невпечатляющий Монмартр, где я купил персик, но он не был сочным.

Так я завершил круг, приехав в волшебный Париж через шесть десятков лет. Париж показался нам сложным городом, и мы уехали путешествовать по Европе, доехав до Венеции.

Любовь к французскому у меня не выветрилась до сих пор. Вот уже здесь в Канаде, я нанял учительницу и выучил французский. Читаю журналы и книги, говорю с трудом, но упорно. Учительница говорит, что мой акцент «L'accent n'est pas terrible» – не так ужасен, хотя, я более чем уверен, что она мне льстит. Акцент у меня, конечно, ужасен, но главное, что

я осуществил мечту и на ночь, обложившись словарями, читаю Жюль Верна и Дюма по-французски, что доставляет мне малообъяснимое, но значительное удовольствие. Не иначе, это действие воспитания моей бабушки, отлично знавшей французский и воспитавшей меня в любви и трепетном отношении к этому языку, возможно – даже более трепетному, чем он того заслуживает.

Глава Десятая

Назад в Россию

Жили родители в Цинто-Плоешти, в Яссах, где работали, и в Бухаресте, где я родилась, вспоминает Жанна Кригер. А это случилось в марте 1940 года. Как раз Бессарабия отошла к Советскому Союзу, и было постановление, разрешающее бывшим жителям Бессарабии вернуться в нее. И сразу же мои родители засобирались из Румынии. Рискованные мои родители ехали Бог знает куда да еще и везли с собой коммунистические документы. Меня везли в чемодане, туда же вложили, под грязные пеленки секретные бумаги. И как это ни смешно сегодня, но румынские пограничники именно в этом чемодане не рылись. Побрезговали, видимо. Хотя шмонали очень даже тщательно.

И вот семья прибыла в Кишинев. Что она собой представляла. Папа, мама, мой брат Юлий (старше меня на четырнадцать лет). Первое время жили у бабушки по папиной линии.

Видимо, они были побогаче маминых, как я это понимаю сегодня. Едва ли не первое, что сделал отец, связался с местными коммунистами, показал привезенные документы. Их по достоинству оценили, но в партию отца не приняли. И он это расценил как плевок в душу. Можете себе представить, второго секретаря румынской компартии, ближайшего помощника Георгиу-Деж не принимают в ВКП(б)! Вообще, на этом пути у отца были сплошные разочарования. И не только по той причине, что советские коммунистические бонзы отказывались признать его своим. Он и в семье не находил взаимопонимания. Настаивал на том, чтобы и Юлий вступил в партию, и я. Но ни брат, ни я не захотели этого. В комсомоле состояли, а в партию – ни под каким предлогом.

И это его страшно обижало. Он был одним из тех фанатиков, которые верили в коммунистическую идею, как говорится, не смотря ни на что. Говорить с ним на эту тему было невозможно. Я уже была взрослой, кое-что понимала. Однажды сказала ему, что думаю о его партии, и он влепил мне пощечину. Я не обиделась, понимала его состояние, а он ничего понимать не хотел. Он прожил многогранную жизнь, был всесторонне развитым человеком.

В молодости писал стихи, не просто себе в альбом, а выступал с ними перед слушателями. И о нем говорили как о поэте божьей милостью. Жаль, что стихи не сохранились.

И его заикленность на коммунизме порой просто удивляла. Я же, работая на его заводе, столкнулась с такими проявлениями «партийности», что и смотреть в сторону КПСС не хотелось. Более того, мне не хотелось жить в СССР. Когда английская кампания, что работала в Плоешти, засобиравшись из Румынии в связи с угрозой войны, стала переводить свои мощности в Венесуэлу. И папе предложили поехать туда. Он отказался. И я ему не раз говорила:

– Надо было все-таки поехать, там лучше, чем здесь.

На что он отвечал:

– Ну, ты ненормальная! Они там недавно перестали людей есть, а ты засобиравшись к ним на место жительства!

Я рано пошла работать. И потому рано поняла, что собой представляет партия. Как раз к тому времени, когда я окончила школу, было принято постановление правительства о том, что не надо после десятилетки поступать в институт, следует прежде поработать минимум

два года на производстве. Вот и мне пришлось пойти на завод, где до выхода на пенсию работал папа. Там стояла большая установка по закалке металла токами высокой частоты. На ней работали две бригады. Одну возглавлял бывший офицер, уволенный из армии, партторг цеха, а вторую – я. Что-то его во мне не устраивало. То ли молодость, то ли какая другая причина, но он вел себя подло.

Такая ситуация. Конец месяца, надо работать напряженно, чтобы достойно завершить месяц. Это ведь отражалось и на зарплате всей смены. Тут и премии могут быть, и прочие приплаты. А у меня не включается машина. Я – туда, я – сюда, – ничего не могу понять и тем паче поделаться. Пришла в цех, все включалось, как надо, а тут – хоть плачь. Бегает вокруг начальник смены, спрашивает, в чем дело, а у меня нет ответа. Нашла я потом причину. Это мой сменщик, офицер, перед уходом домой позаботился, чтобы я намучилась как следует. Взял да и подложил под переключатель чурочку. И пока я эту чурочку не нашла, не выбросила ее, установка бездействовала.

Сколько там времени прошло, теперь уже не вспомнить, но намаялась вдоволь. Больше всего меня возмущало то, что этого офицера

учил работать на установке мой папа. «Вот, – говорила я отцу, – кто меня пытался выставить круглой душой?» И сама же отвечала: «Парторг цеха! А ты мне что-то про свою партию говоришь! Ты посмотри на этого партийца. Когда его выкинули из армии, ты дал ему хлеб – то есть, научил работать, а он теперь пакостничает мне, твоей дочери. И он же не рядовой партиец. Как же я могу назвать такую партию?»

Как только мы прибыли в страну, отца направили на Ишинбай, потому что он был хорошим специалистом по паросиловому оборудованию, а там как раз это осваивалось. Ишинбай в то время был вторым Баку. И отца не просто назначили на должность энергетика, но и дали огромный бревенчатый дом-пятистенок. В нем мы жили долго. Мама все время занималась домашним хозяйством, но в войну все-таки ей пришлось поработать в госпиталях медсестрой.

Помню, что в этом доме было много комнат. И вся родня из Москвы, других мест, где жили родственники в эвакуации, приехала к нам. Помню, одна комната была полностью завалена чемоданами. Даже какое-то время жила здесь жена папиного племянника, советского комдива...

Что меня удивляет в судьбе отца. Вот и сейчас еще нередко читаю, что всех, кто приезжал из заграницы, сразу сажали. Его не тронули. И вообще, как-то массовые репрессии прошли, не затронув нашей семейной жизни, если не считать дальних родственников. Но однажды в доме появился несчастный мужчина. Худой, изможденный, в оборванной одежонке. Откуда взялся – не скрывал. Освободился из лагерей. И мама побежала по соседям, чтобы собрать для него хоть что-нибудь. Накормили, кое-как приодели, и он ушел своей дорогой. Но появление его осталось в моей памяти на всю жизнь...

Глава Одинадцатая

Благодаря кому разбомбили нефтепроводы в Румынии?

Как папу назначили главным энергетиком, так он почти до конца войны работал в Ишинбае. До самого 1944 года, когда, видимо, пришло время планировать Яско-Кишиневскую операцию. Тем трагичнее восприняла мама сообщение о том, что отца срочно вызывают на Лубянку. «Все, – подумала, – это конец!». Могу себе только представить, что думал в то время отец. Тем более там, в Москве, когда его пять дней никуда не вызывали. Зловещая такая обстановка не каждому по силам. Но вот пригласили для беседы. Оказалось, что в нем нуждаются, как в специалисте. Сказали, что в четыре часа ночи ему предстоит сесть в самолет и полететь в Румынию. Надо будет пролететь над Цинтой, над Плоешти и показать, то есть, нанести на карту, все нефтепроводы. Где и как они расположены. Это он, конечно, знал

подробно. Еще бы, ведь отработал там двадцать лет!

Напомним, что события происходили в то самое время, когда исход войны уже вряд ли у кого вызывал сомнение. Два года армия СССР вела тяжелейшие бои, освобождая территорию страны от гитлеровских головорезов. Кровопролитнейшие бои шла на протяжении всей огромной линии фронта, протянувшейся от Баренцева до Черного моря. Начавшись у стен Сталинграда, разгром фашисткой военщины был неотвратим. Самое крупное в мире танковое сражение на Курской дуге, прорыв ленинградской блокады, другие крупнейшие операции, каждая из которых завершалась полным разгромом гитлеровской армии.

Но враг еще был достаточно силен, оказывал остервенелое сопротивление. Особенно оно усилилось, когда линия фронта перешагнула границу СССР. Когда линия фронта приблизилась к румынским нефтепромыслам. Они питали силы вермахта энергией. По этой причине считались ахиллесовой пятой всей гитлеровской Германии. И авиация, и танковые армии, и все прочее получало топливо из Румынии... Отнять эту базу означало лишить Вермахт авиации, танков, военного флота...

По рассказам отца, полет над Плоешти и Цинтой проходил на самолете «У-2» – довоенная стрекоза. Летели очень низко, и он рисовал, рисовал и рисовал нефтепроводы... Потом вернулся в Москву, а после благополучно добрался до дому. Представляете, сколько было радости! Считали, вернулся с того света. Это живя в Европе можно было не знать, что такое Лубянка. А тут уже кое-что понимали.

Вскоре началась знаменитая Яско-Кишиневская операция. Все нефтепроводы были уничтожены. Двадцатитрехлетний король Румынии Михай Гогенцоллерн-Зигмаринген мучительно искал способ, как выйти из гитлеровской коалиции, чтобы спасти свой народ от гибели в бесперспективной войне. После Яско-Кишиневской операции он арестовал генерала Антонеску – гитлеровского лакея, и развернул румынскую армию против бывшей союзницы Германии. Надо ли говорить, как такое ослабило Восточный фронт Вермахта? Таким образом, сам Михай и его страна стали союзниками СССР. Сталин даже наградил короля орденом «Победы».

Возможно, все это произошло бы в любом случае, но Яско-Кишиневская операция, ускорила события. Отца направили на работу

в освобожденную Кубань, главным же энергетиком, на Грозненское месторождение нефти. Все было оформлено, как положено, переводом министерства. Он приехал, начал работу. Поселились мы в станице Апшеронке, в Краснодарском крае, где прожили до 1947 года. Затем, папу перевели в Туапсе, на нефтеперегонный завод. Там строили порт, где откачивалась нефть на вывоз за рубеж. И сразу же, как только его перевели туда, – наградили медалью. Я ее видела, но название не помню, кажется, «За трудовую доблесть».

Стала я приставать к нему, за что дали медаль. Только отмахнулся: «Ну, надо было – и дали...» Он не любил рассказывать о себе ничего. Даже историю с Лубянкой я узнала не от него, а от мамы. И тут я вспоминаю опять того человека, что пришел к нам после лагеря. Как мама побежала по соседям собирать для него одежду. А сама все плакала. Я к ней «Мам, ты чего плачешь?» – «Ой, – говорит, – папа мог оказаться точно в таком положении!»

Так мы и жили в Туапсе. Война кончилась, надо было восстанавливать разрушенные города и села, мужчин всех повыбили на фронтах. Работали в основном женщины, как правило, не имевшие никакой профессии. И тут

папа проявил инициативу. Открыл рабочие курсы, стал учить рядовым специальностям паросилового хозяйства, даже крановщиков подъемных кранов. Причем программы обучения разрабатывал сам. Они сдавали экзамены и получали специальности, позволявшие им заменить мужчин. Именно по этой причине к нему в городе относились очень тепло. Потому что он многим помогал. Это ведь очень серьезное дело, в страшные послевоенные годы дать в руки вдов, подростков профессию, которая, по сути, помогала им выжить. В этом городе папа и умер.

Тот самый дядя папин, который показывал ему в Швейцарии Ленина, Михаил Яковлевич Берзон, был коммунистом, и не рядовым. Поэтому в первые несколько лет он был послом СССР в Швейцарии. Потом стал директором историко-архивного института в Москве. Теперь, в 90-е годы, он преобразовался в Российским гуманитарный университет и стал престижным учебным заведением «для избранных», – то есть, туда можно попасть только в основном благодаря связям или большим деньгам... Дочь дяди Михаила, моя двоюродная сестра, там заведовала кафедрой латиноамериканских стран. Еще Союз был закрытым, но она

ездила по разным странам, ее пускали. Квартира ее так и сияла экзотическими предметами, ритуальными масками разных племен из латиноамериканских стран. Имя сестры – Ида.

Там, в экзотической квартире, я услышала эту довольно занимательную историю, до поры составлявшую семейную тайну. Оказывается, когда дядя Миша работал в Швейцарии, он не вел затворнический образ жизни, несколько отклонялся от требований власти. Хотя и держал это в строгой тайне. Однако шила в мешке не утаишь, через многие годы стало известно, что у него в Швейцарии сложилась вторая семья. Родилась дочка. И вот, уже во времена хрущевской оттепели, когда стало возможным ездить за рубеж и приезжать из-за рубежа, в дверь идиной квартиры постучалась молодая женщина и говорит: «Я – Берзон! Пришла посмотреть, где жил мой папа». Вот подарочек! Столько лет люди платили за связь с границей жизнями своими, а тут стоит близкая родственница! Как тут не испугаться: оттепель оттепелью, но власть все равно непредсказуема. Иди знай, что у нее на уме!

Мало того, что такое неожиданное открытие, но ведь напор какой! Заходит гостьюшка в комнату, видит большой портрет в брон-

зовом окладе и кидается к нему: «Папа!» Видимо, там, в Швейцарии тоже имелась такая фотография. Вот так-то!

И еще одна история, связанная с дядей Мишей. Дедушка Яков, хоть и не был ортодоксальным евреем, но хотел, чтобы его дети не смешивали кровь с представителями других наций. Тем не менее, сын Михаил женился на русской дочери купцов – Дарье. Правда, она не чуралась ничего еврейского, даже выучила идиш настолько, что писала письма своему свекру на его родном языке.

Когда дядя Миша умер, она еще оставалась на белом свете сколько-то лет. И надумала выйти замуж. Что поделаешь, женщина еще не старая, вдруг улыбнется нечто доброе в новой семье! Готовилась к свадьбе уже. И пришел в дом какой-то мужчина, увидел запыленный портрет покойного хозяина квартиры, стал заботливо протирать. Портрет крутнулся у него в руках, да тяжелым бронзовым окладом ударил в висок. Моментальная смерть. Мистика какая-то! Дарья, вместо того чтобы оплакивать мужчину, встала на колени и взмолилась: «Мишенька, я больше никогда не выйду замуж!»

Еще о дяде Мише. Его сестра Клара жила

в Москве. Мужа ее, бундовца, на заре советской власти арестовали, а потом и расстреляли. Кому они нужны – бундовцы! Тем более что стрельба по живым целям была излюбленным занятием молодой советской власти. Осталась она одна с двумя детьми в роли члена семьи врага народа. Это пострашнее волчьего билета. Никуда не брали на работу, ходи с опущенной головой, жди – не сегодня-завтра и за тобой придут!

Что делать? И как ей помочь, без риска попасть в страшную опалу. Дядя Миша в это время работал директором института. Звонит ей, мол, ты форточку всегда держи открытой, пусть в комнате будет больше свежего воздуха, проветривай, проветривай. Она понять никак не может, чего это вдруг братец обеспокоился состоянием ее внутриквартирной атмосферы? Жила по Садовой улице, рядом с Колхозной площадью, на первом этаже. Даже в какой-то мере опасно всегда форточку открытой держать. Секрет рекомендации вскоре раскрылся сам по себе. Дядя Миша проходил незаметно мимо окон, и кидал в форточку деньги, чтобы хоть как-то поддержать свою несчастную сестрицу.

Еще один дядя, имени его не помню, примкнул к сионистам. Идея сионизма захватила его

настолько, что уехал в Палестину. Этот считался самым бедным среди братьев. Здесь он квасил капусту, солил огурцы и держал лавчонку в Реховоте. Сейчас в Израиле живут его сыновья и другие родственники.

Остальные братья отца в политику не лезли. Каждый нашел себе дело по душе.

Мамины два брата – заядлые революционеры. У дедушки с бабушкой был собственный большой дом. Братья в подвале устроили тир и учились стрелять. В дальнейшем один из них стал редактором большевистской газеты. Он дружил с Григорием Котовским. Тот часто бывал в бабушкином доме. Даже сохранилась фотография, на которой изображены Котовский рядом с женой этого дяди, куда-то они собрались ехать на пролетке. Правда, даже дружба с Котовским не помогла ему. В первые годы советской власти его убили. Зашли в кабинет и застрелили. Похороны были пышными. У нас долго сохранялись газеты с отчетом о погребении. Видно, как люди несли на руках гроб с прахом, толпа вокруг...

Второй брат уехал во Францию, окончил Сорбонну. Еще один мамин брат стал командиром дивизии. Имен их я не знаю – только фамилию – Саховалер.

Сами же дедушка с бабушкой прошли через все «приятности» советской власти. Жили они богато, но, понимая, что делается вокруг, добровольно отдали властям половину своего дома, магазин. Только это их не спасло, хотя и были они очень старыми. Можно было просто пощадить стариков. Ну что от них можно было взять, когда они уже одной ногой в могиле стоят. Но разве власть советов кого-нибудь щадила? Пришли к ним мордовороты, вывели во двор, чтобы не мешали. Сами же увлеклись обыском. Все ценности, начиная с украшений бабушки, позабирали себе. Стариков посадили в разные загоны и повезли. Бабушку – в Среднюю Азию, дедушку – в Свердловск. Там он и умер, в тюрьме.

Все это произошло, когда в Румынию вошли красные. Уже после войны стали думать, как бабушку вызволить. Кому это под силу. Но ведь ее сын – заслуженный человек, вся грудь в орденах! Комдив все-таки. Папа написал комдиву письмо, мол, что же ты за мать слова не замолвишь? Но храбрый в боях, он оказался трусоватым в мирной жизни. Это ведь и в самом деле опасно. Надо было благодарить органы за то, что не припомнили ему родителей – «врагов народа» – да не упекли самого. А тут

родственник с ножом к горлу пристаёт: заступись за мать! Нет, не решился на такой шаг комдив. И тогда папа поехал в Москву, набил ему морду, стулом трахнул по голове: «Помоги матери, мерзавец!» Только после этого комдив пришел в себя, и все-таки обратился в соответствующие инстанции с просьбой. И бабушку освободили...

Дед Яков умер за четыре года до моего рождения. Я мало что о нем знаю, но известно, что к нему, не имевшему духовного звания, приходили евреи для разрешения всяких споров и конфликтных ситуаций. То есть он исполнял как бы роль еврейского третейского судьи. Особенно часто приходили к нему два компаньона, державшие одно дело. Между ними постоянно возникали какие-то недоразумения, конфликты. И они всегда являлись к дедушке Якову, он разводил их по разным углам. Не зря ведь, когда дедушка умер, евреи на могиле сделали надгробье в виде Танаха. Евреи никогда не забывали тех, кто не жалел для них душевных сил. Такие люди всегда пользовались всеобщим уважением.

Глава Двенадцатая

Антисемитизм душил с детских лет...

– Себя я помню с четырехлетнего возраста, – вспоминает Жанна Кригер, урожденная Берзон. – И уже с той ранней поры стала сталкиваться с жутким антисемитизмом. Да и то сказать, мы приехали в станицу Апшеронскую, на Грозненское месторождение нефти. А жили там, в основном, кубанские казаки. Кубань же испокон веков славилась лютым, иного слова не подберешь, антисемитизмом. Казачество – это такая каста, которая все видит только сквозь призму национализма. Тем более что наш образ жизни никак не совпадал с атаманами, лабазами, скрипучими седлами и потными конями. Все это не еврейское было. То есть мы жили в любой стране так, как нам позволяли власти. В одной стране запрещали заниматься сельским хозяйством, в другой не позволяли жить в крупных городах. В Польше, например, бога-

тые купцы с удовольствием брали евреев в свои шинки и кружала, торговать пивом и прочим спиртным, а потом обвиняли в том, что они спаивают народ. В общем, не было страны без оскорбительных ограничений. В России существовали черта оседлости и ограничения на профессии. И народ приспособлялся к условиям: сапожничали, портняжничали, торговали и тем раздражали самодовольных казаков...

Мы приехали в станицу и первое время не имели жилья. Поселили нас к одной хозяйке. А она вообще не считала нас за людей. Мало того, что ненавидела евреев, так еще отличалась необычайной вороватостью, наглостью. Был у нее в любовниках шофер, такого же склада ума фрукт. Мы не были богатыми людьми, никаких особенных запасов не имели. Но они отбирали все, что могли, последнее отнимали. Куда-то ушли родители наши, эти двое воспользовались, забрались в нашу комнату и ограбили ее. Как раз незадолго до этого папу премировали, дали отрез на хороший костюм. Мы так все обрадовались. Время тяжелое, ничего нигде не купишь, да и не очень-то разгонишься: зарплата не позволяла. В общем, пошел папа договариваться с портным, а домой вернулся – отреза нет. У мамы была единственная, но

очень красивая, скатерть, помню, на ней были изображены ветки сирени. Большая, мы пользовались ею в дни застолий по праздникам. Однажды мама постирала ее, повесила сушить. Высохла, испарилась наша скатерть... И так продолжалось все время. Не знаю, почему родители не обращались в милицию. Скорее всего, по той причине, что не было доверия ни к милиции, ни к суду.

И так мы жили до тех пор, пока папу не перевели на туапсинский нефтеперегонный завод. Там как раз строилась такая нефтебаза, которая могла загружать танкеры – суда для перевозки нефти морскими путями. Собрали мы свой скудный скарб и поехали обживать новое место. На всю жизнь запомнилась мне дорога от станицы Апшеронской до места назначения. Шла по кавказским горам. Когда мы поднялись на перевал Индюк, я впервые увидела море. Это неизгладимое впечатление и для взрослого человека, никогда прежде не видевшего бескрайней водной стихии. А я ведь была еще совсем ребенком. Глаз невозможно было оторвать...

Но еще большее впечатление на меня произвело поле брани времен самой кровопролитной войны за всю историю человечества. Я

видела искореженные танки, артиллерийские орудия, самолеты, автомобили... На деревьях – надписи, стрелки, вся земля изрыта воронками от снарядов и бомб... Господи, чего только там не было! Тогда такие мысли не приходили, а теперь думаю, в битвах горело железо, какое же было в них человеку?! Так я уже после войны впервые увидела войну своими собственными глазами. Полвека назад увидела, до сих пор забыть не могу.

Но видения видениями, а дорога ведет нас к новой жизни. Что нас там ждет? Нефтеперегонный завод сразу же дал нам квартиру. Она была новая, ее только что построили пленные немцы. Хорошая квартира, но жить нам было невероятно тяжело. А кто тогда жил легко? Папа работал главным энергетиком нефтеперегонного завода. Звучная должность, а оклад всего-то 120 рублей в месяц. Вот и живи, как знаешь. Мама у нас не работает, занимается домашним хозяйством. Семья, правда, небольшая, но все-таки семья. Чем-то надо питаться, во что-то одеваться. Перебивались кое-как, сэкономили каждую копейку.

Там, в Туапсе, я пошла в первый класс. В школе мне нередко доставалось на орехи. Антисемитов везде хватало. Но дело даже не в

этом. В детстве у меня был воинственный, если не сказать агрессивный, характер. Совсем не девичий. Никому ничего не спускала. Как-то, помнится, один мальчишка обозвал меня жи-довкой. Может быть, даже просто сказал: «Еврейка!» Другая, скорее всего бы, и стерпела, а я не могла. Тихонечко подошла к доске, взяла мокрую тряпку, завернула в нее чернильницу-непроливашку (были в то время такие), и давай его колотить тряпкой. Чернильница разбилась и всего его облила. Он весь в фиолетовых чернилах стал за мной гоняться, но – где ему догнать! Отца вызвали в школу, вот, дескать, что твое чадо тут вытворяет. А он их утешил, мол, нечего было болтать всякую гадость. Папа и сам имел такой характер.

Это только один эпизод, а их было множество. И после каждого почти папа являлся в школу, но исправить меня было невозможно, да он и не пытался этого сделать. Самой не раз приходилось от этого страдать. Жизнь была такая тяжелая. Ввели школьную форму, а родителям не на что ее купить. Родственники подарили материал на школьное платье и портфель новенький. А мне и платья, и портфеля хватило на одну драку. Добро бы еще хоть за себя дралась, а то подружку Жанну обидели, а я вступилась.

Пришла домой, мама глянула и обомлела: все платье изодрано, а у портфеля оторвана ручка. Не помню уже, как мне тогда досталось от родителей, да я и сама себя бранила. Но что толку, если опять сталкиваясь с несправедливостью, все равно бросалась в драку. Это с возрастом у меня прошло, а пока училась в школе, все время дралась. И слава драчуньи шла всегда впереди меня. Мы учились в десятом классе. Класс был очень дружный. И мы нередко пользовались запрещенными приемами. Случалось так, надо задержать, растянуть урок для какой-то нашей цели. И тогда обращались ко мне: «Жанка, задай вопрос!» И я тут же исполняла просьбу. Почему ко мне обращались? Не только по той причине, что я ничего не боялась, а еще и потому, что много читала, знала, по своим годам, много. Короче говоря, вопрос прозвучал, учитель начинал на него отвечать, и так доходило до конца урока. Таким образом, срывался какой-нибудь неприятный опрос.

Однажды к нам пришел новый учитель истории. Здоровенный такой молодой мужик. Но главное его качество – грязный антисемит. И буквально с первых уроков он стал говорить гадости о евреях. Ничего оригинального, все уже много раз слышанное, но от того не менее

омерзительное. Все сводилось к тому, что евреи не воевали, что все они пребывали на Ташкентском фронте... Несет он свою ахинею, класс молча слушает. Я встаю, называю его по имени отчеству и спрашиваю: «Вы чем занимаетесь на уроке? Или Вы не знаете, что у нас Советское государство, что все нации равны?» Словом, выложила все то, чем была напичкана сызмальства. Причем высказала так резко, что он открыл рот, а закрыть его уже не смог. А я продолжаю: «Вы думаете, Вам это сойдет с рук? Я сейчас пойду к завучу, и если он мне не поможет с Вами разобраться, придется идти в горОНО. Так я Вам этого не оставлю». Тут вступили в разговор одноклассники и говорят ему, что я и в самом деле могу пойти. Он, разумеется, перепугался, но мне какое до него дело?

И я пошла к завучу. Она была неплохим человеком. Да и, видимо, этот «историк» уже успел хорошо «выговориться», она мне так и сказала: «Иди, Жанна, в горОНО. Пусть его выгонят, дурака». Вечером дома рассказала все папе. Я вообще всем с ним делилась, обо всем советовалась. Он всегда меня понимал. С мамой такого контакта не было. Она человек другого склада характера, замкнутая, осторожная. И не было у нее такого желания о чем-то со

мною откровенничать. Папа был теплый, добрый. Я всегда с ним советовалась. Выслушал он меня и говорит: «Правильно, Жанна, никому не спускай! Если поддашься – сядут на голову!» А мама услышала и перепугалась: «Ты что, – говорит, – ты видел этого мужика? Он же ее убьет!» Папа отверг ее опасения и говорит, обращаясь ко мне: «Иди, иди в горОНО!» Мама плачет: «Не надо». И я все-таки пошла. Попала на прием к заведующему и рассказываю ему, что в десятом классе «Б» нашей школы учитель вместо урока истории вел урок антисемитизма, повторила ему все, что слышала от учителя: «Евреи сволочи, они никогда не воевали, и вообще жулики...» Зав. горОНО молча слушал меня, опустив голову. И, разумеется, политики подлила, мол, как это так, в нашем-то Советском государстве, где все народы равны, допускать такое натравливание детей на еврейский народ!

Вечером мама меня не отпускает гулять. Улицы темные, мало ли что может случиться...

Но волнения мамы оказались напрасными. Никто меня не тронул, а этого историка через три дня в школе не стало. А дело в том еще, наверное, что в Туапсе в то время школ было мало, а желающих жить в приморском

курортном городе хватало. Поэтому найти квалифицированного учителя истории не составляло особого труда. И мой авторитет в классе с той поры еще больше укрепился. Удивлялись одноклассники, как мне удалось выдворить из школы такого огромного мужика.

После школы с папиной помощью я поступила на завод, на ту самую термическую установку. До пятого разряда работала рядовым членом бригады, а когда сдала на шестой, мне дали бригаду. Специальность моя называлась так: «электромонтер-термист». Название не простое. В нем скрывался такой смысл: мы сами обязаны были не только термически обрабатывать металлы, но и ремонтировать эту сложнейшую установку. Никаких ремонтников завод не нанимал, деньги на это тратить не хотели. Таким образом, до поступления в институт я получила хороший производственный опыт. К тому же еще со школьной скамьи пристрастилась к спорту. Сначала бегала на короткие дистанции, потом увлеклась волейболом, а затем перешла в баскетбольную секцию. Этим и определялся выбор будущей профессии. Я поступила на отделение металловедения и термообработки Харьковского политехнического института. Там был довольно солидный кон-

курс, семь человек на одно место, а сдала я не на все пятерки, были и четверки. Поэтому очень боялась не попасть. Нас вызывали к декану на собеседование. Со мной он говорил вполне доброжелательно. Сразу сказал, что я прохожу, спросил, чем увлекаюсь, и, услышав в ответ, что занимаюсь баскетболом, обрадовался. Тогда было модно студенческим коллективам участвовать в различных спортивных соревнованиях. Разумеется, Харьковский политех имел и свою баскетбольную команду. И я попала в нее. Так уж получалось, что меня всегда ставили капитаном. Потом этот же декан мне говорил: «Жанна, ты у них как мать-начальница. Они все тебе подчиняются». Не знаю уж, почему так получалось, но я ни с кем не ссорилась, а если надо было что-то сказать, сделать замечание, делала, не стесняясь. Как бы там ни было, но подруги по команде ко мне относились с уважением. И подруги у меня были из спортивных команд, одноклассницы, из соседей. Мы вместе бегали, играли в волейбол и баскетбол. Вот, например, Валя Назаренко. Мы жили с ней в той квартире, которую строили пленные немцы. Была одна общая дверь. Две девочки-соседки. Национальность тут не играла никакой роли. Однажды подружились, и эта

дружба сохранилась на всю жизнь. До сих пор дружим, хотя и живем в разных странах. Была Катя Гусева, Света... Друзья детства – близкие родственники. Мы сидели несколько лет за одной партией с Витей Онищенко. Сейчас он инженер, живет в Новосибирске. До сих пор помню его. Хороший был мальчик. Хотя в Туапсе трудно было найти настоящих друзей, потому что там в основном жили люди, прибывшие с Кубани, а Кубань, повторюсь, – страна антисемитская. Правда, меня в школе не трогали. Скорее всего, из-за того, что все знали мой характер.

Родители мои не были настолько обеспеченными, чтобы содержать дочь-студентку. Тем более что оба они старые и больные. Ведь мама меня родила, когда ей было сорок семь лет. Жили с Валею Назаренко – дверь в дверь. У Вали мать – красавица, отец работал с папой главным механиком нефтеперерабатывающего завода. Я их упоминаю потому, что они позднее переехали в Краснодар. И это имело для меня значение. Там неподалеку есть станица Коневская, где жил мой брат Юлий. Он инженер-строитель, как и его жена. Тогда строили сахарные заводы для переработки украинской сахарной свеклы. Вот этим строительством и

занимались мой брат и его жена. К ним я и явилась. Пока они жили на съемной квартире. Потом им, конечно, квартиру дали. Сидим вечером за столом, они меня спрашивают, как дела, какие намерения, я рассказываю о своих планах. Поеду в Харьков, попытаюсь поступить на очное. Надежды меня грели. Сама так полагала, что шансы на поступление у меня неплохие. Училась я не то чтобы отлично, но уверенно, в аттестате моем и пятерки имелись, и четверки. Что касалось материальной стороны дела, то об этом как-то не хотелось думать, как говорится, бог даст день, даст и еду. А брат и говорит: «Чего вдруг, очное, что ты придумала?» И приказным тоном: «Никуда не поедешь! Тебя послали в Краснодар, вот и сиди у нас, не рыпайся». Брат-то он, конечно, брат, но меня совершенно не знал. Со мной таким тоном разговаривать нельзя. Во мне всегда в таких случаях взрывался дух противоречия: все равно сделаю по-своему. Утром встала, оделась, и – на автобус. Куда деваться, Юля пошел провожать. А у меня в кармане – ни копейки. До Харькова же как-то надо доехать. Но он не хотел, чтобы я ехала в Харьков. Может быть, потому и не спросил, есть ли у меня деньги, на дорогу хотя бы. Посадил он меня на автобус, и

сует что-то завернутое в газетку. Я даже не обратила внимания, что там такое. В Краснодар приехала рано. Вышла из автобуса, развернула, что мне дали в дорогу – два помидора и кусок черного хлеба. Ем и реву в три ручья. Хотя надо сказать, что плакать – не в моей привычке. Слезы у меня очень далеко. Плакала, когда мать хоронила, когда хоронила отца, а тут понять не могу, что со мной происходит, удущье такое к горлу подступило и реву-реву... Рядом дворник метет мостовую, видит сидит девятнадцатилетняя деваха и рыдает. Что ему подумать? Подошел.

- Ты чего?
- Да ничего...
- Тебя обидел кто?
- Нет.

Он принес мне воды, запила я этот завтрак, и поплелась к Вале Назаренко. Адрес ее у меня был. А там обстановка изменилась. Умерла Валина мама, отец женился на другой женщине. Подумалось, до меня ли им? Но хоть переночую. Валя моя училась в Краснодарском сельскохозяйственном институте. Мое намерение поехать в Харьков она поддержала, даже подбодрила, мол, правильно, Жан, так и надо! Дело оставалось совсем за малым. Это малое –

деньги на билет до второй столицы Украины. Я ей все это тихонечко говорю, а отец ее, дядя Гриша, все услышал. Подошел ко мне и говорит:

– Золотце мое, не реви, я дам деньги! Много не обещаю, но на билет и на первое время тебе должно хватить.

Говорит и гладит меня по голове:

– Ты не беспокойся, отец потом мне вернет деньги. Да и не твое это дело, мы с ним разберемся как-нибудь.

Я побывала у них два дня и отправилась в Харьков. Все люди уже давно сдали документы, а я только еду. В вагоне познакомилась с парнем, он меня проводил прямо до института. Время было раннее, а мы спешили, чтобы я в ректорат первой успела. Забежала я туда и стала говорить. Вот, мол, сначала хотела поступать на заочное отделение, а потом передумала. Женщина, которая со мной разговаривала, документы приняла. Но я видела, что в списке я не одна. Еще какой-то парень был записан. Сдала документы, и пошла искать тетю Риву, мамину подругу. Она жила с мужем, детей у них не было, меня приняли как родную, и я несколько дней у них жила. Потом декан дал мне общежитие, и я ушла. Жили студентки, как говорится в тесноте, но не в обиде –

тринадцать человек в одной комнате. Все девочки были нормальные, но не зря ведь говорят, в семье не без урода. Нашлась там одна праведница: «Как это, ты – еврейка, и не богатая?» Она мне прохода не давала: «Все евреи богатые!» И начинала приставать с вопросами:

– У Вас в доме было пианино?

– Нет, – отвечаю.

– А что было?

– Собака была.

Мелочные такие антисемитские укусы, но обидные. Вообще-то ко мне относились хорошо. Даже выбрали старостой этажа. Этаж был огромным. Институтское общежитие называлось «Мигант», и жили в нем поляки, китайцы, немцы, представители других национальностей. Очень много разноплеменного народа. И один из них – болгарин – пристал ко мне:

– Я тебя люблю, поехали со мной в Болгарию...

– Чего это я должна с тобой ехать? – отвечаю. – Я тебя не люблю, да и вообще, должна учиться.

Какой-то он был одержимый. Приспичило ему жениться и – хоть кол на голове теши. Твердит свое:

– Я тебя там устрою...

– Да не надо мне ничего этого!

Девчонки говорят: «Жанка, гляди, твой болгарин лезет!» Куда лезет, зачем? А он поднялся по водосточной трубе, стоит на третьем этаже, рукой машет, а я думаю, еще этого не хватало: сейчас упадет и разобьется. Словом, настойчиво ухаживал. Немного странный был парень. Как-то мы шли с ним мимо кладбищ. Там их два было. На одном – могила Софьи Ковалевской – великого русского математика. Он остановился и стал молиться.

– Ты чего это? – спрашиваю.

А он был уже на шестом курсе.

– Ну, как же, – отвечает, – иду сдавать высшую математику, нельзя не помолиться. Софья Ковалевская – богиня математики.

Глава Тринадцатая

Институтские годы

– В институте мои дела шли хорошо, – вспоминает Жанна Кригер, – если не считать материального положения. Студенческая стипендия не рассчитана на достаток. Ее и на хлеб-то не хватало. Кроме того, среди двенадцати соседок по комнате, я не смогла найти ни одной подруги. Сложная жизнь, трудная была, как вспоминаю теперь. Я вообще в жизни не слишком легко сходилась с людьми. Но все же, надо признать, что все мы в то время жили примерно в одинаковых условиях. И я бы, наверное, тянула свою лямку, как могла. Все-таки родители мне, как могли, помогали. Я даже могла себе позволить поездку домой на время каникул. Первая поездка была такой чудной, что и сейчас вспомнить смешно. Познакомилась с одним китайцем. Кажется, Кимом звали его. Через несколько дней он подсел ко мне в читальном зале и говорит:

– Помоги мне в русском языке. Разговаривать я могу, а вот согласования никак не получаются.

А был он добросовестнейшим студентом. Я, по сравнению с ним, была безответственной. Стали заниматься русским языком, потом вместе готовили все задания. А тут как раз начался сопромат. Это тяжелейший предмет. Не даром же студенты говорили, если сопромат сдал, можешь жениться. Как-то преподаватель задал нам неправильную длину стержней. И у нас система получалась несовместимой. Я попыталась решить, не выходит – ушла. Ким же просидел над задачей всю ночь. Утром прихожу, спрашиваю:

– Ну и как?

– Нет, – отвечает, – не решил.

И я была просто поражена: как можно ночь не спать, чтобы решить какую-то задачу! Сидим мы с ним, занимаемся, он мне и говорит:

– Ты поедешь домой?

А надо сказать, что после зачисления, я домой не поехала. Денег не хватило. Надо было сдавать пять экзаменов, время немалое, деньги ушли на питание...

– Конечно, – говорю, – поеду!

– А я, – с грустью сказал Ким, – никогда

на море не бывал. Даже вообще не знаю, что это такое.

– Да что за проблема? – отвечаю. – Поехали со мной, и увидишь!

– Ну, как это так я приеду? Кто я там и кому нужен?

– Ну как – нормально приедешь. Как гость, и все будет в порядке.

Почему-то не подумала о том, что скажу родителям. У нас с Кимом были чисто товарищеские отношения, а что могут подумать, не учлось. Сказано – сделано! Сели на поезд и – в Туапсе. Приехали, папа увидел моего спутника – глаза на лоб полезли. Стоит перед ним маленький худенький китайчонок с очочками на глазах, смотрит смущенно.

– Жанна, кто это?! – спрашивает папа доченьку после года разлуки.

– Это мой друг! – говорю.

– Что еще за друг?! Откуда он взялся?! – и сам побледнел.

Он решил сначала, что это мой муж, или жених, я знаю, что еще он подумал! Вышел из дома, я – за ним. И говорю:

– Ну, чего ты разволновался, папа? Это мой товарищ, он моря никогда не видел. Не-

ужели мне трудно взять его с собой, чтобы он увидел, или искупался в море?

У папы после этих слов от сердца отлегло. Но еще некоторое время он смотрел на гостя настороженно, а потом все улеглось. Ким никак не мог приобщиться к моим знакомым, старался держаться в стороне, дичился как-то. Зато с родителями сошелся, как с родственниками. Маме помогал ходить на базар, по магазинам, что-то делал на кухне. Словом – свой в доску. Говорю потом отцу:

– Ну, и чего ты переполошился?

А он:

– Да я от тебя чего угодно жду!

Ким бывало говорил мне: «Красивая ты Жанна, только глаза у тебя, как у коровы!»

Конечно, на китайский вкус, мои глаза ему не нравились.

Студенческие дела затягивали настолько, что я совсем перестала ходить к маминой подруге. Хотя первое время обедала у нее. Она всегда добродушна была ко мне. Обижалась, что я стала редкой гостьей. Я объясняла, что не хватает времени, слишком занята и учебой, и спортом. И в самом деле, нагрузка велика. Она мне: мол, пришла бы, я бы покормила тебя... А я: «Тетя Рива, не могу я ходить к Вам. Вы бы мне дали лучше денег в долг». Не дала. Ее такой расклад не устраивал. И это объяснимо.

Она ведь знала, что отдавать некому. Родители старые и больные, а на меня какая еще надежда? Только в отдаленном будущем. Приходи и обедай. Однажды я гуляла с одним парнем. Проголодались мы с ним настолько, что сил нет. Захожу я к маминой подружке и говорю ей: «Тетя Рива, я пришла к Вам, но зайти не могу: там, внизу, меня парень ждет и такой же голодный, как я». Муж тети Ривы быстренько наделал бутербродов, завернул их и вручил: иди, корми своего парня.

Поскольку мы учились на термистов, нас направили на практику на Харьковский танковый завод, изучать термическую обработку металлов. Я в деканате объясняю, что у меня шестой разряд термитчика. «Вот и хорошо, – отвечают, – углубишь знания!». На заводе меня поставили на такую же установку, на которой работала в Туапсе. И я стала ходить в три смены на практику. Это была обычная работа. Что делала в Туапсе, на своем заводе, то и здесь. Разница заключалась в том, что там получала зарплату, а тут только свою стипендию и – ни рубля за то, что делала в цехе.

После окончания второго курса получаю письмо от папы. С ним случился инфаркт. Пишет: «Жанночка, не смогу я тебе помочь!» До этого он старался где-то заработать в дополнение к пенсии...

И вот я прихожу к декану и говорю ему:

– Николай Николаевич, я перевожусь на заочное отделение.

А он мне:

– Жанна, давай я тебя устрою в лабораторию, будешь учиться и работать.

Можно было бы попытаться и так, но я уже настроилась ехать домой, потому отказалась. Да и понимала, что он переживал не за меня, а за команду. Играли мы вполне успешно, часто выигрывали, и этот факт грел его душу. А вся нагрузка ложилась на меня, потому что тренером у нас был не баскетболист, а футболист. Да и в качестве игрока я представляла собой ценность для команды. Мощная, с быстрым бегом. Тренер мне говорил:

– Ты, Жанна скорость не сбавляй. Потому что когда ты идешь на скорости, даже я боюсь.

Мне, как капитану приходилось брать на себя часть его работы. К тому же мне не хотелось оставаться в Харьковском политехе. Все равно ведь надо ездить на сессии, так не лучше ли ездить в московский политехнический институт с тем же профилем?

Итак, я поехала домой. Работать пошла на свой Туапсинский завод. Хотела опять стать термистом, но тут у меня появился яростный

противник. Тот самый парторг цеха, что подкладывал мне в машину чурбак, за это время вырос до мастера. И встал на моем пути, как тумба, – не сдвинешь.

Подумала: «Ну и наплевать на тебя!» Сдала на крановщицу и стала работать на пяти-тонном башенном кране. Жизнь была нелегкая, сначала работала на сборке емкостей, потом перешла в кузнечно-прессовый цех. Но зато ни от кого не зависела, имела свои деньги и могла продолжить учебу в институте.

И я уже перешла в Московский политехнический институт. В это время познакомилась с будущим мужем, а вскоре и вышла за него замуж. И он металлург, и я учусь на металлурга. И он мне говорит: «Жанна, это тяжелая специальность!» Да и многовато – два металлурга в одной семье. Пойди на что-нибудь полегче». Я подумала, прикинула, куда можно перейти. Привлекала экономика строительства. Надо было кое-что досдать, чтобы оформить перевод. Досдала и закончила институт инженером-экономистом строительных работ. Диплом позволял работать и мастером на стройке. Но мне этого делать не пришлось.

Глава Четырнадцатая

*Закончила институт,
стала работать... семья, дети, дом.*

– Закончила, стала работать, – вспоминает Жанна Кригер. – Теперь оглядываюсь на свою жизнь и думаю о том, что все мне давалось с трудом, и жить было трудно настолько, что приходилось делать не то, что было ближе к сердцу. По мне бы – никогда бы не пошла на инженерный факультет. Хотелось стать археологом, поступить мечтала в Московский Государственный Университет имени Ломоносова. Отец не советовал. Говорил, специальность должна быть инженерной, а все остальное – хобби. Я его, конечно, понимаю, он ведь свой опыт примерял ко мне. Ему его инженерная профессия дала очень много. Хотя и не жил в богатстве, но семью мог содержать, детей вырастил и воспитал. В наш кошмарный век не так уж и мало!

Вот и получалось, что я мечтала об археологии, а он всегда смеялся надо мной, мол, тебя

дома никогда не будет, всегда будешь ходить до ветру под палатку. Я верила папе, уважала и любила его, поэтому и прислушивалась к тому, что он говорил, советовал, рекомендовал. Повторяю, у меня был довольно своевольный нрав. Я всегда агрессивно относилась к требованиям. Со мной можно было договориться только по-хорошему, стоило сказать, ты так делать не смей, обязательно так сделаю. Папа имел на меня влияние.

Вот такая история. Приехала домой из института, а в почтовом ящике пять писем от парней. Ну, кто бы еще посмел в это дело вмешаться? Папа достал из ящика все эти письма, пришел ко мне и говорит, развернув их передо мною веером:

– Выбирай из них одно! Единственное.

Я выбрала письмо того, кто стал моим мужем. Папа взял остальные, порвал, не вскрыв конвертов. Вот Вам и выбор жениха. Это было позволено только папе. А все потому, что если сказать, что я его любила, значит, почти ничего не сказать. Он был для меня и надеждой, и опорой, и лучшим другом... Вот почему я не могла допустить, чтобы его имя не звучало в доме. Институт заканчивала беременной старшим сыном. Носила очень тяжело. У меня были

проблемы с почками. И муж возил меня к врачам в Днепропетровск, потому что местные боялись, что у этой беременности может быть плохой исход. Но обошлось. А уж второго мне совсем не советовали заводить. А я все-таки забеременела и родила. Только ради того, чтобы назвать ребенка именем отца. Боря – мой младший сын.

После окончания института мы с мужем переехали в Свердловск. Жили с его родителями. Мы с ним познакомились на пляже в Туапсе. Он со своим родственником приехал отдыхать к его матери. Пошли на пляж, и там мы с ним встретились. Как это бывает у молодых, слово за слово, разговорились. Но отпуск имеет обыкновение заканчиваться быстро, он уехал в свой Свердловск. И вдруг я получаю в Харьков письмо. Спрашивает мой Юра, можно ли приехать. А куда я его приглашу в ту комнату, где, кроме меня, двенадцать девок живет? Что ответить? Написала, приезжай, если хочешь, но жить будешь на вокзале. Он все-таки приехал...

Следующая встреча у нас произошла уже в Туапсе, когда я была на предпоследнем курсе. Мы с ним поженились. Папа по еврейскому обычаю разбил тарелку. Вот так мы и сошлись – два совершенно не знающих друг дру

Свердловский Инструментальный Завод,
на котором много лет работала Жанна Кригер

га человека. Ни он обо мне ничего не знал, ни я о нем. Но брак оказался удачным. Сорок пять лет вместе живем. А жили мы с мужем почти так же, как мои родители. Всегда очень скромно, всегда считали каждую копейку.

В Свердловске я работала в проектно-институте. В мои обязанности входило составление технико-экономического обоснования строительства промышленных предприятий. То есть доказать, что проектируемый завод обеспечит рентабельность и будет давать прибыль. Работа в этом институте была связана с командировками. Хотя и не дальними, в основном, по Свердловской области. И дело не в том, что приходилось посещать различные захолустья.

У меня же семья! К тому времени папа умер, мама приехала ко мне. Квартиру в Туапсе я поменяла на квартиру в Свердловске.

Сын родился у такой вот рабочей лошади. Мне ему некогда должного внимания уделить. Помню, в пять месяцев отнесла его в ясли. Оставляю, а сама уйти не могу – ноги не идут, стою и плачу. В этих яслях моя мама работала. И потому я была в них неоднократно, всех сотрудниц знаю. Увидела одна из них мое состояние, говорит:

– Ты что, Жанна? Утри слезы. Ему здесь будет лучше, чем дома! Иди, работай спокойно.

Вообще с сыновьями у меня не было никаких проблем. Росли нормальные, совестливые мальчики – никаких тебе пьянок, никаких наркотиков. Старший был поздоровей, учился лучше. У Бори были проблемы со здоровьем. Но и Мишу, и Борю я всегда возила с собой – куда бы ни ехала. Собираемся с мужем на Северный Кавказ, в Туапсе – мальчишки едут с нами. Мужу понравилось отдыхать в Крыму, и мы ездили в Феодосию. И всегда старались показать им как можно больше, чтобы обогатить их. Оба они видели все достопримечательности Крыма. Боря всегда был очень впечатлитель-

«Английская» Школа, в которой учились Михаил и Борис Кригеры

ным. Однажды мы направились в Севастополь. Боре было всего пять лет, Мише тринадцать. Как известно Севастополь – город русской славы, там есть что посмотреть. И мы облазили все, что только можно было. Много времени провели в Херсонесе. Все это произвело на Борю такое сильное впечатление, что по возвращении домой он начал писать стихи. Еще азбуки как следует не знал! Прихожу к нему в больницу, у него было обострение, пришлось госпитализировать, а он мне в окошко кидает бумажки со стихами. Буквы трудно разобрать. С той поры до сих пор пишет стихи. И главная тема Херсонес, так отпечатался в сознании ре-

бенка этом комплекс. Я храню его детские стихи. Вот стихотворение, которое он написал в двенадцать лет.

ДВЕ РЕКИ

*Там Ур впадает в белый Нил,
Там скалы над рекой угрюмы,
И камни обвалившихся могил
Вселяют в сердце траурные думы.
Там над рекой – предутренний туман,
Встают, как призраки, развалины дворцов,
А за скалой пустыни нет границ –
Уньлая страна песков.*

Это он написал, когда ему было двенадцать лет.

Миша был покрепче здоровьем и очень хорошо учился. Оба они знали, как мы живем. Больших претензий к нам не предъявляли. Помнится такой случай. Миша уже был студентом. Я купила ему два костюма. Один польский, а другой чешский. Как раз началось джинсовое сумасшествие. И он никак не хочет надевать свои новые костюмы, подавай ему джинсы.

– Нет, – говорю, – сынок, не могу я тебе купить такие штаны. Карман не позволяет.

– Не можешь – не надо.

Сказал и вроде бы успокоился. И тут его направили в студенческий стройотряд. Все лето работал, вернулся весь черный – загоревший. Заработал приличные деньги. И я ему говорю:

– Вот теперь можешь купить себе джинсы.

– Что я, дурак? – отвечает. – Столько труда вложено за эти деньги, чтобы так просто их отдать.

То есть, он понял цену заработанному рублю.

Чтобы не ездить в командировки, пошла я работать в организацию Почтовый ящик. Взяли меня экономистом. Занималась составлением калькуляций и другими подобными делами. Позднее перешла на Свердловский инструментальный завод, поближе к дому. Сначала работала в цехе, потом стала начальником отдела нормирования. Хорошая работа, но платили мало. Пришлось искать что-то более существенное. Пошла в трест «Свердловскдорстрой» ревизором. Столкнулась с суровой правдой жизни. Там народ особенно не стеснялся,

приходилось вскрывать немало всяких махинаций, злоупотреблений. Одним это нравилось, других пугало. Одни говорили: «Вы нам пришлите эту кучерявенькую, она всегда что-то найдет». А начальник треста наоборот: «Вечно ты что-то находишь, неужели все так плохо?» Иные пытались подъехать:

– У тебя дача есть?

– Зачем тебе моя дача?

– Я бы тебе чернозем привез, погреб бы сделал.

Не было у меня никакой дачи. И не надо было мне ничего от них. Работа была довольно интересной. Нередко сталкивалась с удивительными фактами. В одном из подразделений треста, в Петропавловске Казахстанском, обнаруживаю ничем не оправданный перерасход полушубков. Десятками уходят. Нет, их не воровали, просто использовали не по назначению. Бросали под колеса машин, когда преодолевали болота. Но на этой работе я задержалась не надолго. Заболела, перешла на инвалидность.

А жизнь вокруг текла своим чередом. Наступили для страны черные времена. Разваливался Советский Союз, взорвался чернобыльский атомный реактор, в результате перестройки появились новые русские, бандиты, рэке-

тиры. Поползли разговорчики о том, что опять во всем виноваты евреи, что скоро начнутся против них различные акции. И я подумала, а что это я сижу здесь? Чего жду? Засобиралась и уехала с сыновьями в Израиль.

Глава Пятнадцатая

Человек ищет...

В Свердловске мы жили не сказать чтобы богато, но и не бедно. Если, конечно, сравнивать с теми, кто жил на зарплату и не имел больших льгот. Далекие от политики люди, мы как-то не очень реагировали на политические изменения, нас не особенно трогали проблемы перестройки. Мы с мужем растили двух сыновей. Они у нас были вполне благополучными мальчиками. Правда, все то, что началось после перестройки, особенно после развала Советского Союза, так или иначе задевало все население страны. Возникли какие-то националистические организации, опять возродился, будто бы восстал из тлена, печально известный «Союз русского народа», появилось общество «Память», как грибы после хорошего дождя высыпали тысячи частных изданий, газетенки, листочков... И все они, будто туфли, шитые по одной колодке, удивительно походили друг на друга, ибо все твердили об одном: русский на-

род в своей стране живет хуже всех остальных народов.

И все-таки не националистические волны стали для нас поводом для размышлений на тему: а что мы вообще делаем в этой стране? Впервые я задумалась над этим сразу же после черновыльской трагедии. Я лежала тогда в больнице, и когда объявили о том, что в Чернобыле взорвался атомный реактор, мне стало плохо. Дело в том, что рядом со Свердловском находится город Белоярск. И там тоже работает атомная электростанция. На ней уже случались какие-то неприятности, выбросы, крышу срывало... Вслух об этом никто не говорил, так, шу-шу-шу, однако, как известно, шила в мешке не утаишь. Все о Белоярской атомной электростанции уральцы знали. Вот и я понимала, что тот же Чернобыль может случиться и у нас. Куда потом деваться? Кто тебя будет спасать? Это же ясно, что никому мы окажемся не нужными. Да и в том ли дело? Все может погибнуть в этом огне: и дети, и мы сами. Разве я имела право об этом не думать? Разве могла позволить себе дожить до такого кошмара? Вот и зашевелилось во мне еврейское самосознание, все чаще стала думать о том, не пора ли сматывать удочки?

В то же время, постоянно подталкивали события, происходившие в то время в России. Горбачевская перестройка как бы всколыхнула народ, но вместе с теми, кого не устраивала тоталитарная система, поднялись и черные силы. Кто же не помнит шабаша общества «Память», эти откровения Валентина Распутина и целой капеллы писателей, поэтов из журнала «Наш современник», во главе с отпетым антисемитом Станиславом Куняевым? Знаменитая газета «Завтра» и тысячи ее подражателей стали, никого не стесняясь, говорить о том, что самый великий страдалец на территориях бывшего СССР – русский народ. В воздухе запахло коричневой чумой. Омерзительный запах.

Как-то муж пришел с работы, и говорит, что в районе цирка намечается какой-то митинг. А я же гражданка Советского Союза, какие еще могли быть митинги, кроме тех, что проводит партийные органы? А тут никакой партии, а митинг собирают. Как же не посмотреть, что это такое? Любопытство ведь раздирает. Села возле дома на автобус и подалась на митинг. Еду себе, в окошко поглядываю, сел со мной рядом ядреный, ладно скроенный мужчина в военной форме. Смотрит на меня заин-

тересованно. Подумала, чего это он уставился? Хотя, пусть смотрит, меня же не убудет. Доехала до цирка, встаю с сиденья, направляюсь к выходу. Мужчина этот и говорит:

– Вы уверены в том, что вам именно тут надо выходить?

Странный вопрос, не правда ли?

– Конечно, – говорю, – уверена.

Вышла, и он со мной вышел. На площади у цирка пока никого нет. Но как-то неожиданно возникли отряды милиционеров. Потом явились митингующие. Они развесили шпакатики, к ним бэльевыми прищепками стали прикреплять транспарантики, плакатики. Ничего особенного, все об экономическом положении города, об экологии, даже как-то скучно стало. Ходят себе люди, читают, разговаривают. Тихий такой митинг, никто не орет, не скандалит. Но это скоро прошло. Явились «памятники» – представители общества «Память» и стали срывать транспарантики, плакатики... Те, кто их развешивал, возмущались, не давали срывать и срезать. Между ними завязалась потасовка. Гляжу: милиционеры волокут одного под белы руки. Я возьми да и ляпни: «За что это они его, он ведь ничего плохого не сделал?» И тут, как лист перед травой, откуда ни возьмись, возник этот мой случайный автобус-

ный спутник, говорит: «Я еще в автобусе обратил на вас внимание. Вы что – на митинг пришли?» – «Нет, – отвечаю, – в цирк». – «Так вот, если вы немедленно не уйдете отсюда, я вас арестую». Конечно, мне было интересно поглядеть, как кипят общественные страсти, но ведь не настолько же, чтобы угодить в кутузку. Повернулась и пошла прочь. Зато узнала, что такое подлинная свобода собраний.

Потом услышала, что в экономическом институте, с которым я сотрудничала, намечается сборище «памятников». Институт этот посылал ко мне студентов, я руководила их преддипломной практикой. Поэтому имела пропуск на право входа в здание института. Посторонних не пропускали.

Была у меня хорошая знакомая, корреспондент газеты «Уральский рабочий» Людмила. Звоню ей:

– Люд, очень хочу попасть на этот шабаш!

– Что ты, Жанна, – отвечает, – ты расстроишься.

– Все равно хочу. Помоги.

– Как же я тебе помогу, если они никого на свои сборища не допускают. Даже я, корреспондент областной газеты, не могу к ним попасть.

И тут она говорит,

– Послушай, Жанна! У тебя же есть пропуск в институт. Свободно пройдешь, да еще и меня провести сможешь!

Таким образом, мы прошли. Вошли в зал, сидим, слушаем. Сначала вышел некий докладчик из Уральского Госуниверситета. Весь его доклад был построен на межнациональных отношениях в стране. Главный упор на то, что все обижают русских, что они самые бедные граждане в своей собственной стране. Естественно, главный враг русского народа – евреи. Живут богато, позанимали все теплые места и местечки в стране, оставив русским одни холодные. Песенка не новая, куда ни кинь – кругом евреи. Музыканты, артисты, ученые, директора... В общем, продыху от нас нет. И в этом ключе прошла вся первая часть далеко не святого собрания.

Вторую часть они посвятили болезненному вопросу. В Свердловском театре оперы и балета ставили спектакль по известной сказке А.С. Пушкина «О царе Салтане». А до этого я читала в газете о том, что общество «Память» нашло в постановке крамолу, явно направленную против православия. В оформлении спектакля художник на кокошниках нарисовал звез-

дочки, и черносотенцам померещилось, что это – шестикончные звезды, то есть еврейские символы. Вот они склонились над звездами, одни зады торчат и до седьмого пота считают лучи звезд. С одной стороны смех, а с другой – слезы. Господи, до чего же мы докатились!

Один мужчина не выдержал, вскочил и стал кричать: «Что вы творите? Я войну прошел, фашистский осколок под сердцем ношу. Мы боролись против фашистской нечисти, а вы ее тут разводите».

Но разве эту публику можно таким пустяком пронять? Спрашивают:

– На каком ты фронте воевал?

– На Сталинградском, у Чуйкова. И там, доложу вам, все руководители ответственных служб, в том числе и разведки, и отдельных дивизий, были евреи. И среди солдат было видно- невидимо.

– А ты сам часом не верей? Нашлись братки.

– Да, – говорит, – еврей!

– А, тогда все понятно.

И они стали его обзывать, даже накостиляли. Что поделаешь, русская идея поднимала голову.

Пришла домой, рассказываю мужу, а он:

«Вечно ты куда-то лезешь!» Я уже была на инвалидности, не работала. Сижу дома, звонит одна женщина, которую я когда-то приняла на работу. Ее нигде не брали, я выходит, выручила. И она осталась мне благодарной. «Жанна Борисовна, я должна Вам обязательно рассказать это». – «Ну, приезжай», – говорю.

Знакомая была татаркой. И муж у нее татарин, захвативший последние месяцы войны, участвовал в боевых действиях, чем очень гордился. Накануне с ними приключилась такая история. В районе завода «Сельмаш» сели они в такси, направились в центр города. Довольно приличное расстояние. Едут на заднем сидении, а впереди, рядом с шофером сидит разговорчивая бабенка. Вот она и завела речь о том, что русский город Свердловск заполнен нацменами, из-за чего русскому человеку некуда податься, такая теснота кругом. И сетует, мол, ничего с этим не поделаешь. Шофер, видимо, тоже не слыл молчуном и начал утирать ее горькие слезы.

– Да как же «ничего нельзя поделать»? Все поделаем, у нас уже все списки составлены, адреса имеются, нам домоуправы дали все. Ждем сигнала. У меня и у моего напарника есть все для них. Начнем с жидов...

А там ведь евреев не так уж и много. До войны их вообще были считанные семьи, а потом остались только те, кто не захотел возвращаться в освобожденные города после эвакуации. И вот сидит на заднем сиденье воин татарского происхождения и слушает, как уральский филиал «Памяти» намеревается лихо решить еврейский вопрос в отдельно взятом городе. Не знаю уж, нравилась ему программа или нет, но молчал, не возражал. А шофер остановился только затем, чтобы сменить в груди воздух. Сменил и продолжил:

– С жидами покончим, за татарву возьмемся. А то гляди-ка – расплодились, в собаку палку кинь – в татарина попадешь.

Как подскочит на сидении бравый солдат, аж башкой о крышу ударился, как взовьется:

– Ах вы, гады, говорит, я войну прошел, кровь проливал за эту страну, а вы, пороха отродясь не нюхавшие, собираетесь меня убивать.

В драку лезет, вот-вот сцепится с шофером, Да еще дамочка подзуживает водилу: «Пральна, – говорит, понаехало татар – пруд пруди, а зачем они тут, ежели русским квартир не хватает». Моя знакомая бросила шоферу деньги, потребовала остановки и вытащила за рукав своего муженька. И решила она пове-

дать об этом эпизоде мне. Наверное, это была последняя капля, переполнившая чашу моего терпения. Все настойчивее стала думать о том, что надо уносить ноги, пока целы. Но не все меня понимали. Свекор, говорит: «Ты паникерша, чего испугалась? Да мало ли кто и что может ляпнуть!» Но эти разговоры на меня не действовали. Я ему отвечала: ты так говоришь, потому что мало знаешь. Я хорошо запомнила мамины рассказы о кишиневских погромах. Там ведь тоже сначала шли обычные черносотенные разговоры. И никто не верил, что они могут вылиться в такое жестокое побоище, что погромы возможны. Нет, мы знали, что такое озверевшая толпа, вышедшая на улицы, чтобы убивать и грабить. Сколько евреев заплатило жизнью за это неверие! Не хочу повторить их опыт. К тому же, всегда считала, только на мне лежит ответственность за моих сыновей. Вернее, прежде всего на мне. И я не могу допустить, чтобы они пережили то, что пережили их дедушки и бабушки. Вопрос еще, переживут ли. Сказала мужу:

– Юра, забираю детей и уезжаю в Израиль!

Он не хотел ехать. Но легко сказать «забираю». Они же у меня уже взрослые! Согла-

сятся ли? Начала уговаривать Бориса. Тут особых проблем не возникло. Он быстро понял меня и дал согласие. С Мишей оказалось много сложнее. Он в то время работал в закрытой организации «Почтовый ящик» в Новосибирске. Приехал на побывку, я ему и говорю:

– Миша, мы уезжаем в Израиль.

– Кто это «мы»?

– Мы – это Боря, я и ты!

А он и слышать ничего не хочет. Хотя ему особо и не за что было держаться: высоких должностей не занимал, никакой синекурой не пользовался – обычный рядовой инженер с минимальной зарплатой. Правда, к тому времени у него уже была девушка. И вот давай мы с Борей его уговаривать, рассказываем о положении в стране, о том, что в период безвластия может быть абсолютно все. Но к тому времени уже просочилась в русские газеты информация о том, что в Израиле далеко не все в порядке для новых репатриантов. Сложно с работой, с жильем. Мы с Борей ему выкладываем своим аргументы, а он в ответ:

– Что там делать – по помойкам лазить? На базарах фрукты и овощи с пола подбирать?

Много было всяких разговоров. И тогда я сказала:

– Как хочешь, но меня ничто не остановит. Брошу тебя здесь и оставайся со своей Россией!

А он:

– Никогда не поверю, что ты бросишь отца!

– Я его и не бросаю. Захочет приехать – приедет, но мы не можем оставаться здесь больше, неужели не понимаешь, насколько все серьезно?! Или ты хочешь на своей шкуре испытать, что такое еврейский погром?

И он согласился поехать с нами. Подала я документы на выезд, жду вызова из Израиля. С Мишей условились так, как только я получаю вызов, даю ему телеграмму: «Дядя приехал, приезжай!» С тем он и вернулся в Новосибирск. Ждать пришлось долго. Но все-таки я дождалась. Понимаете, жизнь у меня складывалась так, что я не помню, чтобы чему-то обрадовалась. А получила из Израиля вызов – это для меня стало настоящей радостью! Настолько я уже была готова к этому отъезду. Послала Мише условленную телеграмму, он тут же приехал, снял копию вызова и стал оформлять выезд. Итак, мы покинули Россию. Уезжали рискованно. В самом деле, не то чтобы родственников, даже знакомых у нас в Израиле и близ-

ко не было. Собираемся. Сосед, хирург, говорит: «Оставляешь своего Юрку? Правильно! Возьми меня! Все буду делать, даже посуду мыть, только возьми!» Друзья наше решение одобрили. Все интересовались, когда отъезд, говорили, правильно делаешь. А с антисемитами я больше не встречалась. Отправлялись без багажа. Три чемодана – вот и весь наш скарб. Мы, разумеется, не одни решили покинуть Россию. Один наш хороший знакомый, начальник производства, тоже поднял свою семью. А мне надо выбрать место, куда направиться, где осесть с сыновьями? Спрашиваю:

– Ты куда едешь, Феликс?

– В Кирьят-Ям, – отвечает.

А для меня это название ничего не значит.

– Где находится Кирьят-Ям?

– На морском берегу.

Это уже кое-что для меня берег моря значит много. Я же столько лет прожила в Туапсе – морячка! И я ему говорю:

– Ну, решено, Феликс, поедем вместе.

Сели в поезд на Будапешт, там побыли несколько дней, а затем – на самолет, и – сошли с трапа в аэропорту им. Бен Гуриона. Но еще по дороге в Венгрию мне устроили сюрп-

риз сыновья. Оказывается, они собрались жениться. Говорят, что будут вызывать своих девушек. Легко сказать. Но у обеих девушек есть дети, четыре года и пять лет, а, кроме того, они не еврейки. И мужа рядом нет, не с кем посоветоваться. И у меня сразу же поднялось давление. Что с ними делать? Не хочу сказать, что я такая уж строгая идише-мама, но хочу, чтобы у меня была нормальная семья. Как же тут не поднимется давление, если я не знаю, кого приведут мои сыновья. Давай меня Миша успокаивать. Традиционные слова: она очень хорошая. Борис молчит, ни слова. Правда, его девушку я однажды видела, но о том, что у нее дочка есть, – понятия не имела.

Однако время показало, что дети женились очень удачно. Они живут уже более 15 лет в любви и согласии. Я очень за них счастлива и очень обоим невесткам люблю.

Глава Шестнадцатая

Жизнь начиналась сызнова

Прилетели в Израиль. Вышли на трап, а вокруг такой праздник! Нас встречают деятели еврейского агентства Сохнут, какой-то религиозник, тут же стоит и президент страны Шамир. Смотрит он на меня, а у меня давление поднялось под двести. Тяжело, да еще и после перелета. А он почему-то выбрал меня, и говорит: «С откуда вы?» Он же из Украины, и выговор у него не русский – украинский. Я назвала город. Он зацокал языком. А тут сразу же телевизионщики налетели, стали снимать, фотографы. В общем, с места в карьер стала я новой израильской звездой. Но поговорили мы с Президентом, мне стало плохо, идти не могу. Сыновья меня тут же повели в медпункт. Врач померила давление – сто девяносто на сто десять. И говорит: «Я Вам не могу дать никаких лекарств. Надо немедленно вызватьambuланс и отправлять в больницу». Ничего себе перспектива, начинать жизнь в новой стране с боль-

ницы. Да и на кого я оставлю мальчиков своих? «Какая больница? – говорю, – никуда я не поеду!» Достала свои советские лекарства, приняла их, немного отлежалась, попила воды. Чувствую, стало полегче. Ну и пошли мы в зал для прибывших репатриантов. А там всякие угощения. Мы хоть поели по-человечески. Голодные же были, потому что в Будапеште нас кормили какими-то концентратами, мягко говоря, не возбуждающими аппетит.

Начали оформлять документы. Ко мне пристали с вопросом: «Где твой муж?» А что я отвечаю. Ну, не приехал, что тут поделаешь. «Как это нет мужа?» – спрашивают служащие. «Да так, он остался в России!» А допытывались так по той причине, что многие обманывали министерство абсорбции и социальное обеспечение. Приезжали вместе, а регистрировались врозь и таким образом получали большее пособие. Потому что по каким-то не очень умным правилам семейной паре начисляют меньше пособие, чем двум отдельно живущим пенсионерам. Есть такая лазейка, и репатрианты узнали о ней и пользуются, иногда успешно, если обман не раскрыт. Вот и мне не хотели верить, никак не могли признать, что я приехала одна. Вызывали по одному то Борю, то

Мишу: «Где отец?» А кончилось все тем, что деньги дали только Мише, а мы с Борисом были вдвоем, я проходила у них как мать-одиночка. И нам денег не дали, потому что неизвестно, куда подевался Юра.

Уже в аэропорту я поняла, что сделаю глупость, если поеду в Кирьят-Ям. Почему? На севере страны главный город Хайфа. И во все эти кирьяты люди ездят через Хайфу. И я тут же все переиграла и детям говорю: «Едем в Хайфу!» Они удивились оба: «Как Хайфа? Мы же собирались в Кирьят-Ям»? Я им отвечаю: «Море есть и в Хайфе, но, кроме того, там есть и Сохнут, где оформляют документы и куда придется частенько обращаться. Ну а там развозили всех по желанию. Называй город, или там поселок, и – тебя везут.

И вот мы в три часа ночи приехали к месту назначения. Никого знакомых. Единственный был Феликс, и с тем дороги разошлись. Куда приехали, зачем? И я впервые подрастерялась: «Ребята, – говорю, что делать-то?» Но я ни на минуту не сожалела о том, что выехала из России. Все стояли перед глазами эти фашиствующие мужики из общества «Память» и тщательно разглядывали лучи звездочек – одни задницы торчат. А морды – абсолютно лишен-

ные даже признаков интеллекта. Попадись такому в лапы!

Нас вскоре поселили в гостиницу. Деньги есть только у Миши. И он говорит, что будет пока нас содержать. А мы приехали как раз в пору осенних еврейских праздников. Сохнут закрыт, разговаривать не с кем. Положение пиковое. Хорошо хоть поселили в гостиницу и дали поесть. Поели мы, я и говорю: «Ребята, не знаю, что делать?» Да и чувствую себя отвратно. Надо ходить по инстанциям, добиваться справедливости, надо в магазин пойти, купить еду, а какой из меня ходок – еле на ногах стою.

Парни взяли инициативу на себя, стали заниматься домашними заботами. Пошли на базар, купили овощей, соки. И уже стало несколько веселей. В нашем номере не было кондиционера, но зато был душ. Можно было ополоснуться, прийти в себя. Это был сентябрь 1990 года. В Израиле еще стояла жара. А Хайфа по климату похожа на Тель-Авив. Там идешь, а на тебе одежда мокрая, такая влажность воздуха. И я говорю ребятам, что вся надежда теперь только на них. Я их привезла сюда, а больше ничего не могу. Нет здоровья, и с этим ничего не поделаешь.

Первый день кое-как прожили. Миша пошел в какой-то ресторанчик, узнать, как там можно перекусить. Вернулся и говорит: «Это не для нас, там цены слишком кусачие!» Вот и жили мы на овощах да на фруктах, правда, купили хлеб.

Теперь настало время подумать и о жилье. Не может же гостиница стать нашим домом. Пошли они искать квартиру на съем. А тогда какой съем был? Никакой тебе абсорбции, никакой помощи со стороны – все на своих плечах приходилось нести. А мы ведь еще тепленькие, только прибыли, на иврите – ни слова. Спасало то, что оба сына хорошо знали английский. Я знала французский, да и то лишь приблизительно. Но с кем тут разговаривать а ля франце?

Я немного пришла в себя и вышла из гостиницы. Сидит на скамеечке какой-то мужчина и осматривает меня с любопытством с ног до головы. «Чего, – подумалось, – уставился?» А он: «Я вас вчера видел по телевизору!» И рассказывает мне, как я разговаривала с Президентом страны. То есть, не успела приехать в страну, а уже на улице в лицо узнают.

Словом, пошли мои мальчики искать съемную квартиру. Я говорю Мише, он за стар-

шего, внимательно посмотри, что за квартира, чтобы не дорогая была. У нас с Борей – ни копейки, а главное – никакой ясности, когда с нами разберутся. Да и Сохнут отца с нас требует, а где я им его возьму? Когда праздники прошли, мы пошли к чиновникам Сохнута. Разговор жесткий, бескомпромиссный:

– Где Ваш муж?

– В Свердловске.

– Он что – не приедет?

– Может быть, и не приедет, откуда я знаю.

– Пока вы не разберетесь, денег мы вам не дадим.

Такой приговор, который не подлежит обжалованию. В Израиле все споры с чиновниками решаются в их пользу. Вот и ищи жилье! На что тут можно было рассчитывать? И нашли мои мальчишки дешевенькую квартирешку. Не в том квартале, где арабы живут, а где евреи, напротив двух синагог. Прибежали ко мне, рассказывают про эту самую квартиру, а пойти глянуть, что они там сняли, у меня нет сил. Мало того, что давление высокое, так ведь еще и жарыща такая – совсем не российская. Говорят мои сыновья:

– Но там, мама, в середине потолка есть дырка.

– Как дырка?

– Так вот, дырка. Но зато он ее сдает не за пятьсот долларов в месяц, а за двести пятьдесят!

Вот как здорово сэкономили! Двухкомнатную квартиру сняли почти «за бесценок»!

– Ладно, – говорю, – так и будет. Но когда будешь заключать договор, напиши на английском, если в сезон дождей крыша потечет, то ее должен отремонтировать хозяин.

Такое дополнение было сделано, и – мы въехали в квартиру. Как полагается, все почистили, помыли. Но мебели-то у нас – никакой. Стоит один диван – вот и вся обстановка. Купили кровати, стол, стулья, стали помаленьку обживаться. Но как же быть с языком? Михаил записался в ульпан, Борис уехал в кибуц – куда-то на Север страны. Работал, собирал авокадо, там же и учил иврит. Там его и кормили. Вот такая у нас была абсорбция. Хорошо, что у Бориса имелась возможность раз в две недели приехать на день-другой. Мне же Миша говорит: «А тебе в ульпан нельзя – такой больной, ходи на шук и там изучай иврит». Я так и сделала. Ходила на шук, училась. А сама все думала, как же нам жить в этой двухкомнатной квартире? А ведь еще девушки приедут, да не

одни, а с детьми. Превратится наша квартира в терем-теремок!

Словом проблемы меня обсели со всех сторон. И посоветоваться не с кем: муж в Свердловске сидит, не буду же я ему по телефону рассказывать про две комнаты и про девушек! Но тут, рядом с нами поселилась женщина, с которой мы вместе обивали сохнутовские пороги, когда оформлялись в Свердловске. Вот она-то и стала первой слушательницей моих откровений. Но чем она мне могла помочь, разве что посочувствовать.

Однажды говорит:

– Слушай, Жанна, пошли в синагогу сходим. Мы с тобой еврейки, а что это такое – понятия не имеем.

И пошли мы с нею в синагогу. Явились на женскую половину. Смотрю, все женщины с книжечками, и платочки держат. Раввин почитает им текст, они поплачут-поплачут, глаза вытрут и дальше слушают. Гляжу я на них, они плачут, а я вспомнила про свои проблемы. А они давили на меня все время, с той минуты, как я появилась в Израиле. Языка не знаю, ни законов, ни порядков новой страны мне никто не объяснил. Денег нет, квартирка – одно название, да тут еще грядут сложности, к кото-

рым я не была морально готова. Ну привезут мальчишки своих жен, как я с ними буду уживаться, кто они и что собой представляют, да еще и с детьми! Ведь у каждого ребенка свой характер. С ребятами я об этом разговаривать не отваживалась. Знаете, что такое молодые люди, надумавшие жениться! Они же никаких моих аргументов не примут. Короче говоря, небо показалось с овчинку. И как прорвался у меня рев. Плачу и плачу, остановиться не могу. Мне эта знакомая, Алла, говорит:

– Жанна, перестань, они уже больше не плачут.

А я говорю:

– Не могу перестать, не в моей это воле. –

И реву-реву.

Какой-то кошмар. Она мне:

– Нельзя так себя вести здесь.

– Давай уйдем, – говорю.

Встала и ушла. Возвращаюсь домой, ничего не рассказываю, что со мной такое происходит. А к тому времени Боря поступил на дасу. Он ведь закончил медицинский техникум и учился на первом курсе мединститута, бросил в связи с отъездом в Израиль. Взяли его, дали общежитие в Иерусалиме, и он от нас ушел. А мы с Мишей живем в Хайфе. Он тоже ищет

работу. А он у меня электровакуумщик. Пошел в хайфский технион, нашел какого-то человека, которому надо было привести в порядок вакуумную установку, она у него не работала. Миша устроился на работу, месяц трудился, но ему ни копейки не заплатили. Как выяснилось, ничего особенного тут нет, все в привычках нашей новой страны, каждый смотрит, как тебя поудобней надуть. Но, в конце концов, после двух экзаменов, его взяли на работу. Слава Богу, четырнадцать шекелей в час. По тем временам очень даже неплохо! Минимум по стране тогда не превышал восьми шекелей в час.

Миша живет в Иерусалиме, у Бори в его общежитии, я осталась одна, а тут как раз надвигается война в Персидском заливе. Перед самым началом войны Миша приехал. Сказать, что страшно – не то слово. Мы жили в Кармиеле, там большой район был. Там установили установки «Патриот», когда они стреляли, от страха можно было умереть. Так что мы пережили войну в Персидском заливе.

И вскоре после этого приехала борина невеста, Аня. Она пока появилась без ребенка и жила с ним в общежитии. Даже я ее еще не знала, потому что они пока в Хайфе не появлялись. Спустя некоторое время прибыла Вера

– мишина невеста. С ребенком. Парню было четыре года. Позднее прибыла в гости мама Ани. Хотела посмотреть, как они тут живут, а заодно привезла и внучку.

Нет, не могу сказать, что я была счастлива. Все время жила в состоянии напряжения. Я же совершенно не знаю, кто влился в нашу семью. Вдруг злыдни какие-нибудь. Для меня главное достоинство человека – доброта. И чем больше проходило времени, тем спокойнее становилось у меня на душе, обе мои невестки оказались добрыми девочками. Мы привыкли друг к другу и сдружились. А что касается их детей, то в них я вообще влюбилась. Катенька оказалась такой миленькой девочкой – сердце радовалось. Иду с нею по Рамле, а люди оглядываются: «Эйзе йоффа!» (Какая красивая. Иврит). Борин друг приехал из Свердловска. Смотрит на нее и говорит: «Какая же ты машу, машу, машу!» (красивая девочка), а она отвечает: «Я не Маша, я Катя!» «Все равно ты машу, машу, машу!» Мальчик Паша – тот лидер вообще, Владимир Ильич Ленин.

Оба сына сняли квартиры. Боря с Аней отдельно, а мы с Мишей и Верой – вместе. Опасалась, что могут возникнуть сложности с мальчиком. Я вообще всегда была с детьми стро-

гой. И он мою строгость заметил сразу. Вел себя соответствующим образом, с матерью, случилось, своевольничал, капризничал, со мной – нет. А вообще очень толковый мальчик, моментально освоил иврит, веселый, музыкальный – танцует, играет. И ко мне относился очень хорошо. Потом, когда уже подросток, он мне доверял все свои тайны, делился со мной. Да он меня купил в первый же день приезда. Понимаете, появляется в доме этакий четырехлетний мужчина и сходу спрашивает: «Чем тебе, бабушка, помочь?» Вот и возьми его за рубль двадцать! И бегаёт, помогает носить вещи из машины, суетится. Шустрый и такой милый мальчонка.

Началась новая жизнь, в которой я уже не главная, образовалась новая семья, и мне надо было делать все для того, чтобы она процветала. Живем, поживаем, потихонечку добра набираем. И все вроде бы идет нормально. Квартирка, правда, тесноватая, но жить можно. А тут как-то я услышала, что дают караваны. Я сначала даже не поняла, что это такое, потом разобралась. Это передвижной вагончик американского типа, сделанный для временного проживания небольшой семьи.

Такое жилье мне подходит. Особенно по-

тому, что я знаю, Юра мой обязательно приедет. Я ведь его знаю не один день. Не может он не приехать. Ну как тут не постараться и не побороться за этот караван! И я пошла в министерство строительства. Сидит какой-то мужик, смотрит на меня букой. Какой там караван! Даже слушать ничего не хочет. А у меня в теудат-оле, документе репатрианта, значится Боря. Будто я мать-одиночка. И я ему не говорю, что из Иерусалима прибыла, а заявляю, что мне некуда идти, давай мне караван. «Нет, что ты, не могу я дать тебе караван! Вот видишь, женщина сидит. Она такая больная!» То есть, он меня не имеет в виду: и не выслушивает, и не записывает на прием. «Нет, – говорю ему, ты меня все равно примешь. Посижу тут, подожду, а потом ты меня запишешь, и я приду, когда назначишь время. Причем говорила я это в таком возбуждении, что женщина, сидевшая напротив чиновника, испугалась: «Она ненормальная!» Я подтвердила: «Да, ненормальная!» Он сорвался с места, куда-то убежал, вернулся с моей папкой и говорит: «Ты не ненормальная, у тебя сильная гипертония». И тут он смягчился, поизучал мои документы и назначил мне время.

Прихожу второй раз, уже к другому чиновнику, и говорю, что мне идти некуда, в общежитие меня не берут с моими болячками, а жить где-то надо. И тогда он спросил: «В караван пойдешь?» А в то время многие боялись караванов. «Пойду», – отвечаю. Он назначает меня в караванный поселок под Рамле. Я же городов израильских не знаю, знаю, что где-то недалеко Арафат сидит. Черт его знает, может быть, это там? А он мне объясняет, что поселок этот находится возле Лода, но это тоже мне ни о чем не говорило: Рамалла, Рамле, Лод... кто их разберет. Но раз дают, надо соглашаться, и я согласилась. Он выписал мне караван.

Возвращаюсь домой, говорю Мише:

– Все, я уезжаю, мне дали караван.

– Да не может быть, – отвечает. – Кто тебе его даст?

– Вот, смотри, – показываю документы.

Говорю, а сама понимаю, что это всего лишь бумажка, рекомендация, выдать мне караван, что предстоит еще не однажды встречаться со всякими клерками. А иврита-то у меня – никакого! В то же время Борис великолепно владеет английским, все-таки работает в американской фирме. Да и иврит знает неплохо.

– Вы, – говорю, – должны помочь мне получить этот караван.

И вот они со мной поехали в Сохнут. Приезжаем к очередному чиновнику, а он слушать ничего не хочет. Не нужна я ему. Боря у меня вообще находчивый парень, характер у него авантюрный, на мой похож. Поглядел он на этого чиновника, понял, как с ним надо говорить. А я сижу, вся красная от прилива крови к лицу, да еще в розовой шляпе, которая придает мне еще более красный вид.

– Ты что думаешь, – обращается Борис к чиновнику, – я ее отсюда заберу? Пусть сидит. Или отправляй ее в больницу. Ты посмотри на нее, у нее давление поднялось выше двухсот.

Я молчу, говорить не могу совсем. Состояние тяжелое. А Борис нагнетает обстановку:

– Мне некуда ее забирать. Вызывай скорую...

Чиновник же уперся – ни в какую не хочет подписывать документы.

Вот Борис говорит:

– В общем, так, мама, ты тут оставайся, а мы поехали.

Чиновник встрепенулся:

– Ты что – с ума сошел? Что ты делаешь?!

– Вызывай скорую и вези ее в больницу, – отвечает Борис. – Мне ее некуда девать.

– А что ей даст караван?

– Ну как что даст? Полежит, успокоится, может быть, давление упадет...

И чиновник подписал документы. И мы поехали в этот караван. А он был – просто прелесть. Новенький, чистенький. И главное, в нем есть все необходимое для жизни. И душ, и телефон, и все остальное. И две комнаты все-таки, пусть небольшие, но очень удобные. Что еще надо? Я в этот караван переехала. Боря же с Аней сняли в Иерусалиме квартиру, а Катю я забрала к себе. Дело в том, что она оказалась не записанной в документы матери. Приехала не с нею. И ни в какой детский сад ее не берут. А матери надо работать. Пришлось помогать. Девочка была очень красивой, я ее Котенком называла. Сейчас ей уже семнадцать лет! Кстати, Паша уже поступил в колледж Savana College of Art and Design. Ему восемнадцать. Он талантливый художник.

Катя тоже хорошо рисует. Она такая смешная девчушка была! Все понимала. Слышит, что ее куда-то отдают, глазенками водит:

– Жанна Борисовна, а у Вас знакомые в караване есть?

- Конечно, есть, Катенька.
- А мы будем ходить в гости?
- Разумеется, будем!

Это ее вполне устраивало. А в караванном поселке жили бухарские евреи, с которыми я подружилась. Люди очень гостеприимные, щедрые... И мы с Катенькой частенько к ним наведывались. Как-то вернулись мы домой. Сидит моя Катенька на диване, ладошкой животик гладит и говорит:

– Жанна Борисовна, у Вас слишком много знакомых.

И в самом деле, многовато. Куда ни зайдешь, всюду угощают, да такие угощения, что сил нет отказаться: и плов тебе, там и шашлык, да мало ли что еще!

Я полюбила детей моих невесток. Катенька вообще моя любимица. Да и Паша тоже весьма милый мальчик. То есть, все мои опасения оказались совершенно напрасными. Дети не принесли мне никаких проблем.

В конце концов, все у нас разрешилось. Дали деньги. Определили мне стопроцентную инвалидность. А она подкреплена хорошей пенсией. С квартирой тоже сняты все проблемы. Расположилась в караване, и это мне очень нравится. Живу, как барыня. Одна на две ком-

наты. Салончик такой уютный... Конечно, мебель вся – из мусорного ящика. Но жить можно. Дети постоянно приезжают, и я могу их достойно встретить, угостить. Но, пожалуй, важнее всего тот факт, что у нас никогда не было никаких раздоров. Полное взаимопонимание с невестками установилось без всяких проблем и разборов, а с сыновьями я вообще всегда ладила. Невестки у меня оказались работающие обе, чуткие, внимательные, и я их обеих полюбила. Мишина жена Верочка – прекрасная швея. И она все время мне что-то шила. Анечка не шьет, но она всегда обо мне заботилась, вечно покупала какие-то вещи, дарила, когда уехала в Канаду, я сказала: «Ну все, мой магазин закрылся!» Правда, с Катенькой первое время бывали некоторые осложнения. Маленькая же она еще, к тому же любила маму, скучала по ней. Вроде бы все хорошо, а позвонит, Аня, поговорит с нею. Девочка радуется, а трубку повесит и начинает плакать. Да так, что и не успокоишь. Дело доходило до того, что я просила Аню не звонить, чтобышний раз не травмировать ребенка. Но ведь и это – тоже не выход из положения...

После четырех с половиной лет такого благополучного житья, приезжает по туристс-

кой визе муж. Я его сразу же прописала, стали мы жить по-прежнему, только стопроцентную инвалидность с меня сразу же сняли. Почему? Да по той причине, что пока я мать-одиночка, мне можно быть полной инвалидкой, а мужняя жена таковой быть не может ни при какой погоде. С такой логикой можно и спорить, но только до тех пор, пока она не станет государственной. Тут уж ничего не поделаешь. Пристроили мне шестьдесят процентов инвалидности, без разговоров. В Израиле степень инвалидности измеряется в процентах. И в зависимости от процентов устанавливают и размер пенсии, и всякие там льготы.

Осмысливая теперь прошедшее, я понимаю, что все в моей новой жизни в Израиле складывалось к благу. Если бы не удалось выбить караван, я бы потом не получила квартиру в Ашкелоне. Ведь что получилось? Настало такое время, когда страна решила отказаться от караванных поселков. Их просто ликвидировали, во всех городах, потому что надо было на освободившихся площадях строить новое жилье. И в то же время содержание таких поселков дорого обходилось казне. Куда девать жителей? Их расселяли в стационарные дома. Но теперь, мне полагается квартира, так уста-

новили чиновники. Предложили выбор. Мы выбрали город Кармиель. Там дом на земле. Тоже чисто израильское выражение, означающее первый этаж с небольшим участком земли. И я, конечно, согласилась. Один знакомый поехал в Кармиель, посмотреть, что это за жилье, вернулся и говорит:

– Жанна, мой домик свободный, а твой кто-то уже занял.

Ну что тут поделаешь. У меня документы на дом, а люди в нем уже живут. Выселять, что ли? И я подумала, лучше с этим не связываться, выбрала Ашкелон. Здесь хорошая квартира, правда, на третьем этаже – высокогато, но спасибо и на том! В караване было выгодно жить, там были дешевы и электричество, и вода, потому что их не облагали таким налогом, как в стационарных квартирах. Да и вообще там мне очень нравилось, я любила свой караван. Сын сделал навес у входа, защищавший от солнца, так что я совершенно не страдала оттого, что жилье – временка. Я часто ездила в гости к сыновьям. Потом у них родились дети, у Миши Белочка, у Бори – Яша. Кстати, смешно теперь вспоминать, но когда Яша начал что-то соображать, Катя его воспитывала: «Яшка, бабушку надо слушать с первого слова!»

Итак, приехали мы с мужем в Ашкелон. С

тех пор и живем в своей квартире на улице Мильрод. Потом сыновья уехали. Михаилу предложили работу в США, Борис основал свой бизнес в Канаде.

Борис Кригер, стал писателем и поэтом. Он недавно издал в Москве несколько весьма интригующих произведений, охватывающих широкий спектр стилей – от искрометного сатирического романа-шутки «Маськин» до философского анализа мироздания и судьб человечества с точки зрения простого человека в «Кухонной Философии – Трактате о правильном жизнепроедении». В книге более 700 страниц. Также он выпустил большой сборник стихов, включающий более 250 стихотворений.

Боря проживает со своей семьей в своем большом доме в лесах Канады, но благодаря интернету является директором и владельцем международной группы компаний – центров контрактных клинических исследований Kriger Research Group International, обслуживающего фармацевтическую индустрию в США, Канаде, Австралии, Западной и Восточной Европе, Израиле и Индии, и обучающий более 1000 специалистов в год для этой индустрии по всему миру.

Катя заканчивает школу и собирается поступать на факультет международного бизнеса в университете в Оттаве. Яша обучается дома. Ему наняли несколько весьма способных учителей, и он быстро развивается в интеллектуальном плане. Несмотря на свои 11 лет, он уже имеет свой сайт в интернете: <http://www.altaspera.com/jacob.htm> и написал фантастический роман по-английски про черную дыру Endless Journey into the Black Hole <http://journeyintotheblackhole.blogspot.com/>

Мишина профессиональная карьера в Америке стала примером того, чего может достигнуть целеустремленный человек. В то время как многие его сверстники с подобным образованием так и остались в Израиле и работают не по профессии, Миша с большим трудом сначала устроился наладчиком установок в Израиле на знаменитую фирму «Интель», где дослужился до поста инженера, и уже инженером проработал в Америке практически на всех ведущих заводах в этой индустрии – «Тексес Инструментс» в Калифорнии, потом «Филипс» в Альбакерке, на «Самсунге» в Техасе. Сейчас он работает на «Мотороле», являясь ведущим специалистом в своей области. Вся семья гордится его успе-

хами. У Миши прекрасный дом и три машины.

Если говорить откровенно, то нам с мужем детей и внуков очень не хватает. Наверное, это не требует объяснения, ибо дети всегда остаются детьми, тем более, если между ними и родителями установились добрые взаимоотношения.

Боря и Миша организовали в 2002 году встречу всей семьи в Лондоне, где мы прожили в гостинице все вместе неделю. Нас сопровождал врач, но я все равно плохо себя чувствовала и почти не могла ходить из-за отдышки. Мне удалось посетить только площадь перед Биг Беном и осмотреть снаружи Вестминстерское Аббатство. Потом мы все разъехались кто куда. Боря с семьей улетел в Норвегию проводить лето в своем доме, который у него был куплен в Норвегии еще в 1999 году. Миша вернулся с семьей в Техас и сразу улетел в командировку в Корею, а мы с мужем вернулись в Израиль.

Другой раз мы встретились все вместе в Канаде в доме Бори. Когда начались военные действия в Ираке весной 2003 года и в воздухе повисла опасность бомбардировки израильских городов, Борис вывез нас на два месяца в Ка-

наду, где мы встретились и с семьей Миши. Дети организовали нам сопровождение медика в оба конца. Конечно, все эти перемещения обошлись в копеечку, но эти усилия детей позволили нам увидеться вот уже два раза с тех пор как они уехали из Израйля.

Боря стал звать нас в Канаду на постоянное жительство. Но мы не поехали. По разным причинам. Во-первых, нам предстояло бы пройти медицинскую комиссию. Ни я, ни муж ее пройти не можем, поскольку оба – инвалиды. Во-вторых, здесь мы получаем пенсию, на которую можно жить. Там нам до пенсии просто не дожить, потому что ее обещают только через десять лет после прибытия. А садиться на шею сына не хочется. В третьих, люди мы больные, а медицина в Израиле значительно сильнее, чем в Канаде. Мне раз в неделю дают лекарство, которое стоит сто долларов, разве можно это не ценить. От добра добра не ищут!

Нет, считаю, что мне в Израиле повезло во всех отношениях. Даже то, что сыновья уехали отсюда, с моей точки зрения – благо. По той причине, что никто не знает, чем закончится вековая война с арабским миром, а дети рождаются не затем, чтобы их хоронили родители. Миша уехал первым. Его послали в США

в командировку, там к нему пригляделись, – специалист хороший, язык знает. Предложили место на фирме. Даже за свой счет перевезли его семью. Это было давно. Я еще одна жила. Миша мне:

– Поехали с нами!

– Нет, – говорю, – не могу я с вами. Юра должен приехать. Я его жду.

Да и хорошо мне живется в Израиле. Я вообще думаю, что здесь везет только тем, кто приехал сюда с добром. Мы и там жили на свою зарплату и знали: оттого, что тратим больше, зарплата не растет. И здесь, в Израиле, по одежке протягивали ножки, на многое не претендуя. Боря нас практически всем обеспечил – он помогает деньгами каждый месяц в течение вот уже почти десяти лет. Ведь только наши лекарства обходятся нам, несмотря на скидки, более 100 долларов в месяц. Он оплачивает все наши счета – телефон, электричество, а также оплачивает зарплату Лили, замечательной женщины, которая три раза в неделю помогает нам по дому, водит нас по врачам, и вообще я не знаю, как бы мы без нее обходились. Боря оплачивает и частного врача, который посещает нас каждый месяц. Миша купил отцу суперновый компьютер, через который мы постоян-

но получаем разные сообщения и фотографии, и читаем то, что пишет Боря, сразу, как только он создает свои литературные произведения. В настоящее время мы даже установили портативные видеокамеры на наши компьютеры и можем видеть друг друга на полный экран во время разговора. Как незаметно наступило будущее. Не думала я, что мы доживем до настоящих видеотелефонов. Конечно, подобная связь создает полное ощущение живого общения.

Миша очень помог деньгами, когда отец тяжело болел. Дети организовали ему круглосуточное дежурство частных медсестер. Это обошлось в три тысячи долларов, но без такого ухода он бы не выжил.

То, что Боря оплачивает телефон, позволяет нам звонить детям столько, сколько мы хотим, и это помогает нам чувствовать себя менее одинокими, хотя мы стараемся этим не злоупотреблять и переговариваемся по телефону 1-2 раза в неделю.

Вообще, дети, несмотря на то, что живут за границей, никогда не оставляют нас своими заботами. Долгое время на каждый праздник они присылали огромные корзины с продуктами, пока я не попросила их этого не делать,

потому что нам с мужем всего этого нельзя по состоянию здоровья. Всю эту заботу мы особенно ценим, понимая, что Боря и Миша сталкиваются с большими трудностями уже второй по счету иммиграции, когда им приходится осваиваться заново в новых странах. У обоих впереди нелегкие потраты, связанные с обучением детей. На образование Паши, Бэллы, Кати и Яши уйдет почти миллион долларов! Год обучения стоит 20-25 тысяч долларов. Для получения второй степени (эквивалент нашему высшему образованию) потребуется шесть лет обучения. Плюс на жизнь вне дома детям потребуется по 1000 долларов в месяц. То есть на обучение детей уйдет примерно семь полных годовых доходов их семей! У обоих сыновей ипотечные ссуды на дома по двести тысяч долларов у каждого. Так что им приходится очень нелегко, чтобы поддерживать достойное существование своих семей. Конечно, я вывезла своих детей из России и считаю, что это было очень верное действие, однако, как оказалось, – уехать – это лишь начало. Гораздо сложнее стало им встать на ноги, и честь и хвала им за это. Без участия моих детей не было бы и этой книги, которую вы только что прочли... Разбросало нашу семью по свету. Боря в Канаде,

Миша в Америке, мы в Израиле. Лёля с семьей тоже в Америке. Валя, жена моего брата Юлия, и их дочь Таня с семьей живут в Туапсе. Лиза с семьей живут в Гатчине. Сестра моего мужа Лина с семьей остались жить в Свердловске. Со всеми мы поддерживаем теплые отношения и обмениваемся письмами. У мужа есть дальние родственники даже в Австралии. Кстати, благодаря тому, что Миша в свое время с ними переписывался, они немного помогли деньгами по приезду в Израиль. Их дочка училась одно время в Еврейском университете и приходила к нам в гости, еще когда Миша и Боря жили в Израиле.

Вообще, я себя здесь, в Израиле, чувствую отлично. И это очень важно.

**СТИХИ
БОРИСА БЕРЗОНА**

О ДОЛГОЛЕТИИ

Мой врач мне строго наказал:
«Стихи Вам противопоказаны!»
А я послушался, но стал
Как бочка (не про вас будь сказано).
Я ел да спал, а мимо вскачь
Неслись Пегасы эскадронами,
А я все не писал, хоть плачь,
Лекарства поглощая тоннами...
...Но вот пришел счастливый день,
Когда опять пишу в газете я.
Пусть лечатся – кому не лень,
А я не жажду долголетия!
Меня не вдохновляет мысль
Крепиться до почтенной дряхлости,
Без перспектив подняться ввысь,
Повыше, над бесплодной чахлостью.
К чему тянуть резину лет,
Соря увы... песочком ветхости,
И, как зажившийся поэт,
Стать под конец музейной редкостью?!

Не лучше ль оборвать полет,
Сложивши крылья по-орлиному,
И... камнем – вниз в водоворот...
Закончить раньше, но любимому?!

24.03.1962

ОБЕЛИСК

В приморском городке у двухэтажной школы
Стоит среди цветов надгробный обелиск.
К нему доносятся и школьный гам веселый,
И смех бубенчатый, и детский визг...
А рядом с ним – шоссе, змеясь, уходит в горы.
За день и ночь не умолкает жизнь.
Взбираясь на гору, «ЗИСы» урчат упорно
И скатами шуршат, сбегая в город, вниз.
А обелиск молчит – печально-величавый,
Кладя на бархат трав свою скупую тень.
Торжественный свидетель нашей славы,
Как он хорош в лазурный майский день!
И кто бы ни был здесь зарыт, у этой школы -
Колхозник, сталевар, волжанин ли, грузин -
Они отдали всё за этот гам веселый,
За Родину свою, за бег ее машин.
...У школы, близ шоссе стоит в уединенье
В букетах и венках надгробный обелиск,
И, словно вслушиваясь в шум весенний,
Он с высоты глядит на нашу жизнь.

МОРЕ

Кого ты, море, не пленяло,
Кто не унес от этих берегов
В душе своей, как огненное жало –
Бескрайности твоей могучий зов
И Спокоен мерный шум прибоя,-
Ему сегодня – миллионы лет...
И синь твоя – всегда была такою,
И волн всегда был изумрудным цвет.
Ты пережило Байрона восторги
И Пушкина прощальную строфу...
Как рану сердца, поцелуй твой горький
И я с собою в вечность унесу.
Пройдет гряда тысячелетия,
Истлеют эти строки – кровь души
Но так же юны будут на рассвете
Твои тона... Свежи и хороши!
Мне грустно, но печаль моя спокойна,
Я знаю – к этим вечным берегам
Придет, как я, потомок мой достойный,
Отдавший сердце слову и стихам, –
Твоим напевом очарован,
Тебе, как гордый властелин стихий,
Прочтет свое он пламенное слово
И солнечные посвятит стихи...

МОРЕ

Дорогой доченьке моей в утешение

Кого ты, море, не пленяло?
Кто не унес в душе с собой
твою немую величавость
И твой волнующий покой?
Ты знало Байрона восторги
И Пушкина крылатый ямб,
И ныне –
поцелуй твой горький
вот и меня зовет к стихам.
И я, увы, берусь за оды -
Но знаю –
мне не рассказать –
Ни как ты страшно в непогоды,
Как кротко –
лишь прошла гроза.
...Да, это так, но мне – спокойно...
Я знаю, к этим берегам
Придет потомок мой достойный
По мною хоженным тропам;
И тут, где я,

На этом взморье
тобой он будет потрясен
И воспоеет тебя,
О море,
Как все поэты всех времен!..

Туансе, 16.07.1964

К 8 марта 1964 года

ЖЕНЩИНАМ

Дорогой и родной доченьке Жанне

Я нашим женщинам,
не как старик –
рассудочно,
а молодо-неистов
несу букет из пламенных гвоздик
и орхидей
серебряно-лучистых...
Гвоздики –
в честь их всемогущих чар,
перед которыми мы отступаем,
а орхидеи в нем –
как нежный дар
прекраснейшему
из прекрасных таинств –
уменью их –
растить людскую душу,
любовь к товарищу, к семье, к труду,
уменью – человека в горе – слушать,

от друга отвести беду.
... Сегодня – женщинам –
 не как старик, –
а молодо, восторженно и чисто
я радостно дарю букет гвоздик
и орхидей –
 нарядно-серебристых!

ПОЭЗИЯ

Бывает,
что ни цифры, ни таблицы,
ни радужные взлеты диаграмм –
не помогают вспыхнуть, окрылиться
и... оторваться от житейских «драм». –
Тому подай лавсан,
 другому лыжи,
«А мебель наша где,
 подумать – стыд»...
И чувствуешь,
 что сил нет выжить
и как тебя захлестывает быт.
... В такие дни со мной не сладить прозе –
Нужна поэзия!
 Одни стихи
Людей – в лазурное,
 к мечтам уносит –
от подленькой мещанской чепухи.
И тянешься к прокофьевской гармонии.
Вздохнешь...
Раскроешь вновь «За далью даль»,
И будущее у тебя, как на ладони:
Его величие

И каждая деталь.
Поэзия...
Она – цветы и крылья.
Без них
застыла б жизнь,
как на луне.
А люди меж собой как волки жили...
Так кажется,
Так думается мне.

Tuapse, 6.02.1962

ГОРЬКОМУ

Он свой рабочему и в Риме и в Нью-Йорке,
Но нам он ближе – наша плоть и кровь.
Но если имя он любил, как Горький, –
Нам дорог в нем и Алексей Пешков.

Влюбленный в жизнь нижегородский парень,
Познавший русскую безрадостную быль,
За стенами подвалов и пекарен
Он видел мир старухи Изергиль.

Один из тех, кто вышел спозаранку,
Чтоб спящим возвестить приход зари,
Он, как пылающее сердце Данко,
Путь к октябрю во мраке озарил.

В зверином царстве хищных Булычевых
Он Власовым талант свой посвятил,
Был их товарищем в боях суровых
И тысячам из них он крестным был.

Им отдал он свой яркий русский гений,
Им завещал презрение к врагам...
Вот почему теперь его творений
Не погасить ни годам, ни векам.

НАШ ГОРОД

Ты пока еще
Приморский городок,
Точечкой отмеченный на карте,
Где прекрасен южный солнцепек
Но бывают и норд-осты в марте.

Пляж твой тесноват пока и тверд,
Кромка берега изломана капризно.
Потому,
Возможно,
Как курорт
Ты пока,
Наш городок,
Не признан.
Но с бокалом праздничным в руке,
Налитым на Новый год для тоста,
Вижу я –
Уже невдалеке, –
Вежа твоего,
Наш город,
Роста.
В дымке радужных
грядущих лет,

Как сквозь скошенные грани призмы,
Вижу восхищенно,
Как поэт,
Туапсе эпохи коммунизма:
Черноморский мощный первоклассный порт
В ожерелье набережных гибких,
Всей страны
Излюбленный курорт
Радостный,
Как детская улыбка...
Город весь -
Большой, цветущий сад,
Вместо улиц –
Стройные аллеи...
Превосходный городской театр,
В мрамор облаченные музеи.
Так поднимем же наш новогодний тост,
Чтобы явью это стало скоро,
За Отчизны нашей дивный рост
И за то,
Чтоб с нею рос наш город!

ТВОРЧЕСТВО

...Вот он, здесь, стоит ко мне спиной –
Мускулистый,
напряженный,
ловкий,
Грудь его палит слепящий зной
Раскаленной добела поковки.
Два движения.
Поворот.
Толчок.
Огненный металл – на наковальне.
Легкое движение педали,
И боек вспорхнул, как мотылек.
Бей! –
Удар.
За ним еще, еще...
И под броской тяжестью ударов
В новое вступает бытие. –
То, что было раньше сгустком жара...
.....
Где мне взять такое мастерство,
Столько воли и душевной силы,

Вдохновенья, мысли быстrokрылой
Для «поковок» сердца моего?
Чтоб строфа моя звала,
будила,
Окрыляла думы,
жгла сердца,
Чтоб мой труд звучал
такой же силой,
Как у этого
поэта-кузнеца!

«НОВАТОР»

(басня)

Какой-то Кот
мастак по части крыс –
(Он знал прекрасно их уловки)
Внес предложенье в бриз
И с ним эскиз
Известной в ширпотребе мышеловки.
Гусак,
Заведовавший бризом,
Созвал котов со всех карнизов
На техсовет,
Который вынес заключение,
Что, спору нет,
Тут налицо — солидное изобретенье....
Тут и «прогресс»,
и «экономия во времени»,
И дело чуть ли не дошло до премии.
Но на беду Коту
 во двор
Забрел Полкан — дворовый
ревизор.

Как зарычит:
— При чем тут бриз?
Кому ж, как не ему —
Руководящему Коту,
Решать вопросы ловли крыс?!

СВЕРСТНИКУ

Людской поток, огонь знамен,
Улыбки на горячих лицах,
И ты, колонной увлечен,
Стараясь с ноги не сбиться.
Запевом звонких голосов
Ты вторишь, видно, забывая,
Что в море молодых голов
Твоя, совсем уже седая...
Ну что ж, пусть это и контраст,
Но нам сегодня не до счета,
Кто в этот чудный день и час
Задумает копаться в годах?
Ведь мы, не замечая лет,
Трудились молодо, запоем,
Как будто силам – края нет,
А старость – это, мол, пустое...
Ничто нас не могло сломить:
Ни быт суровый, ни лишения.
Мы не скупилась жарко жить
И щедро тратить вдохновенье...
Да, кто был юным в Октябре,
Его огнем зажегся, ожил,
Тот может только пасть в борьбе,
А постареть – уже не может.

6.11. 1956

ЗДЕСЬ БУДЕТ ДОМ

Вчера еще здесь здесь был забор.
Дощатый, старый, весь и афишах.
И вот открывшийся простор
Ожил и полной грудью дышит.

Там, где бурьяном поросло,
Мелькают кирки и лопаты!
И тут же, с грохотом и зло
В бугор зарылся экскаватор.
И здесь построится!
Но что? Не школа ли,
детсад зеленый,
А то, глядишь,
во весь простор
Раскинется театр.
в колоннах.
А может быть,
И просто дом
Красвец дом
на полквартила,
Чтобы жилось удобно в нем,
Как нашим людям жить пристало.
Да что б ни строилась –

Оно
Нам с первых дней уже родное.
И строиться оно должно,
С огнем, напористо, с душою,
Чтоб каждый куб бетона в нем.
Достоин был страны рабочих,
Чтоб каждый выстроенный дом
Был доброй славой наших зодчих!

12.08.1956

ПЕРВОКЛАССНИЦЕ

Не за руку, хотя и рядом с мамой,
В передничке и с бантиком в кудрях,
Стараясь удержать букет упрямый,
Ты стала нерешительно в дверях.
Большие окна, крепко пахнет краской,
Доска в линейку, счеты у стола...
Все нравится, но ты глядишь с опаской,
Чтоб мама незаметно не ушла.
Ну, не робей, садись за парту, крошка!
Здесь проведешь ты десять лучших лет.
Отсюда ты пойдешь своей дорожкой
И вступишь взрослой в необъятный свет.
Здесь ты возьмешься за перо впервые
И палочками изведешь тетрадь,
Чтоб после эти палочки смешные
С улыбкой светлой долго вспоминать.
Здесь ты попробуешь на школьных счетах
Сложить ручонкой робкой два да семь.
И здесь же ты научишься работать!
Над выводом мудреных теорем.

Здесь ты поймешь, ценой каких стараний
Проложен был твой лучезарный путь.
И этот день твоей святыней станет,
Теплом всю жизнь переполняя грудь.

ТУАПСЕ

(Песня-вальс)

По мягко сбегающим склонам,
Спускаясь к морской бирюзе,
В роскошном убранстве зеленом
Раскинулся наш Туапсе.
Его обрамляет предгорье:
Три брата и хмурый Кадош,
Но так здесь улыбчиво море,
Что взор с него не отведешь....

Припев:

*Море... Синяя даль
Глубока на заре.
Волны плещут свой вальс
В кружевном серебре.
Берег, парки, сады
Все в алмазной росе.
Где бы ни были мы –
Мы с тобой, Туапсе.*

Повсюду: в цехах,
на причалах
Дела трудовые кипят.
Горячее время настало.
Для наших парней и девчат
Минут не теряя напрасно,
Везде среди первых они.
А вечером — долго не гаснут
По школам и клубам огни...

Припев.

Семь раз зашумят
по бульварам
Катальпы в весенней красе,
Но время промчится не даром
Над нашим родным Туапсе.
Он станет жемчужиной юга,
Как в сказке, могуч и хорош.
Тому — наши люди порукой,
На этом — стоит молодежь!

Припев.

ВЫПУСКНИКИ

Где горы высятся невдалеке
И волны точат каменистый берег,
В зеленом черноморском городке
За нами школьные закрылись двери.
Здесь после бала мы пошли глядеть,
Как солнце из-за гор лучами брызнет,
И, взявшись за руки, бродить и петь
О первом утре нашей взрослой жизни.
Что, хоть и любим мы свой городок,
Его бульвар и солнечные пляжи,
Нас не пугает даль больших дорог,
Которые нам Родина укажет.
Что разлетимся все мы – кто куда,
На Север ли, в суровый край целинный,
А то в бригады маяков труда,
Где люди спаяны мечтой орлиной.
Но с книгами, друзья, мы не порвем,
Нас с ними накрепко связали узы,
И радостно, как в добрый отчий дом,
Мы соберемся всей семьей в вузы.

Придем туда с заводов и полей
На штурм высоких цитаделей знаний,
Чтоб превзойти своих учителей
Размахом молодых своих дерзаний.

Ноябрь 1959

ЕСЕНИН

Как в широко распахнутые сени
Врывается дыхание жарких трав,
Вошел в поэзию Сергей Есенин
Нелепой ранней смертью смерть поправ.

Ушел. Его презрительно отпели:
«Упадочный никчемный трубадур»,
Но тот, кто молод был в эпоху бурь,
Не забывал о русском менестреле.

Он грезил в безвременье петроградском
Березками в затонах синевы,
Писал о яблонях в дыму кабацком
Суровым утром вздыбленной Москвы.

В чаду пивных, в угаре ресторанном,
Растрчивая боль на пустяки,
Он шел по жизни нежным хулиганом,
Певцом собачьей, неземной тоски.

Его несло, как щепку красным шквалом,
А он навстречу шторму шел смеясь,
От Снегиной к ногам прекрасной Лалы,
То поднимаясь, то срываясь в грязь.

Но он остался символом исканий
Для тех, кто не изжил годину грез,
Цветком, забытым на столе в стакане,
Поэтом русских яблонь и берез.

Сочи. 29.01.1959

ЖАННОЧКЕ, ДОЧЕНЬКЕ МОЕЙ

Даю тебе стихи поэта, которого и я любил,
Когда весны своей приметы
И я... обидно не ценил.
Но я теперь в тиши осенней,
Когда я скуп на чувства стал,
Его печаль и полутени,
Я понимать не перестал.

**СТИХИ
БОРИСА КРИГЕРА**

* * *

Мы ушли, не простившись, не взяв адресов.
Пряной сказкой нам даль померещилась
 верно.

И в глаза застилался простор парусов
В соответствии с памятной книжкой Жюль
 Верна.

Это значит, что долго сидеть взаперти
Есть единственный шанс оставаться
 ребенком.

Для которого вряд ли, едва ль запретишь
Недоступного жаждать особенно тонко.

Снится нам впопыхах отмежёванный край,
Вперемешку с чужим, тут уж некуда деться,
Видно, мир – это слишком крутой каравай
Из весьма однородного пресного теста.

* * *

Покрывает нас матом ли, воем ли
Под конец разгулявшийся век-удав.
Эх, упряжечка наша с оглоблями,
Поворачивать надо б, да некуда.
Променяли жизньё наше с гоями,
Пусть гниёт за бетонными блоками,
На свободы колодец с обоями
В намалёванных выходах с окнами.

Разберусь я, где хала, а где маца,
И сальцо будет сниться мне реже всё,
Всё равно тут своим не заделаться,
Даже если по горло обрежешься.

Мне прямая дорога прислужником
Поустроиться как поудачнее,
А мозги мои, видимо, нужны им,
Как кондитеру вымя телячье.

1990

* * *

В кратной сну перемене
Угловатых видений
Спешен веер осенний
Будущих мизансцен.

К ним бы внемлить иначе.
Жаль, что дар сей утрачен,
Как у слов своезначье
Обесцветил акцент.

Окровавленным светом
И недобрым наветом
Раскаляется лето
И не верит мольбе

Время – пагубный сыщик,
Он нас верно отыщет
Даже в блеющей тыще
Неподобных себе.

В тесном воздухе спёртом
Облюбованный чёртом,
И жарой, и подсчётом
Опустыневший дом.

В нём воздушно и слабо
Сквозь извечное табу
Тянет жёлтую лапу
Мишка – плюшевый гном.

* * *

Напрасно Пушкина сгубило сладострастье,
Он так страдал от похоти земной
И, исторгая перлы разной масти,
Искал, несчастный, волю и покой.

Мой милый Пушкин, что ж ты
сквернословишь,
Ужель нельзя изъять из слов порок,
Ужель тебя, усталого, в любви
Волнует только страстность и курок?

Ужель сквозь снег и толщу неприятя
В долгах и соплях завершая век, –
Весь смысл жизни – жаркие объятья,
Весь смысл смерти – мёртвый человек?

15.9.2001

* * *

Ах! Наслаждайтесь грубо,
С забвеньем в голове
Селёдкой под шубой,
Салатом «Оливье».

На глади майонезной,
Как в дебрях ледника,
Не станет нам полезной
Нежадная рука!

Еда и наслаждение
Повенчаны давно,
Как льнёт от охлажденья
Прозрачное вино!

Как вертится не в яви
Во рту, наверняка,
Конфет изящных гравий
В глоточке коньяка!

Не так уж много в мире
Негрешных есть утех.
Живя в своей квартире,
Наестся ведь не грех!

И, обручась с обманом
И шуток колесом,
Не грех прослыть гурманом
С замасленным лицом!

26 августа 2001

* * *

В уютных рассуждениях с Платоном,
Смакуя запах типографских строк,
Я растерял прозренья по перронам
И загрузил, как истинный пророк.

Отбросив стыд, как корку апельсина,
Мой новый глобус мордой стал к стене,
Окьяном Тихим повернувши спину
своей заморской задницей ко мне.

Теперь я здесь, на Новом Континенте.
Мне ль по себе? Не знаю. Вряд ли так.
Тут на недвижимом зиждется цементе
Неистребимый отголосок драк!

Я созерцаю, внемля перегуду
То ль сквозняков, то ль чёрт-те знать кого,
И машинально всё рисую Будду,
И ненарочно всё гляжу в окно.

Там льёт мгновений неизбывный шорох,
То шелестит, то сыплется листвой,
И я сушу в пороховницах порох,
Изрядно поднамоченный судьбой.

Моя отчизна – там, где дней не мерят,
Где нет огня, где шорохов не ждут,
Где любят, помнят и немного верят
И где мои межстишия живут.

1 сентября 2001

* * *

Я уехал, и снова уехал,
Убежал, ускользнул и ушёл.
Для кого-то всё это потеха,
Для кого-то весёлый прикол.

Я в лесу. Больше дела мне нету.
Новостей разрывается нить.
Я почти что покинул планету,
Просто чтоб обстановку сменить.

Но не сплю я от гулких винтовок, —
То охотников к нам занесло, —
А мне видится: пули иголок
Решетят лобовое стекло.

Что за чёртова наша судьбина,
Неприкаянный наш приговор.
Вечно тает под ступнями льдина,
Словно кто раздувает костер.

Не кончается эта потеха,
Ещё много чертовских проказ!
Если б мог от себя я уехать,
Я б уехал ещё много раз...

8.02.2001

* * *

Дождь, следуя примеру палачей,
Считал листву простреленною жертвой.
В жилище тёплом громкий треск печей
Подтрунивал над юностью мольберта.

А по углам ворчала тишина,
Что вечно нет покоя ей от треска.
И льдистых окон чудо-пелена
Застыла, как мифическая фреска.

Всё это было рядом, не во сне,
Не где-то в неизведанном столетье,
И снова жизнь вилась в печном огне,
И снова тень писала на мольберте.

И тёмный лес не ухал, не пугал,
А просто оставался между нами.
Сынишке он по азбуке читал,
Дочурку он баюкал пустяками.

А я с тобой по призрачной заре
Бродил и мял ковер из мшистых веток,
И, не найдя в усохшем словаре,
Слова мы ткали из немого света.

Октябрь 1999 г.

Оглавление

Память поколений. Вместо предисловия.....	3
Глава Первая.	
А кругом шумел живой прошлый век... ..	7
Глава Вторая.	
Кровавые дни Кишинёва... ..	12
Глава Третья.	
Поэзия и грёзы: каким оно было, начало двадцатого века... ..	26
Глава Четвёртая.	
«Боже царя храни...»	50
Глава Пятая.	
Первая Мировая Война.....	57
Глава Шестая.	
Война – войной, а учиться-то надо... ..	64
Глава Седьмая.	
Сюрпризы Гражданской Войны.....	74
Глава Восьмая	
Прыжок в окно в Европу... ..	91
Глава Девятая	
Шестнадцать лет в Румынии.....	97
Глава Девятая	
Румынский коммунист, и, наверное, советский разведчик... ..	105
Глава Десятая.	
Назад в Россию.....	122
Глава Одинадцатая.	
Благодаря кому разбомбили нефтепроводы в Румынии?.....	128

Глава Двенадцатая.	
Антисемитизм душил с детских лет... ..	139
Глава Тринадцатая.	
Институтские годы.....	155
Глава Четырнадцатая	
Закончила институт, стала работать...	
семья, дети, дом.....	162
Глава Пятнадцатая.	
Человек ищет... ..	172
Глава Шестнадцатая.	
Жизнь начиналась сызнова.....	186

СТИХИ БОРИСА БЕРЗОНА

О ДОЛГОЛЕТИИ.....	217
ОБЕЛИСК.....	219
МОРЕ -1.....	220
МОРЕ-2.....	221
ЖЕНЩИНАМ.....	223
ПОЭЗИЯ.....	225
ГОРЬКОМУ.....	227
НАШ ГОРОД.....	228
ТВОРЧЕСТВО.....	230
«НОВАТОР».....	232
СВЕРСТНИКУ	234
ЗДЕСЬ БУДЕТ ДОМ.....	235
ПЕРВОКЛАССНИЦЕ.....	237
ТУАПСЕ (Песня-вальс).....	239
ВЫПУСКНИКИ.....	241

ЕСЕНИН.....	243
ЖАННОЧКЕ, ДОЧЕНЬКЕ МОЕЙ.....	245

СТИХИ БОРИСА КРИГЕРА

«Мы ушли, не простившись, не взяв адресов...»..	249
«Покрывает нас матом ли, воем ли...».....	250
«В краткой сну перемене...».....	251
«Напрасно Пушкина сгубило сладострастье...».....	253
«Ах! Наслаждайтесь грубо...».....	254
«В уютных рассуждениях с Платоном...».....	256
«Я уехал, и снова уехал...».....	258
«Дождь, следуя примеру палачей...».....	260

Жанна Борисовна Кригер
В эпох и стран круговороте.
100 лет жизни одной семьи в XX веке

Обложка Ольги Романовой
Литературная обработка Михаила Берковича
Редактирование и верстка Эвелины Ракитской

Свидетельство о регистрации издательской
деятельности номер 304770000035725 (Москва).
Издатель **А. Д. Богатых (Москва)**. Гарнитура "AG
Presque".
Объем: 20 авт. л.

С авторами можно связаться по электронной почте:

kriger@list.ru

также посетите пожалуйста семейные, авторские и
бизнес-сайты семьи Кригер:

Авторские сайты Бориса Кригера:

www.krigerland.com
www.krigerland.ru

**Бизнес сайты компаний, владельцем или
совладельцем которых является Борис Кригер:**

Kriger Research Group International www.kriger.com
Kriger Research Center Canada www.kriger.ca
Kriger Research Center Israel www.kriger.co.il
Kriger Pacific www.krigerpacific.com.au
Kriger - Eastern Europe www.krigercenter.ru
KRC Training www.krctraining.com
KRC Internal Site www.krcintranet.com
ClinQua Clinical Trials Inc. www.clinqua.com
BioRole Scientific Solutions Inc. www.biorole.com
International Biopharmaceutical Association
www.ibpassociation.org
Altaspera Global Services www.altaspera.com
muskoka Flying Penguin www.muskokafllyingpenguin.com
Клинические Исследования в России www.clinicaltrials.ru

**Сайты компаний в которых работал / работает
Михаил Кригер:**

Intel www.intel.com
Texas Instruments Semiconductors www.ti.com
Philips Semiconductors www.semiconductors.philips.com
SAMSUNG Semiconductors www.samsung.com
Freescale Semiconductor (Motorola). www.freescale.com

**Сайты заводов, на которых работали
Жанна и Юрий Кригер:**

Свердловский Инструментальный Завод <http://siz.ur.ru/>
Уральский завод тяжелого машиностроения
www.avtomash.ru/cdm/uztm/uztm_istori.htm

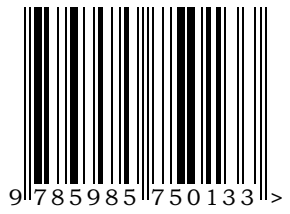
Сайты Якова Кригера:

Jacob Kriger's World of Knowledge [http://www.altaspera.com/
jacob.htm](http://www.altaspera.com/jacob.htm)
Роман Якова Кригера
Endless Journey into the Black Hole
<http://journeyintotheblackhole.blogspot.com/>

**Контактные координаты издательства
и редакции международного литературного
рекламного журнала «У»:**
Москва: baemist@online.ru; niw@niworld.ru
тел.+7(926)-227-99-25
Тель-Авив: 0544-953-961;
evelin7@013.net

сайт: [Http://www.era-izdat.com](http://www.era-izdat.com)

ISBN 5-98575-013-2

9 785985 750133 >